

Охота за матерью

Глава 1

Дверной звонок раздался сразу после одиннадцати, во вторник в начале июня, я вышел в холл, посмотрел сквозь стеклянную, прозрачную только с моей стороны панель и увидел то, а, скорее, ту, кого и ожидал увидеть: женщину с удлинённым лицом, с немного слишком большими серыми глазами, с чуть-чуть более тонкой фигурой, чем требовалось по самым высоким оценкам. Я знал, кто она, поскольку во второй половине дня понедельника она нам звонила, и мы условились о встрече. Мне была знакома ее внешность, потому что я несколько раз видел ее в театрах и ресторанах.

Кроме того, я достаточно много знал о ней, в чем мне, отчасти помогла печать, отчасти - слухи. Поэтому я мог кратко проинформировать Ниро Вулфа, не прибегая ни к каким поискам. Это была вдова Ричарда Вэлдона, писателя, умершего около девяти месяцев назад - он утонул в чем-то плавательном бассейне в Винчестере - после чего четыре его книги стали бестселлерами, а одна - "Никогда не мечтай снова" - вышла тиражом более одного миллиона экземпляров по цене пять долларов девяносто пять центов, и поэтому счет от частного детектива не должен был волновать нашу посетительницу.

Пять или шесть лет тому назад Ниро Вулф прочитал "Никогда не мечтай снова" и сразу же избавился от этой книги, отдав ее в библиотеку. Но захотел достать последнюю книгу Вэлдона "Его собственный образ", и вскоре она заняла место на книжной полке Ниро Вулфа. Это и послужило причиной того, что теперь он приподнял свою тушу со стула - я ввел миссис Вэлдон в кабинет, а Вулф продолжал стоять, пока она не села в красное кожаное кресло, стоявшее у письменного стола. Я направился к своему столу и сел, не ожидая услышать ничего любопытного. Миссис Вэлдон сообщила по телефону, что хочет всего лишь проконсультироваться с Вулфом о чем-то сугубо личном, но сейчас по ее виду я бы не сказал, что ее ограбили или причинили какой-то вред. Скорее всего, речь пойдет о чем-то ординарном, вроде анонимного письма или исчезнувшего родственника. Поставив сумочку на подлокотник, она огляделась.

Взгляд ее больших серых глаз на мгновение остановился на мне, потом она повернулась к Вулфу и сказала:

- Моему мужу понравилась бы эта комната.

- Миссис, - сказал Вулф, - а мне понравилась одна из его книг, но с оговорками. Сколько ему было, когда он умер?

- Сорок два.

- А сколько лет вам?

Этот вопрос предназначался мне. Все дело в том, что у Вулфа есть три убеждения: а) враждебное отношение Вулфа к женщинам лишает его возможности что-нибудь понять даже в простеньких экземплярах; б) мне достаточно провести хотя бы час с любой из них, чтобы дать точное определение; и в) чтобы не затруднять себя, нужно задать женщине несколько резких и неуместных вопросов. А его любимый вопрос: "Сколько вам лет?" Как женщина на него прореагирует - это и позволит верно судить о ней.

Люси Вэлдон выбрала наиболее верное решение. Она улыбнулась и сказала:

- Достаточно много, даже слишком. Двадцать шесть. Это настолько много, что можно определить: ты нуждаешься в помощи... поэтому я и здесь.

То, что я намереваюсь рассказать, сугубо... сугубо конфиденциально, - она взглянула на меня. Вулф кивнул:

- Так всегда говорят. Такова наша профессия. Но мои уши - это уши мистера Гудвина, а его уши - мои. А что касается конфиденциальности, то я не думаю, что преступление, которое вы совершили, было чересчур серьезным.

Она улыбнулась снова. Правда, улыбка лишь мелькнула и тут же исчезла, но все же это была улыбка.

- Нет, речь идет не о преступлении. Я хочу, чтобы вы нашли для меня одного человека. Дело немного... как бы это сказать... необычно. В моем доме находится ребенок, а я хотела бы узнать, кто его мать. Как я уже говорила, все это строго конфиденциально. Но для некоторых это все-таки не тайна. Моя служанка и кухарка в курсе дела, кроме них - мой адвокат и двое моих друзей. И это все, поскольку я не уверена что оставлю ребенка у себя.

Вулф нахмурился, что было неудивительно:

- Я не специалист по детям, мадам.

- Конечно, я понимаю. Дело не в том. Я хочу... но прежде я должна вам все рассказать. Я получила его две недели назад, в воскресенье, двадцатого мая. Позвонил телефон, я ответила, и голос в трубке сообщил, что в моем вестибюле кое-что лежит... И там на полу я нашла сверток из одеяла.

Я взяла его, а в комнате обнаружила приколотый к одеялу листок бумаги, - она открыла сумочку и вынула из нее листок.

К этому моменту я был уже рядом с ней, взял записку - достаточно было одного взгляда, чтобы прочитать ее и протянуть Вулфу, но я обошел его письменный стол, изучая записку. Это был листок размером четыре на шесть обычной дешевой бумаги. Записка из пяти кривых строчек, напечатанных на детском гектографе, была кратка и лаконична:

Миссис Ричард Вэлдон Этот ребенок для вас Потому что мальчик должен Жить в доме Отца В углу листка были две дырочки от булавки. Вулф положил записку на стол, повернулся к посетительнице и спросил:

- Это правда?

- Я не знаю. Разве я могу знать? Но, может быть, и правда.

- Может быть, или маловероятно?

- Думаю, что возможно, - она закрыла сумочку и положила ее на прежнее место. - Я считаю, что такое вполне могло случиться, - она опустила руку с обручальным кольцом. Взгляд ее остановился на мне, потом возвратился к Вулфу. - Но вы отдаете себе отчет в том, что все сказанное должно остаться между нами?

- Конечно.

- Хорошо... Я расскажу вам все, потому что хочу, чтобы вы все поняли.

Мы с Диком поженились два года тому назад. Да, два года исполнится в следующем месяце. Мы были влюблены друг в друга, я все еще так думаю. Но для меня много значило и то, что он был знаменитостью, а я при нем - миссис Ричард Вэлдон.

А для него много значило... то, кем я была. А я была из известной семьи Армстед. Я не знала, насколько это важно для него, пока мы не поженились, но он так и не понял, что мне до смерти надоело быть Армстед, - она перевела дыхание. - До нашей свадьбы у него была репутация Дон Жуана, но, как это часто бывает, все оказалось преувеличенным. В течение двух месяцев мы были полностью...

Она замолчала и закрыла глаза, но через секунду продолжила:

- Для меня не существовало ничего, кроме нас двоих. И для него, я думаю, тоже. Я уверена в этом. Но потом... я не знаю, что произошло, но все изменилось. В течение последнего года его жизни, возможно, у него и была женщина, а может и две или дюжина... я ничего не знаю точно. Но я уверена, это могло быть. А ребенок... как вам сказать? Вполне мог быть.

Понимаете?

- Пока да, - Вулф кивнул. - Но что вас интересует больше всего?

- Ребенок Я собиралась иметь одного или двух... в самом деле, и Дик хотел, но я решила подождать. Отложила это на потом. И вот... ребенок есть, он у меня, - она показала на записку, лежащую на столе Вулфа. - Я думаю, что в записке все совершенно верно. Мальчик должен жить в доме своего отца, должен носить его имя. Но вопрос в том, был ли Ричард его отцом? - Она снова повернула руку с кольцом. - Вот так.

Вулф вздохнул.

- Такой вопрос разрешить не удастся, разве вы не знаете. Гомер говорил: "Ни один человек не может быть уверенным, кто его отец". И Шекспир подтверждал: "Мудр тот отец, который знает своего ребенка". Я не смогу помочь вам, мадам. Да и никто не сможет.

Она улыбнулась:

- Конечно же, вы можете мне помочь. Не в ваших силах доказать, что именно Дик отец ребенка. Но вы ведь можете выяснить, кто положил младенца ко мне в вестибюль и, кто его мать. А потом... - она открыла сумочку.

- Я вычислила сама... - Из сумочки она достала листок иного размера и качества. - Доктор сказал, что двадцатого мая ребенку было четыре месяца. Значит, он родился примерно двадцатого января, а был зачат примерно двадцатого апреля прошлого года. Когда вы узнаете, кто его мать, вы сможете выяснить все о ней и о Дике, чтобы удостовериться, были ли они тогда близки. Вы не установите, что младенец его сын, но этого будет достаточно. И если это все обман, Дик не отец, мне это поможет, не так ли?

Первое - узнать, кто подбросил ребенка, второе - кто его мать. А я, возможно, захочу сама задать ей несколько вопросов, просто для себя. А там посмотрим.

Вулф, откинувшись в кресле, хмуро посмотрел на нее. Все это начинало походить на работу, от которой он отказался бы в том случае, если бы говорил с клиенткой по телефону. Вулф терпеть не мог такой работы, а его текущий счет в банке был вполне достаточен для приличного существования.

- У вас богатое воображение, - сказал он, - а я не волшебник, миссис Вэлдон.

- Конечно, нет, но вы - лучший детектив на свете, не так ли?

- Вряд ли. Лучшим детективом может оказаться грубый, почти первобытный человек с небольшим запасом слов. Вы сказали, что ваш адвокат знает о ребенке. Известно ли адвокату, что вы консультируетесь со мной?

- Да, но он этого не одобряет. Он считает мое желание оставить ребенка у себя глупостью. Ведь о детях есть определенные законы и, согласно им, я могу держать у себя ребенка лишь временно. Но именно поэтому я настояла на своем. Найти мать - мое дело. Его дело - закон.

Не зная того, она попала в самую точку. Даже Вулф с его запасом слов не выразил бы лучше свое отношение к адвокатам. Выражение его лица стало более учтивым.

- Мне кажется, - сказал он, - что вы не совсем учли все трудности.

Расследование наверняка займет много времени, будет нелегким, дорогим и, возможно, безрезультатным.

- Я ведь говорила, что понимаю - вы не волшебник.

- Мои услуги стоят дорого. Можете ли вы себе это позволить?

- Я получила наследство от бабушки и имею доход от книг мужа. У меня собственный дом. - Она усмехнулась. - Если хотите взглянуть на сумму моих налогов с доходов, обратитесь к моему адвокату.

- Не стоит. Дело может занять неделю, месяц, год.

- Для меня это не имеет значения. Но мой адвокат утверждает, что временное содержание незаконнорожденных может продолжаться не более месяца.

Вулф взял листок, изучил и посмотрел на миссис Вэлдон.

- Если уж вам вздумалось придти, вы должны были сделать это раньше.

- Окончательно я решила только вчера.

- Это, возможно, слишком поздно. С воскресенья двадцатого прошло шестнадцать дней. Звонок был днем?

- Нет, вечером. Вскоре после десяти.

- Голос был мужской или женский?

- Трудно сказать. Думаю, это мог быть мужчина, подражавший голосу женщины, или женщина, старающаяся подражать мужчине.

- У вас есть какие-нибудь предположения?

- Никаких.

- Что было сказано? Дословно.

- Я была одна. Служанка ушла. Я сняла трубку сама и ответила: "Дом миссис Вэлдон". Голос спросил: "Это миссис Вэлдон?" Я ответила "да", и голос сказал: "Посмотрите, в вашем вестибюле кое-что есть," и короткие гудки. Я спустилась, увидела сверток, в нем ребенка, поднялась с ним в комнату и позвонила доктору...

- Вы были дома весь тот день и вечер?

- Нет. Я провела уик-энд за городом и вернулась домой около восьми.

- Где это "за городом"?

- Около Вестпорта. В доме Юлиана Хафта - он издает книги моего мужа.

- Где находится Вестпорт?

Ее глаза расширились от удивления. Мои - нисколько. Незнание Вулфом центрального района легко восполнялось атласом.

- Это Коннектикут, - сказала она. - Округ Фэрфилд.

- Когда вы оттуда уехали?

- В начале седьмого.

- На машине? На собственной?

- Да.

- С шофером?

- Нет. У меня нет шофера.

- Был ли кто-нибудь с вами в машине?

- Нет. - Она снова сделала характерный жест рукой с обручальным кольцом. - Я понимаю, детектив вы, мистер Вулф. Но я не вижу смысла в ваших вопросах.

- В таком случае вы все-таки не умеете мыслить логически, - он повернулся ко мне. - Объясни ей, Арчи.

Он хотел как-то задеть ее. И объяснять столь очевидное было ниже его достоинства. Он предоставлял это мне. И я подчинился.

- Должно быть, вы были слишком заняты ребенком, чтобы вникнуть во все подробности, - сказал я. - Представим, что это я положил в вестибюле ребенка, прежде, чем позвонить вам. Ведь я не сделал бы этого, если бы не знал, что вы дома и подойдете к телефону. Я был бы где-нибудь поблизости от вашего дома, пока не увидел бы, что вы вернулись, а в доме зажегся свет. Но скорее всего, я заранее знал бы, что вы уехали и вернетесь к вечеру. Вспомним последний вопрос: был ли кто-нибудь с вами в машине?

Самым простым способом узнать, когда вы вернетесь, было бы для меня находиться в вашей машине. Если бы вы ответили "я ехала не одна", то следующий вопрос был бы "с кем?".

- Боже - она смотрела на меня с удивлением. - Конечно, есть кое-кто, кого я знаю достаточно... - она помедлила и обратилась к Вулфу. - Спрашивайте, что хотите.

Он проворчал:

- Не хочу, а должен, если я берусь за эту работу. У вас есть дом. Где он находится?

- Одиннадцатая улица, возле Пятой авеню. Его построил мой прадед.

Когда я сказала, что мне надоело быть Армстед, я не просто болтала, это действительно так. Но родовый дом я люблю и Дику он тоже нравился.

- Вы единственная наследница? У вас есть жильцы?

- Нет, но я могла бы... как вам сказать...

- Служанка и кухарка живут в доме?

- Да.

- А еще кто?

- Пять раз в неделю приходит одна женщина помогать по дому, но она не живет со мной.

- Служанка или кухарка могли родить в январе?

- Кухарка вряд ли, - она улыбнулась, - и служанка тоже.

- А родственница одной из них? Скажем, сестра. Ведь это идеальное устройство судьбы никому не нужного крошки-племянника. Обычная история, - он постучал по записке пальцем. - Булавка была английская?

- Нет, обычная.

- Вы сказали, что записка была приколата к одеялу. В каком месте? У ног?

- Думаю, да, но я не уверена. Я достала ребенка из одеяла до того, как заметила записку. Вулф повернулся ко мне.

- Арчи, сколько бы ты дал за то, что это была женщина, если учесть, что ребенок подвергся опасности уколаться булавкой?

Я думал три секунды.

- Не хватает данных. Где именно была булавка? Во что был одет младенец? Насколько опасно местонахождение булавки? Грубо говоря - десять к одному, что это была женщина. Вряд ли кто-то даст десять за мужчину. Но я только отвечаю, а не бьюсь об заклад.

- Я тоже, - он повернулся к миссис. - Я не думаю, что ребенок лежал в одеяле голым.

- О, нет. На нем было даже слишком много одежды: свитерок, плюсовая шапочка, такой же комбинезончик, рубашка, нижняя рубашка, прорезиненные штанишки, пеленка. И еще ботиночки.

- А булавки еще были?

- В мокрой пеленке. По-моему, он был в ней несколько часов. Я сменила ее до прихода доктора - мне пришлось для этого воспользоваться наволочкой. Я прервал ее:

- Готов держать пари, если вас интересует мое мнение. Могу дать двадцать за то, что булавку к одеялу прикалывала женщина, но одевала его не она.

Никаких комментариев со стороны Вулфа не было. Он повернул голову, чтобы взглянуть на часы. До ленча оставался час. Затем, по-моему, он втянул носом весь воздух, который был в комнате - а воздуха тут было достаточно много - выдохнул его ртом и сказал:

- От вас потребуется получить больше информации, гораздо больше, и мистер Гудвин сделает это так же хорошо, как и я. Мое дело - выяснить личность матери. Но не доказывать с максимальной долей вероятности, что ваш муж был отцом ребенка. Так?

- Но... конечно, если вы... нет, я просто скажу "да".

- Прекрасно. Есть еще одна формальность - задаток.

- Конечно, - она протянула руку к сумочке. - Сколько?

- Не имеет значения, - он отодвинул от стола стул и встал, - доллар, сотня, тысяча. У мистера Гудвина будет к вам много вопросов. Прошу меня извинить.

Он миновал дверь, ведущую в холл, и повернул налево к кухне. На ленч предполагалось мясо косули, запеченное в горшочках - одно из небольшого количества яств, из-за которого у него с нашим поваром Фрицем существовали постоянные разногласия. Они были едины в вопросе использования свиного сала, анчоусного масла, кервеля, петрушки, лаврового листа, майонеза и сливок, а спор разгорался из-за лука. Фриц был за него, а Вулф категорически против. Все шансы были за то, что их беседа пройдет на повышенных тонах и, прежде чем перейти к разговору с миссис Вэлдон, я закрыл и без того звуконепроницаемую дверь, а когда вернулся к моему письменному столу, Люси Вэлдон протянула мне тысячу долларов.

Глава 2

В тот же день без четверти пять я находился на совещании в кухне Люси Вэлдон на Западной Одиннадцатой улице. Я стоял, опираясь на холодильник, и держал стакан молока. Миссис Вера Доуд - кухарка, которая, судя по ее габаритам, съедала все, что готовила, сидела на стуле. Это она снизошла к моей просьбе о молоке. Мисс Мэри Фолтц - служанка в форменном платье - была, несомненно, весьма привлекательна лет десять назад, но и теперь еще не оскорбляла глаз. Она стояла напротив меня, спиной к раковине.

- Нуждаюсь в помощи, - сказал я и отпил молока.

Я не пренебрег разговором с Люси Вэлдон перед ленчем, но нет необходимости вспоминать обо всем, что я записал - приведу лишь некоторые записи, которые я сделал с ее слов: нет ни одного человека, который ненавидел бы ее или имел повод, чтобы подстроить грязную шутку - обременить подкидывшем. Ее отец и мать были на Гавайях - остановились там во время кругосветного путешествия. Ее женатый брат жил в Бостоне, а замужняя сестра в Вашингтоне. Ее лучшая подруга - Лена Гютри, которой она показывала записку (двумя другими были доктор и

адвокат) считала, что ребенок похож на Ричарда Вэлдона, но у Люси было свое мнение. Она не собиралась давать младенцу имя, пока окончательно не решится его оставить. Может быть, она назовет его Моисеем, ибо никто так и не ведал, кто был отцом Моисея - при этом она улыбнулась. Ну и так далее. Я узнал имена пяти гостей, которые были на уик-энде в доме Хафта в Вестпорте двадцатого мая. Еще я вытянул из нее имена четырех женщин, с которыми ее муж мог иметь связь в апреле прошлого года. И еще дюжину мужчин, которые могли знать о развлечениях Дика больше, чем его вдова. Трех я отметил особо:

Лео Бингхем - продюсер на телевидении, владелец ТВ-компании, Вилли Крэг - литературный агент и Юлиан Хафт - издатель, глава "Парфенон-Пресс".

Этого вполне достаточно для начала.

А сейчас я проводил совещание с миссис Доуд и мисс Фолтц на кухне, потому что с людьми гораздо легче говорить там, где они привыкли разговаривать. Когда я сказал, что нуждаюсь в помощи, миссис Доуд прищурилась, а мисс Фолтц взглянула на меня скептически.

- Речь идет о ребенке, - сказал я и сделал глоток молока. - Миссис Вэлдон показала его мне наверху. Мне он показался слишком толстым, даже заплывшим жирком, а его нос, как пуговка. Правда, не забывайте, что я всего-навсего мужчина.

Мисс Фолтц скрестила руки на груди. Миссис Доуд сказала:

- Ребенок вполне нормально развит.

- Я полагаю, что так оно и есть. Скорее всего тот, кто его положил в вестибюле, рассчитывал, что миссис Вэлдон оставит его у себя. Неизвестно сделает она так или нет, но она ведь просто хочет знать, откуда он взялся, и для этого наняла детектива. Его зовут Ниро Вулф. Может, вы о нем слышали?

- Он с телевидения? - спросила мисс Фолтц.

- Не будь душой, - сказала миссис Доуд. - Как же он может быть оттуда? Он настоящий сыщик. - Она обратилась ко мне:

- Я слыхала о нем. И о вас. Ваша фотография была в газете около года назад. Я запомнила ваше имя... нет, мне следовало бы сразу вспомнить, когда миссис Вэлдон объявила: "Гудвин". Вы - Арчи Гудвин. У меня хорошая память на имена и лица.

- Хорошо, - сказал я и отпил молока. - поэтому я нуждаюсь в вашей помощи. О чем я должен подумать в нашем случае? О том, что есть какая-то причина, по которой ребенок был подкинут в этот дом, а не в какой-нибудь иной. Какая же может быть причина? Первой может быть то, что некто живет в этом доме и хочет, чтобы ребенок был рядом. Поэтому Ниро Вулф спросил вашу хозяйку: не могла ли одна из женщин, что живет здесь, родить четыре месяца назад?

Они запротестовали, но я успокоил их:

- Теперь вам понятно, - сказал я, не повышая голоса, - почему я нуждаюсь в вашей помощи. Я ведь рассказал вам, что детектив задал естественный вопрос. А вы сразу вспыхнули. Но попытайтесь на миг вообразить себя в роли детективов. Миссис Вэлдон ответила, что ни одна из вас не могла родить четыре месяца назад. Разумеется, детективы задают следующий вопрос: может у одной из вас есть родственница, скажем, сестра, которая родила малыша, но не имеет средств его воспитывать? Ответить на этот вопрос труднее. Нам, детективам, придется попотеть. Придется разыскивать ваших родственников и друзей, мучить их вопросами и это будет стоить кучи денег и времени, но я ответ получу, не сомневайтесь.

- Вы можете его получить, не выходя отсюда, - сказала миссис Доуд. - Уверен, - я кивнул. - Мне это и требуется. Суть в том, что вы не должны обижаться на миссис Вэлдон за то, что она попросила вас побеседовать со мной. Если вы наняли детектива, вы должны дать ему возможность поработать. Если одна из вас знает, откуда взялся ребенок, и хочет, чтобы он был обеспечен - прямо скажите об этом. Если даже миссис Вэлдон не оставит его у себя, то она устроит его в

хороший дом. И все, что не подлежит разглашению, останется между нами. В противном случае я начну трясти ваших родственников и знакомых...

- Моих трясти не обязательно, - заявила миссис Доуд.

- И моих, - присоединилась к ней мисс Фолтц.

Я и сам предполагал, что это не обязательно. Конечно, не всегда получишь правдивый ответ, глядя и оценивая выражение лица, но иногда можно, чем я и воспользовался. Так вот: выражение лиц этих особ ясно дало понять, что их не занимает проблема - принять предложение миссис Вэлдон или позволить мне приступить к расследованию. Допив молоко, я обсудил с ними всех действующих лиц и сообщил им, что я удовлетворен.

Лифт в этом доме был более исправный и бесшумный, чем у Вулфа в старинном особняке на 35-ой Западной улице, но я поднялся пешком, поскольку всего один марш лестницы отделял меня от комнат, в которых меня поджидала миссис Вэлдон. Ее покои были больше нашего кабинета вместе с прихожей. Здесь не было ничего современного, кроме ковра и телевизора в дальнем углу. Остальная мебель, должно быть, относилась к прошлому веку - впрочем, я не специалист. Хозяйка лежала на оттоманке, в руках журнал, рядом переносной бар - час назад его не было. Она переделалась. При встрече с Вулфом она была в элегантном рыжеватом в коричневую полосу костюме. Она надела облегающее серое платье, короткое, без рукавов - к началу моего визита. А теперь на ней было светло-голубое, шелковое платье. Как только я вошел, она отложила журнал в сторону.

- Я выяснил, - сказал я, - их смело можно вычеркнуть из списка.

- Вы уверены?

- Абсолютно.

- Вы затратили на это не так много времени. Как вы действовали?

- Не могу раскрывать профессиональных тайн, пока не отчитаюсь перед мистером Вулфом. Скажу одно: они вели себя как надо, и у вас по-прежнему есть служанка и кухарка. Я позвоню вам утром, если у вас появятся идеи.

- Сейчас я собиралась выпить мартини. Не хотите ли присоединиться?

Или что-нибудь покрепче?

Уходя из кухни, я посмотрел на часы. Зная, что вечернее свидание Вулфа с орхидеями задержит его в оранжерее до шести часов, а так же помня, что одной из моих функций является понять женщину, с которой мы имеем дело и, кроме того, заметив джин марки Фоллансби, я подумал, что могу быть более общительным. Поэтому я согласился, сообщил, что предпочитаю пять к одному, на что она ответила: "отлично". Когда все было приготовлено и я сел на оттоманку, мы выпили понемногу, и она сказала:

- Я хотела бы кое-что узнать...

- Да? - Она молчала. - Вообще, вы зря переводите на меня этот прекрасный джин. Я только что выпил стакан молока.

Она меня не слышала! Она даже не заметила, что я заговорил. Она смотрела на меня, но меня не видела. Как следовало это понимать? Наконец, она сказала:

- Давайте попробуем... Вы сделаете глоток из моего стакана, а я из вашего... Не возражаете?

Я не возражал. В мои намерения входило понять ее. Она протянула свой стакан мне, а я протянул ей мой. Чтобы не смотреть ей в лицо, я перевел взгляд на ее плечо и руку, которые были отнюдь не хуже.

- Не знаю, почему я вдруг захотела сделать это, - сказала она. - Я никогда не делала этого ни с кем, кроме него... С тех пор, как Дика не стало... Теперь я вдруг почувствовала потребность в этом обычае.

Мне следовало держаться профессионально, а простейший путь к этому - ввести в игру Вулфа...

- Мистер Вулф говорит, - сказал я, - что никто не в состоянии добраться до реальной причины чего-либо.

Она улыбнулась.

- Но наверху, когда вы смотрели на ребенка, вы делали это так мило, что любая женщина назвала бы вас Арчи. Я не кокетничаю с вами. Вы не обладаете даром гипноза?

- Нет, - я глотнул martini. - Успокойтесь. Обмен глотками - всего лишь старинный персидский обычай. Что же до того, что вам захотелось назвать меня Арчи - так это мое имя. Что касается кокетства, флирта, ухаживания... Флиртуют мужчины и женщины. Кокетничают и лошади. Ухаживают и попугаи. Кокетничают даже устрицы, но у них это проходит как-то специфически.

Я замолчал. Она встала, поставила в бар наполовину пустой стакан и сказала:

- Когда будете уходить, не забудьте о своем чемодане, - и вышла.

Ну и ну! Я сидел, пока не закончил martini. Поставил стакан в бар. И отбыл. Внизу в холле я взял маленький чемодан, который она упаковала за пару часов до того.

Достать такси в этой части города в это время - все равно, что вытащить десятку к восьмерке и валету, а мне нужно было пройти всего двадцать четыре коротких квартала и четыре длинных, да и чемодан был легкий, и я отправился пешком. Я рассчитывал прийти до того, как Вулф спустится в кабинет.

Было 5:54, когда я поднялся на крыльцо нашего старинного особняка, открыл ключом дверь, прошел в кабинет, поставил чемодан на мой стул и открыл его. Когда послышался шум лифта, все вещи были разложены на столе Вулфа и почти полностью заняли его поверхность. А когда Вулф вошел, я сидел за своим столом, занятый бумагами. Он остановился, что-то проворчал, я повернулся к нему на своем вращающемся стуле.

- Какого черта ты здесь все это разложил?

Я встал и занялся демонстрацией:

- Свитер, шапочка, комбинезон. Обе рубашки. Одеяло. Ботиночки. Пеленка и штанишки. Вам следует воздать должное клиентке, что она сохранила именно пеленку! Няню она нашла только на следующий день. Пеленку миссис Вэлдон, должно быть, выстирала сама! Меток прачечной и магазинных ярлычков нет. Свитер, шапочка, комбинезон и ботинки имеют фабричную марку, но я думаю, что это ничего не даст. На одном предмете есть то, что может пригодиться. Но если вы сами не обратите на это внимание, то не стоит и говорить.

Он сел за свой стол.

- Служанка или кухарка?

- Они вычеркнуты из списка. Хотите подробности?

- Нет, если ты удовлетворен.

- Я - да. Но если мы потерпим неудачу в остальном, мы проверим и их.

- Что еще?

- Во-первых, есть живой ребенок. Так что она его не выдумала. В вестибюле ничего примечательного, на дверях нет замка, наверх ведут всего четыре ступеньки, любой мог зайти и выйти. Было бы напрасной тратой времени и денег клиентки пытаться найти свидетеля, который видел бы входящего туда человека семнадцать дней назад, вечером. Я не включил в нашу беседу женщину, убирающую в доме, так как если бы это был ее ребенок, у нас с вами был бы совсем другой разговор. И я не включил няню, поскольку ее наняли через агентство на следующий день. В детской, которая раньше служила спальней, на полу чудный текинский ковер. Как вы знаете, сведения о коврах я когда-то получил от вас, а о картинах от мисс Роуэн. В гостиной - Ренуар и, возможно, Сезанн. Клиентка пьет джин Фоллансби. Я допустил небольшую оплошность.

- Какую оплошность?

- Она толкнула меня и я пролил джин на брюки.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Расскажи-ка поподробнее.

- Зачем? Я на нее не в обиде.

- Еще бы! У тебя есть какие-нибудь предложения?

- Да, сэр. Дело выглядит довольно безнадежным. Если мы ничего не добьемся, то через пару недель вы можете сообщить ей, что это мой ребенок. В вестибюль положил его я. И если она сможет выйти за меня замуж, то оставит ребенка у себя. Что касается матери, то я могу...

- Заткнись.

Одним словом, я так и не решил вопрос о матери. Он взял свитер и осмотрел его. Я откинулся на спинку стула, скрестил ноги и наблюдал. Он не вывернул свитер наизнанку, а это значит, что осмотр был поверхностным, и он еще вернется к этой вещи. Он отложил свитер и взял шапку. Когда он дошел до комбинезона, я стал наблюдать за его лицом, но не нашел на нем никаких признаков того, что он что-то заметил. Я повернулся на стуле и достал с полки, где у нас стоят телефонные справочники, "Манхеттенские желтые страницы". То, что мне было нужно, я нашел в разделе "Одежда для детей", которая занимала четыре с половиной страницы. Я было потянулся к телефону, но тут же отдернул руку. Он мог обратить на это внимание, продолжая осмотр. Нужно было дать ему шанс без подсказки с моей стороны. Я поднялся, прошел в холл, а потом на третий этаж в свою комнату, где набрал нужный номер телефона. Я получил то, что предполагал в такое время дня - никакого ответа. Я попытал счастья по номеру, принадлежащему знакомой мне женщине, матери троих детей, но она не смогла мне помочь, лишь сказала, что должна взглянуть на комбинезон. Итак, приходилось ждать утра. Я спустился в кабинет.

Вулф развернул свой стул и держал комбинезон так, чтобы на него падал яркий свет. В руке у него было самое сильное увеличительное стекло, какое нашлось в нашем доме. Я подошел и спросил:

- Что-нибудь нашли?

- Возможно, - он отложил увеличительное стекло. - Пуговицы. Четыре штуки.

- Что вы о них скажете?

- Не подходят к комбинезону. Подобная одежда выпускается миллионными партиями вместе с пуговицами. Но эти пуговицы не массового производства.

Материал похож на конский волос, хотя, возможно, они из синтетического волокна. Они отличаются размером и формой и не могли быть сделаны машиной в большом количестве.

Я присел.

- Поздравляю.

- Я думал, ты уже рассмотрел их.

- Да, но без лупы. Вы, конечно, видели на комбинезоне фабричную марку "Херувим". Это марка фирмы "Резник и Спиро", по адресу - 37 Западная улица, 340. Я только что звонил им, но никто не ответил - сейчас уже больше шести. Мне это будет стоить пятиминутной прогулки утром, если вы не хотите, чтобы я разыскал Резника и Спиро сейчас.

- Сходишь утром. Должен ли я извиниться, что втянул тебя в эту историю?

- Мы распутаем это дело, - сказал я и встал, чтобы взять лупу и комбинезон.

В "Манхеттенском торговом центре" имеется все: от изысканных мраморных дворцов до дыр в стенах. Там нет только места для прогулок, потому что большую часть времени вы попадаете в закоулки без тротуаров, обегая мелочные лавки, но это прекрасная тренировочная площадка для прыжков и уверток, оживляющих наши рефлексy. Если в тридцать лет вам удалось выйти оттуда живым и невредимым после часового пребывания там, то вы можете считать себя в безопасности в любом месте земного шара. Во всяком случае я чувствовал себя весьма удовлетворенным, когда в десять утра в среду подошел к дому 340 на 30-ой улице.

Но начались сложности. Я пытался объяснить все как можно лучше молодой женщине в окошке, потом мужчине в приемной четвертого этажа, но они не могли понять, зачем я здесь нахожусь, не желая ничего купить, ничего продать и не нуждаясь ни в какой работе. Наконец, я объяснил все человеку за конторкой, имевшему отсутствующий вид. И он не мог понять: почему вопрос, пришиты ли пуговицы на комбинезоне Резником и Спиро, так для меня важен... После поверхностного осмотра комбинезона он лишь изрек, что Резник и Спиро никогда не пользовались подобными пуговицами и не воспользуются никогда.

- Вы не знаете какую-нибудь фирму, выпускающую такие пуговицы? - спросил я.

- Не имею понятия.

- Но хоть когда-нибудь вы видели подобные пуговицы?

- Слава богу, нет! - Может быть вы определите: из чего они сделаны?

Он снова склонился над комбинезоном.

- Какая-то синтетика... но из чего они - может знать только дух святой. - Он вдруг улыбнулся широко и по-человечески весело. - Может звать и император Японии. Он скоро прибудет к нам. Спросите у него.

Я поблагодарил его, сунул комбинезон в бумажный пакет и ушел.

В моей записной книжке находились адреса еще пятнадцати фирм, так или иначе связанных с пуговичным делом. Одна из них была всего в шестидесяти шагах отсюда вниз по улице. С нее я и начал.

Спустя девяносто минут после посещения четырех фирм, о пуговицах вообще я знал немного больше, но о пуговицах на комбинезоне ничего... Но тут я поднялся на шестой этаж здания на 39-й улице к двери с надписью "Исключительно пуговицы-новинки!"

Мне следовало прийти сюда с самого начала, если бы я знал это место.

Женщина в приемной сразу поняла, что мне нужно, хотя я не произнес и десятка слов. Она повела меня в кабинет, где не было ни полок, ни пуговиц.

Маленький старичок с большими ушами и космами седых волос над ними сидел за столом, уткнувшись в бумаги. Он не взглянул на меня, пока я не остановился рядом с ним и не вытащил из бумажного мешка комбинезон, а его глаза увидели одну из пуговиц. После этого он вырвал комбинезон из моих рук, оглядел все пуговицы по очереди, поднял на меня глаза и спросил:

- Откуда эти пуговицы?

Я засмеялся. Хотя в вопросе не было ничего смешного, но это был тот самый вопрос, над которым я бился около двух часов.

- Я смеюсь над собой, а не над вами, - сказал я. - Точный ответ на этот вопрос стоит сотню долларов. Вы сможете ответить?

- Вы занимаетесь пуговицами?

- Нет.

- Кто вы?

Я достал бумажник и предъявил ему карточку.

- Значит, вы частный детектив. Где вы взяли такие пуговицы?

- Послушайте, я...

- Послушайте вы, молодой человек. Я знаю о пуговицах больше, чем любой человек в мире. Я получаю их отовсюду. У меня прекрасная и самая обширная коллекция когда-либо существовавших пуговиц. Я также продаю их. Я продал тысячу дюжин в одной партии по сорок центов за дюжину и четыре пуговицы за шесть тысяч долларов. Я продавал пуговицы герцогине Виндзорской, королеве Елизавете и мисс Бетти Дэвис. Я абсолютно точно знаю, что ни один человек не мог бы показать мне пуговицы, которых я не знаю, но вы это сделали. Где вы их достали?

- Я вас выслушал, теперь моя очередь. Эти пуговицы наведут меня на след... И вы, кажется, не поможете мне в этом.

- Признаюсь, не могу помочь.

- И вы никогда не видели хотя бы похожих?

- Нет.

- Прекрасно, - я полез в карман за бумажником, вытащил пять двадцаток и положил их на стол. - Вы не ответили на мой вопрос, но оказали большую помощь. Есть хоть какой-то шанс, что эти пуговицы сделаны машиной?

- Нет. Это невозможно. Кто-то потратил на них часы. Я никогда не видел подобной техники.

- Из чего они сделаны?

- Вопрос сложный. Возможно, я отвечу завтра.

- Так долго ждать я не смогу.

Я потянул к себе комбинезон, но он не отпускал его.

- Я предпочел бы эти пуговицы деньгам, - сказал он. - Или хоть одну из них. Вам ведь не нужны все четыре.

Мне пришлось бы применить силу, чтобы получить комбинезон обратно. Я убрал его в бумажный пакет и сказал:

- Если я когда-нибудь покончу с этими пуговицами, то подарю одну-две для вашей коллекции и расскажу вам, откуда они. Я надеюсь на это.

Вопрос о ленче крутился в моей голове, когда я выходил из здания. Рано или поздно завтракал Натан Хирш? Поскольку я мог дойти до него за двадцать минут, я не стал терять время на телефонный звонок. И мне повезло.

Когда я вошел в приемную "Лаборатории Хирша" на десятом этаже здания на 45-ой улице, сам Хирш тоже зашел туда по пути к выходу. Когда я рассказал ему, что у меня есть кое-что для него от Ниро Вулфа, не терпящее отлагательства, он повел меня вниз к себе. Несколько лет назад его показания в суде по одному из дел Вулфа совсем не причинили вреда его делам.

Я предъявил комбинезон и сказал:

- Один простой и маленький вопрос: из чего сделаны эти пуговицы?

- Не такой простой.

- Сколько времени займет ответ?

- От двадцати минут до пяти часов.

Я сказал, что чем скорее, тем лучше, а наш номер телефона он знал.

Я добрался до 35-ой улицы и вошел в наш дом как раз в тот момент, когда Вулф направлялся через холл к столовой. Поскольку за столом не разрешалось упоминать о делах, он остановился у порога и спросил:

- Ну?

- Все хорошо, - ответил я и все рассказал.

Он выразил удовлетворение и направился к столу, а я пошел мыть руки перед тем, как к нему присоединиться.

В этот день после ленча в кабинете я раздражал Вулфа тем, что каждую минуту смотрел на часы, пока он диктовал длинное письмо собирателю орхидей в Гондурас. Затем он раздражал меня тем, что весьма удобно устроился с "Путешествием с Чарли" Джона Стейнбека. Черт побери, у него ведь была работа!

Было 3:43, когда позвонил Хирш. Я приготовил блокнот на случай, если слова, которые он мне скажет, будут сложные и научные, но они оказались обычными, и их было немного. Я положил трубку, а Вулф сразу поднял глаза от книги.

- Конский волос, - сказал я, - ни лака, ни краски, только простой белый конский волос.

Он спросил:

- Есть еще время для того, чтобы дать объявления в завтрашних газетах? "Таймс", "Ньюс", "Газетт"?

- "Таймс" и "Ньюс" - может быть. "Газетт" - да.

- Возьми записную книжку. Две колонки шириной четыре дюйма или около того. Наверху: "сто долларов" - цифрами, жирным шрифтом в тридцать пунктов. Ниже тоже жирным в четырнадцать пунктов: "Будет заплачено за информацию, имеющую отношение к создателю или исполнителю пуговиц, сделанных вручную из белого конского волоса." С красной строки: "Пуговицы любого размера и формы, пригодные к использованию в одежде." С красной строки:

"Я хочу узнать не о том, кто мог бы делать такие пуговицы, а о том, кто такие уже сделал." С красной строки: "Сто долларов будут заплачены только тому, запятая, кто первым доставит информацию." Внизу - мое имя, адрес и номер телефона.

- Жирно?

- Нет. Стандартным шрифтом, сжато.

Глава 4

Поскольку вечер среды я провел в театре, а потом с приятелем во "Фламинго", то было уже больше часа, когда я вернулся домой и поставил будильник на 9.30.

Но то, что подняло меня с постели в четверг утром, не было ни часами, ни радио. Когда это случилось, я протер глаза, чтобы выяснить, что происходит. Дело не в телефоне, поскольку я его отключил и сигнал у него был громче. Это был шмель, но с какой стати шмель жужжит на 35-ой улице среди ночи? Я заставил себя открыть глаза и взглянул на часы: без шести девять... это, верно, домашний внутренний телефон. Я повернулся и дотянулся до трубки.

- Комната Арчи Гудвина...

- Прошу прощения,. Арчи... - голос Фрица. - Но она настаивает.

- Кто?

- Женщина по телефону. Что-то насчет пуговиц. Она...

- О'кей. Я поговорю, - я включил городской телефон и снял трубку. - Да? Я Арчи Гудвин.

- Мне нужен Ниро Вулф... я тороплюсь...

- Его нет. Если вы насчет объявления...

- Да. Я увидела его в "Ньюс". Я знаю о нескольких пуговицах, похожих на эти, и рассчитываю быть первой.

- Вы первая. Как ваше имя?

- Беатрис Эппс.

- Вы будете первой, если ваше сообщение подойдет. Миссис Эппс?

- Мисс Беатрис Эппс. Я не смогу вам рассказать всего сейчас...

- Где вы находитесь?

- В телефонной кабинке на Гранд Централь. Я по пути на работу. Я должна быть там в девять, поэтому сейчас не могу рассказать, но хочу быть первой.

- Безусловно. Это разумно. Где вы работаете?

- У "Квина и Коллинза" в Ченин Билдинг. Недвижимое имущество. Но не приходите туда, они этого не любят. Я позвоню вам в обеденный перерыв.

- Во сколько обед?

- В половине первого.

- О'кей. Я буду у газетного киоска в Ченин Билдинг в двенадцать тридцать и мы позавтракаем. У меня в петлице будет маленькая белая с зеленым орхидея, при мне будут сто долларов.

- Я тороплюсь. Я буду там.

Разговор закончился, я упал на подушку и обнаружил: чтобы быть в форме, мне следовало поспать еще не менее часа, но пришлось опускать ноги на пол.

В десять часов я сидел на кухне за моим столиком, посыпая сахаром намазанный сметаной кусок пирога. Передо мной стояла на подставке "Таймс".

Фриц, находившийся рядом, спросил:

- Корицы не надо?

- Нет, - ответил я твердо.

Заметив, что я взял второй кусок, он пошел к плите, чтобы испечь еще один пирог и сказал:

- Я слышал, что наиболее опасное дело для детектива - это похищение ребенка.

- Может быть, да, а может быть, нет. Важны обстоятельства.

- За все годы, что я у Ниро Вулфа, это первое дело с похищением ребенка. У него никогда не было ничего подобного.

Я сделал глоток кофе.

- Опять, Фриц, ты кружишь вокруг да около. Ты мог бы просто спросить: это дело о похищении? И я бы ответил: нет.

- Ты настоящий друг. Арчи. Но если что, знаешь как я поступлю? - Он перевернул пирог на плите. - Я положу корицу во все!

Я не одобрил его намерения, и мы обсудили этот вопрос.

Вместо того, чтобы дожидаться, пока Вулф спустится вниз, и доложить ему о развитии событий, я проделал всю утреннюю работу в кабинете: вскрыл почту, вытер пыль, вытряхнул корзины для бумаг, сорвал листки с настольных календарей, налил свежую воду в вазу с цветами на столе Вулфа и поднялся наверх в оранжерею.

Когда я подошел к нему, он повернул голову и почти прорычал:

- Ну?

Предполагалось, что мешать ему здесь можно лишь в случае крайней необходимости.

- Ничего срочного, - сказал я, - просто зашел сказать, что срываю Суприпедиум Ловренцеанум - один цветок. В петлицу. Звонила женщина насчет пуговиц. Когда я встречу с ней, цветок будет опознавательным знаком.

- Когда ты уходишь?

- Около двенадцати. По пути зайду в банк.

- Хорошо.

Он возобновил осмотр орхидей. Слишком занят для вопросов. Я взял цветок и спустился вниз. В одиннадцать он пришел и потребовал полный отчет.

Получив его, задал один вопрос:

- Что ты думаешь о ней?

Я предположил: есть один шанс к десяти за то, что у нее есть интересующая нас информация. Я торопился уйти, рассчитывая по дороге захватить комбинезончик у Хирша.

Итак, я занял свой пост у газетного киоска в вестибюле Ченин Билдинг немного раньше назначенного времени, в руках у меня был бумажный пакет.

Когда вот так ждешь - совсем иное дело: можно понаблюдать лица проходящих и уходящих, старые и молодые, уверенные и поникшие... Около половины из них выглядят так, как будто нуждаются в докторе или детективе. К ним относилось и лицо женщины, остановившейся передо мной... Я спросил:

- Мисс Эппс?

Она кивнула.

- Я - Арчи Гудвин. Спустимся вниз? Я заказал столик.

Она покачала головой.

- Я всегда завтракаю одна.

Я хотел бы быть справедливым, но, честно говоря, у нее, скорее всего, было очень мало приглашений, если были вообще. У нее был плоский нос, а подбородок в два раза больше, чем ей было необходимо. Возраст ее колебался где-то между тридцатью и пятьдесятю.

- Мы можем поговорить здесь, - сказала она.

- Хорошо, здесь мы можем начать, - кивнул я. - Что вам известно о пуговицах из белого конского волоса?

- Я видела несколько таких. Но прежде, чем я расскажу вам, как я узнаю, что вы мне заплатите?

- Никак, - я дотронулся до ее локтя и мы отошли в сторону от людского потока.

- Но я хочу знать.

Я достал визитную карточку и протянул ей.

- Мне ведь придется еще проверить то, что вы мне расскажете. Это должны быть факты. Вы можете рассказать мне, что знаете человека в Сингапуре, который делал пуговицы из белого конского волоса, но он умер.

- Я никогда не была в Сингапуре.

- Хорошо. Но как обстоит дело?

- Я видела их прямо здесь. В этом здании.

- Когда?

- Прошлым летом. - Немного поколебавшись, она продолжила. - У нас в конторе во время отпуска в течение месяца работала одна девушка. Однажды я обратила внимание на пуговицы ее блузки. Я ей сказала, что никогда не видела таких пуговиц, а она ответила, что такие имеют всего лишь несколько человек. Я ее спросила, где их можно достать, но она сказала, что нигде. Она сказала, что ее тетя делает такие пуговицы из конского волоса. И чтобы сделать одну пуговицу, у нее уходит день. Поэтому на продажу она их не делает, а это как хобби.

- Пуговицы были белые?

- Да.

- Сколько их было на блузке?

- Точно не помню. Думаю, пять.

В лаборатории Хирша, решив, что комбинезон ей показывать не стоит, я оторвал одну из пуговиц, одну из трех, еще уцелевших. Я вытащил ее из кармана и показал ей.

- Похоже на эту?

Она тщательно ее осмотрела.

- Точно такая же, насколько я помню. Ведь это было около года назад.

Размер тот же.

Я взял у нее пуговицу.

- Очень похоже на то, что ваш рассказ может помочь мне, мисс Эппс. А как зовут девушку?

Она заколебалась.

- Кажется, мне все равно придется все рассказать...

- Конечно, вы должны.

- Я не хочу, чтобы у нее были неприятности. Ниро Вулф - детектив, а, значит, и вы тоже.

- Я не собираюсь делать ничего такого, чтобы у кого-то были из-за меня неприятности. Если только "кто-то" сам меня об этом не попросит. Так или иначе, судя по вашему рассказу, ее, вероятно, можно будет найти. Как ее зовут?

- Тензер. Энн Тензер.

- Как зовут ее тетю?

- Не знаю. Она мне не сказала. И я не стала спрашивать.

- Вы видели ее с прошлого лета?

- Нет.

- Вы не знаете, "Квин и Коллинз" наняли ее через агентство?

- Да, через контору временного найма.

- Сколько ей лет?

- До тридцати.

- Она замужем?

- Нет, насколько я знаю.

- Как она выглядит?

- Она приблизительно моего роста. Блондинка, во всяком случае, была ею прошлым летом. Считаю себя очень привлекательной. И я считаю так же.

Думаю, и вы сказали бы то же самое.

- Когда я увижу ее, обязательно подумаю над этим. Конечно, на вас я не сошлюсь. Я достал бумажник.

- Мистер Вулф дал мне инструкцию не платить вам, пока я не проверю вашу информацию. Но он не встречался с вами, и не слушал вас, а я слушал. Здесь половина условленной суммы, но только с условием, что вы никому об этом не скажете. Вы произвели на меня впечатление женщины, которая умеет держать язык за зубами.

- Я умею.

Она положила банкноты в сумочку.

- Когда я получу остальные?

- Скоро. Возможно я увижу вас еще раз. Но если такая необходимость не возникнет, вышлю деньги почтой, если вы дадите ваш домашний адрес и номер телефона.

Она сообщила: "Запад, 169-ая улица", хотела что-то добавить, но передумала, повернулась и ушла. Я наблюдал за ней. В ее походке не ощущалось радости жизни. Так как внизу в ресторане у меня был заказан столик, я отправился туда и заказал чашку отварных моллюсков, которые Фриц никогда не готовил, а они были единственным блюдом, которое я хотел после позднего завтрака. В телефонной книге я нашел адрес конторы временного найма - 493, Лексингтон Авеню. Но прежде чем туда обратиться, следовало обдумать, как это сделать. Потому что: 1) агентства скрывают адреса своих служащих; 2) если Энн Тензер является матерью ребенка, нужно отнестись к ней с большей осторожностью.

В результате, в начале третьего я сидел в приемной фирмы "Исключительно пуговицы-новинки" и ждал телефонного звонка, точнее надеялся его услышать. Я заключил сделку с Николасом Лессефом, пуговичным экспертом, пока он сидел за письменным столом и ел салями, черный хлеб, сыр и пикули. В результате сделки он получил пуговицу, которую я оторвал от комбинезона и твердое обещание рассказать ему об источнике пуговиц, как только позволят обстоятельства. Взамен я получил разрешение звонить и сколь угодно долго ждать ответного звонка и использовать для получения сведений название его конторы, если мне это потребуется.

Я знал заранее, что мне придется скоротать немало времени, и по пути сюда купил четыре журнала и две книги в бумажных обложках, одной из которых был роман Ричарда Вэлдона "Его собственный образ". Я прочитал журналы и половину сборника рассказов о гражданской войне, а до Вэлдона не добрался, так как в четверть шестого зазвонил телефон.

- Гудвин слушает.

- Говорит Энн Тензер. Я получила сообщение позвонить в фирму "Исключительно пуговицы-новинки" и спросить мистера Гудвина.

- Совершенно верно. Я - Гудвин. - Так как ее голос был исполнен женственности, я придал своему мужественности. - Мне весьма хотелось бы с вами встретиться и кое-что узнать. Мне кажется, что вы осведомлены о некоторых видах пуговиц.

- Я? Я ничего не знаю о пуговицах.

- Я предполагаю, что об одном сорте пуговиц вы должны знать. О том, что делают вручную из белого конского волоса.

- О... - пауза, - неужели... вы хотите сказать, что у вас есть такая пуговица?

- Да. Могу я узнать, где вы находитесь?

- В телефонной кабинке на углу Мэдисон-авеню и сорок девятой.

- Значит, я не могу рассчитывать, что вы придете в мою контору на угол тридцать девятой. Как насчет Черчилл-холла? Вы с ним рядом. Я смогу добраться минут за двадцать. Мы выпьем и обсудим проблему пуговиц.

- Вы хотите сказать, что это вы обсудите эту проблему.

- Положим. В этом я как раз спец. "Золотой альков" в Черчилле вам известен?

- Да.

- Я буду там через двадцать минут. Я без шляпы, в руке бумажный пакет, в петлице орхидея.

- Только не орхидея. Это не для мужчин.

- У меня орхидея, и я мужчина. Против этого нет возражений?

- Не могу сказать, пока не увижу вас.

- Это разумно. Ол райт, я выхожу.

В "Адмиралтейском баре" за столиком у стены света немного, зато Черчилл-холл освещен хорошо. Беатрис Эппс была права, когда говорила, что Энн Тензер ее роста, но на этом сходство и кончалось. Мисс Тензер вполне могла возбудить в мужчине, возможно и в Ричарде Вэлдоне, эмоции, важнейшие для стимула размножения и, может быть, даже не в одном мужчине. Она по-прежнему была блондинкой, но в рекламе своей внешности не нуждалась.

Она пригубила "Кровавую Мэри" с полным равнодушием ко всему.

С вопросом о пуговицах мы покончили в десять минут. Я пояснил, что фирма "Исключительно пуговицы-новинки" специализируется на редких необычных пуговицах, и что один человек, работающий в одном из мест, где работала она, рассказал мне, что заметил необычные пуговицы на ее блузке и спросил о них, а она сказала, что пуговицы сделаны вручную из конского волоса. Она ответила, что все верно - ее тетьа делала их в течение многих лет, это ее хобби, и подарила ей шесть пуговиц на день рождения. Пять из них у нее до сих пор на блузке, а одна где-то потерялась. Она не напомнила мне о том, что по телефону я ей сказал, будто и у меня есть такая пуговица. Я спросил, нет ли у ее тети запаса пуговиц, которые она захочет продать, и она ответила, что не знает, но не думает, что у нее их много - на изготовление одной уходит целый день.

Я спросил, не будет ли она возражать, если я отправлюсь к ее тете и сам узнаю об этом, и она ответила "конечно, нет" и дала мне адрес и имя: мисс Эллен Тензер, Рурэл Роут 2, Махопак, Нью-Йорк. Она сообщила мне и номер телефона. Выяснив это, я решил рискнуть и поближе познакомиться с племянницей. В этом существовала опасность, но это могло и упростить дело. Я мужественно улыбнулся и сказал:

- Я был не до конца откровенен, мисс Тензер. Я не только слышал об этих пуговицах, я видел некоторые, и они у меня с собой.

Я положил бумажный пакет на стол и вытащил комбинезон.

- Здесь было четыре, но две я оторвал, чтобы изучить. Узнаете?

Ее реакция решила все. Она не доказывала, что у нее никогда не было ребенка, или что она не приложила руку к событиям. Судя по ее реакции, она не знала, что на ребенке был синий плюсовый комбинезон. Она взяла его и взглянула на пуговицы.

- Они точно такие, как у тети Эллен, - сказала она, - или очень искусная подделка. И прошу вас, не рассказывайте мне басни, как кто-то сказал вам, что пуговицы были на моей блузке...

- Понятно, - согласился я. - Вы были столь любезны, что я решил показать вам пуговицы. Если вам интересно, я могу рассказать, откуда они у мстя.

Она отрицательно покачала головой.

- Не утруждайте себя. Один из моих недостатков в том, что я не интересуюсь вещами, не имеющими для меня значения. Может быть хватит о пуговицах?

- Действительно, - я убрал комбинезон в пакет. - И я любопытен только тогда, когда это имеет отношение ко мне. Сейчас я интересуюсь вами. На какой работе вы теперь?

- О, на весьма специфической. На секретарской, особого рода. Когда чья-то личная секретарша выходит замуж, или берет отпуск, или получает нагоняй от жены босса - тогда вызывают меня. У вас есть секретарь?

- Конечно. Ей восемьдесят лет, она никогда не берет отпуск и отказывается от всех предложений выйти замуж. И у меня нет жены, делающей нагоняй. А вы замужем?

- Нет. Но муж был - в течение года, что оказалось для меня чересчур долгим сроком. Я выскочила замуж, не оглядевшись, и никогда больше этого не сделаю.

- Возможно, это оттого, что вам все приелось. Ведь вы - секретарь в конторах у важных лиц. Может вам следует немного разнообразить вашу работу в среде ученых, ректоров или писателей. Очевидно, весьма интересно работать для знаменитого писателя. Вы никогда не пробовали?

- Нет, никогда. Я думаю, они имеют личных секретарей.

- Да, конечно. ' - Вы знаете кого-нибудь из знаменитостей?

- Я знаю человека, который пишет книгу о пуговицах, но он не очень знаменит, - я взглянул на ее полупустой стакан. - Повторим?

Она хотела, я - нет. Но не сказал об этом. От нее нечего было больше ждать, и я хотел бы откланяться, но она могла оказаться полезной в будущем, и я дал ей понять, что она произвела на меня впечатление, и поэтому я не мог внезапно вспомнить, что опаздываю на деловую встречу. Кроме того, на нее было приятно смотреть и ее было легко слушать, а если ваш ум должен руководствоваться опытом, то его необходимо приобретать. Все это говорило о том, что мое приглашение пообедать должно быть принято и вечер обойдется Люси Вэлдон по крайней мере в двадцать долларов.

Я вернулся домой вскоре после семи. Вулф читал в кабинете "Его собственный образ". Я извинился. Он задал мне вопрос взглядом, и я ответил. Подробный отчет он требует лишь тогда, когда больше уже нечего предпринять, и я просто изложил ему факты, не упуская, конечно, реакцию Энн Тензер на комбинезон. Когда я закончил, он сказал:

- Удовлетворительно. - Потом решил, что оценка недостаточна, и добавил:

- Вполне удовлетворительно.

- Да, сэр, - согласился я. - Могу ли я рассчитывать на повышение?

- Несомненно. Ты ведь учел возможность того, что она видела объявление в газете, поняла, что ты притворяешься, и водила тебя за нос.

- Отдаю все решающие взятки за то, что объявления она не видела. Она не пыталась что-либо выпытать, хотя вовсе не молчала.

- Где находится Махопак?

- Шестьдесят миль к северу. Я могу перекусить на кухне и быть там к девяти.

- Нет. Для этого будет утро. Ты чересчур стремителен.

Он взглянул на стенные часы. С минуты на минуту должен был появиться Фриц и сообщить, что обед подан. Вулф вдруг спросил:

- Ты можешь сейчас же добыть Саула?

- Зачем? - спросил я. - Ведь я не заявил, что брошу работу, если не получу повышения.

- В Махопак ты поедешь утром. Тем временем Саул разужнает, что делала в январе племянница мисс Тензер, могла ли она дать жизнь этому ребенку?

Ты считаешь, что не могла, но необходимо точно в этом убедиться. Саул сделает это...

Он повернул голову - в дверях стоял Фриц.

Я представлю Саула, поскольку было упомянуто его имя. Из трех детективов, которых мы приглашаем, когда нам необходима помощь, Саул Пензер - лучший. Если вы переберете всех отличных детективов в метрополии, он все равно будет лучшим. Хотя его час стоит десять долларов, ему предлагают в пять раз больше работы, чем он способен сделать. Если вам понадобится лучший детектив первого сорта - наймите его, если сможете. А высший сорт - Ниро Вулф - стоит, похоже, десять долларов в минуту.

Итак, в пятницу утром, прекрасным ярким утром, необычным даже для начала июня, когда я спокойно ехал вдоль Соумил Парквей Ривер в седане, я не волновался, поскольку мисс Энн Тендер проверял Саул. Если бы понадобилось, он мог бы узнать, где и во сколько она завтракала семнадцатого января, независимо от того, помнил ли кто-нибудь об этом или нет, не возбуждая при этом ни в ком любопытства и не устраивая суматохи.

Было 10.35, когда я заехал на бензоколонку на окраине Махопака, подошел к парню, мывшему ветровое стекло машины и спросил, не знает ли он, где живет мисс Эллен Тензер. Он ответил, что не знает, но может быть знает босс. Я разыскал босса, который оказался вдвое моложе своего помощника. Он знал, где живет Эллен Тензер, и объяснил, как туда добраться.

Первый поворот у церкви соответствовал его объяснениям, но через милю была развилка, о которой он не упомянул. Я выбрал дорогу наугад и через милю подъехал к мосту, о котором молодой босс говорил. Через полмили слева я увидел ее почтовый ящик и свернул на узкую подъездную аллею к дому. Бумажный пакет с комбинезоном я оставил в ящике для перчаток.

Я огляделся - со всех сторон был лес. На мой взгляд - чересчур много деревьев, расположенных слишком близко к дому. Одноместный гараж был открыт, и в нем стояла машина. Гараж соединялся с одноэтажным домиком белого цвета. Краска казалась совсем свежей и все, включая цветочные клумбы, выглядело чистым и опрятным.

Если вы без шляпы, то неудобство заключается в том, что вы не можете ее снять, когда встречаетесь с приятной женщиной средних лет (а может быть и преклонных) с седыми волосами, уложенными в аккуратный пучок, и с серыми глазами, живыми и чистыми. Я спросил:

- Мисс Эллен Тензер?

Она кивнула и ответила - Да, это я, так меня зовут.

- А меня - Гудвин. Мне следовало бы позвонить вам, но я так обрадовался возможности оставить работу и поехать за город в этот чудесный день. Я занимаюсь пуговицами, и вы, насколько я знаю, тоже. Я заинтересовался пуговицами из конского волоса, которые вы делаете. Я могу войти?

- Почему вы ими заинтересовались?

Это меня поразило. Было бы гораздо естественнее, если она спросила бы: "Как вы узнали, что я делаю пуговицы из конского волоса?"

- Знаете, - сказал я, - вам бы больше пришлось по душе, если бы я сделал вид, что интересуюсь этим искусством ради искусства, но я занимаюсь коммерцией и специализируюсь на пуговицах, что совсем другое дело. Я предполагал, что вы захотите продать некоторое их количество. Я хорошо заплачу бы, наличными.

Ее взгляд остановился на моем седане, потом она взглянула на меня.

- У меня есть немного. Всего семнадцать.

Она не проявляла никакого любопытства к тому, откуда я знаю о пуговицах. Возможно, как и ее племянница, она интересуется только тем, что касается лично ее.

- Этого достаточно для начала, - сказал я. - Вас не затруднит, если я попрошу глоток воды?

- Отчего же, нет.

Она вошла в дом, я последовал за ней. У меня хорошие глаза, достаточно хорошие, чтобы с расстояния в шесть ярдов узнать вещь, которую я видел раньше, или весьма на нее похожую. Она лежала на столе, и это полностью изменило программу относительно Эллен Тензер.

Не желая, чтобы она заметила мое открытие, я прошел в кухню. Мисс Тензер наполнила стакан водой из-под крана, протянула мне и я его выпил.

- Хорошая вода. Из глубокого колодца?

Она не ответила. Похоже, она не слышала моего вопроса, поскольку у нее на уме вертелся собственный. Его она и задала:

- Как вы узнали, что я делаю пуговицы?

Слишком поздно она спросила. Я допил воду и поставил стакан на стол.

- Большое спасибо. Чудесная вода. Как я узнал - вопрос достаточно сложный. Да и какое это имеет значение? Могу я их посмотреть?

- У меня их только семнадцать...

- Да, и если вы не возражаете...

- Как, вы сказали, вас зовут?

- Гудвин. Арчи Гудвин.

По-моему, она что-то вспомнила и сказала довольно резко:

- Вы утолили жажду и теперь можете уходить.

- Но мисс Тензер, я проехал шестьдесят миль, чтобы...

- Даже если бы вы проехали шестьсот, меня это не касается. Я не собираюсь показывать вам никаких пуговиц и не буду говорить о них.

Пока это меня вполне устраивало, о чем я, конечно, ей не сказал. В будущем, и, я надеялся, в ближайшем будущем, развитие событий заставит ее говорить, и притом подробно. Но торопить ее, пока я не все знал, было бы ошибкой. Ради приличия я сделал попытку настоять на своем, но она и слушать не хотела. Я еще раз поблагодарил ее за воду и ушел. В седане, когда я разворачивался и выезжал, я думал, что, будь у меня в машине специальное приспособление, я перехватил бы ее телефонный разговор.

Спустя пять минут, как я уехал от мисс Тензер, я был в телефонной будке и называл телефонистке номер, который мне не нужно было искать в справочнике. Часы показывали двенадцатый час, поэтому Вулф должен взять трубку сам... Так и случилось:

- Да?

- Это я. Из телефонной будки в Махопаке. Саул звонил?

- Нет.

- Значит, он позвонит около полудня. Я считаю, что вы должны послать его сюда. Племянница может подождать. Тетя знает, кто одел ребенка в комбинезон.

- Неужели? Она тебе сама это сказала?

- Нет. Но вот три пункта. Первый - она задала мне не правильный вопрос. Второй - разнервничалась и выставила меня. Третий - вчерашний "Таймс" лежит на ее столе. Она не знает, что я его видел. Газета сложена, и на ней стоит ваза с фруктами, но виден заголовок другой статьи.

Объявление было именно на этой странице. Значит, она его видела. Но когда я вошел и сказал, что интересуюсь пуговицами, она не упомянула об объявлении. Потом она поняла, что задала вопрос не правильно, и выгнала меня. Могу поставить двадцать за то, что она не мать. Если ей не шестьдесят, то весьма близко к этому. Но можно поставить сорок за то, что она знает, во что был одет ребенок. И это самое меньшее, что она знает.

- Ты хочешь передать ее Саулу?

- Нет. Я хотел бы это сделать, если бы он мог ее расколоть. Но я не думаю, что кто-нибудь сможет это сделать, пока мы не узнаем о ней побольше. Вероятно, она сейчас кому-нибудь звонит, но нам это не поможет.

Я возвращаюсь обратно и организую кордон. Если она позвонила, кто-то может приехать, или она куда-нибудь отправится. Тут мы ее и сможем накрыть, если вы вызовете Фреда и Орри. Вы пошлете Саула?

- Да.

- Я должен дать ему указания, а у вас должен быть карандаш.

- Он у меня - О'кей, - я продиктовал указания, не забыв о развилке. - Рядом с тем местом, где он обнаружит дорогу, покрытую гравием, есть широкая площадка, на которую он может отъехать и

остаться в машине. Если я не появлюсь в течение часа, меня рядом нет. Она уехала, и я тоже, и ему лучше подъехать к телефону и позвонить вам, чтобы узнать, что слышно от меня.

Он может подъехать к дому и осмотреться. Может быть, у нее будет гость и я буду у окон, чтобы что-нибудь услышать. У вас есть другие предложения?

- Нет. Я вызову Фреда и Орри.

В седане я направился на Мэйн-стрит, зашел в магазин и купил несколько плиток шоколада, бананы и картонку молока. Мне следовало бы сказать об этом Вулфу. Он не понимал людей, пропускающих время еды.

Вернувшись в Махопак, я задумался, где оставить машину. Она видела ее, и если заметит стоящей среди бела дня на дороге, наверняка узнает. Я мог лишь надеяться, что она останется дома, пока не придет Саул на машине, которую она не видела. Я оставил седан у почтового ящика, где был просвет между деревьями, и направился в лес. Я, конечно, не индеец и не скаут, но вряд ли она заметила бы меня, если бы выглянула из окна. Под прикрытием кустов я направился к тому месту, откуда мог обозревать весь дом и гараж. Гараж был пуст.

В таких случаях не грех выругаться, что я и сделал, причем довольно громко. И так, мне не повезло. Я пробрался сквозь деревья к расчищенному участку, пересек его, подошел к двери и постучал. В доме кто-нибудь мог быть. Я подождал полминуты и постучал снова погромче, крикнув: "Кто-нибудь есть дома?". Еще через полминуты я нажал на ручку - закрыто. Справа находилось два окна, которые я попытался открыть, но и они были заперты.

Я зашел за угол дома, стараясь не наступать на цветочные клумбы, чем продемонстрировал дьявольски хорошие манеры при подобных обстоятельствах, и увидел широко раскрытое окно. Она забыла о нем в спешке. И я, нарушив закон, влез в дом через окно.

Это была спальня. Я нарочито громко крикнул: "Эй, дом горит!". Прислушался - в ответ ни звука. Но чтобы увериться, я совершил небольшой обход - две спальни, ванная, гостиная и кухня. Никого, даже кошки.

Может быть, она просто отправилась в аптеку за аспирином и вернется через несколько минут. Я решил, что если это так, то пусть она обнаружит в доме меня. Я бы за нее взялся. Уверен, она в чем-то замешана. Наизусть я не помню все законы штата Нью-Йорк, но в них обязательно должен быть закон о подбрасывании детей в вестибюли. Так что я мог не беспокоиться и не прислушиваться: не подъезжает ли к дому машина?

Самое лучшее было бы найти письма, телефонные номера или, возможно, справочник, и я отправился в гостиную. "Таймс" так и лежал на столе под вазой с фруктами. Я развернул газету, чтобы посмотреть, не вырезала ли она объявление, но оно было не тронут. Письменного стола не было, но в столе, на котором лежал "Таймс" я обнаружил ящик, и в тумбочке под телефоном еще три ящика. В одном нашел карточку с дюжиной телефонов, но все они были местными. Писем я не обнаружил.

В спальне мисс Тензер я нашел главное. На дне ящика комода под ночной теплой сорочкой лежали два плисовых синих комбинезона, каждый - с четырьмя белыми пуговицами из конского волоса. Такого же размера комбинезоны, как и тот, что лежал в моем седане. Неделю назад я не предположил бы, что получу истинное удовольствие от вида детской одежды. После того, как я созерцал их в течение целой минуты и положил обратно, я вышел и открыл дверь в туалет. Я надеялся на большее.

И я его получил, но не в туалете и даже, строго говоря, вообще не в доме, а в погребе. Это был настоящий погреб, а не яма, откуда брали топливо. Я нашел там несколько металлических предметов, прислоненных к стене в углу, и мне не понадобилось их монтировать, чтобы определить: это детская кроватка. Тут еще были три маленьких чемодана и два больших, и один из больших оказался набитым пеленками, прорезиненными штанишками, нагрудниками,

погремушками, ненадутыми воздушными шарами, рубашечками, свитерами и другой одеждой и вещами.

Я удовлетворил свою тягу к детской одежде полностью, и поскольку дом был в моем распоряжении, я искал хотя бы намек, откуда здесь появился ребенок. Но ничего не нашел, хотя искать я умею и всегда нахожу то, чему не полагается быть найденным. Я проделал большую работу. Еще больше времени отнимает задача оставить все так, как было, но я справился и с этим. Все, что у меня имелось, когда я закончил, это несколько фамилий и адресов с конвертов писем, найденных в спальне, и несколько номеров телефонов. Однако все это выглядело малообещающим.

Было без двадцати три и Саул, вероятно, уже приехал. Я вылез в окно, прошел за поворот дороги и увидел машину Саула на обочине широкой площадки. Заметив меня, он плюхнулся на сиденье, и когда я подошел, он уже нарочито храпел. На него не очень приятно смотреть долго: большой нос, квадратный подбородок, широко разросшиеся брови, открытый рот... Стекло дверцы было опущено, и я протянул руку, чтобы схватить Саула за нос, но в долю секунды он перехватил мою руку за запястье и выкрутил ее. Так-то вот! Он знал, что я хочу сделать, еще до того, как я подошел.

- Дяденька... - просительно сказал я. Он отпустил меня и сел.
- Какой сегодня день? - спросил он.
- Рождество. Ты давно здесь?
- Час двадцать.
- По инструкции ты должен был уехать отсюда двадцать минут назад.
- Я видел твой седан. Хочешь сэндвич, пирог с изюмом и молоко?
- Еще бы!

На заднем сиденье лежала картонка. Я влез в машину и открыл ее. Два сэндвича с солониной. Я принялся за них и сказал:

- Она сбежала, пока я звонил. Это было больше трех часов назад.
- Там есть кто-нибудь еще?
- Нет.
- Ты что-нибудь нашел?

Я промолчал, проглотил кусок сэндвича, взял картонку с молоком.

- Если у какой-нибудь из твоих приятельниц есть пара близнецов, то в погребе, в чемодане, вполне хватит одежды для них. А в ящике наверху имеются два плисовых комбинезончика с пуговицами из белого конского волоса. В них-то все и дело - вот почему они наверху.

- Наличие одежды еще можно как-то объяснить, но детская кроватка все решает, - сказал он.
- Да, - у меня был полный рот.

- Значит, ребенок был там, и она знает, откуда он. Может быть, ей неизвестна мать, но знает она достаточно много. Что она из себя представляет?

- Она бы удивила даже тебя. Думаю, будет все отрицать. Если бы она вернулась и застала меня в доме, я попытался бы ее расколоть, а теперь не знаю.

- Не стоит нам сидеть в моей машине. Она знает твою?

Я кивнул и сделал глоток молока.

- О'кей, - я положил молоко и второй сэндвич в картонку. - Прикончу в своем седане эту легкую закуску, спасающую мне жизнь. А ты сунь свою машину в лес и присоединяйся ко мне. Если Вулф решит ее накрыть, то Фред или Орри будут здесь к девяти часам. Подумай, как ты будешь входить

с ними в контакт. Если Вулф решит, чтобы они приехали к нему, то вместо Фреда и Орри приеду я, и мне, возможно, понадобится твоя помощь.

Глава 6

Саул Пензер, Фред Даркин и Орри Кэтер по очереди вели наблюдение за подступами к дому Эллиен Тензер в течение двадцати часов. Но здесь никто не появился. Когда Вулф спустился в контору в одиннадцать утра в субботу, у меня не было никаких новостей. Он разместил свою тушу на стуле и принялся просматривать утреннюю почту, которую я вскрыл. Не обнаружив ничего интересного или полезного, он отодвинул почту в сторону и, нахмутив брови, взглянул на меня.

- Проклятье, - прорычал он. - Эта женщина сбежала, не так ли?

Я вытащил из кармана двадцать пять центов, подбросил монету над письменным столом и взглянул на нее.

- Орел. Значит, не сбежала.

- Мне необходимо точное мнение.

- Вы его не получите. Только последний дурак может составить мнение, если его нельзя подкрепить аргументами. Вы просто напоминаете мне, что останься я там, вместо того, чтобы идти вам звонить, я бы сейчас шел по ее следу.

- У меня и в мыслях этого не было.

- То, что я попал в дом и нашел там вещи, не покрывает промаха. Ненавижу неудачу. Звонил Саул.

- Когда?

- Полчаса назад. У племянницы мисс Тензер ребенка не было ни в декабре, ни в январе, ни в феврале. Он проверил ее жизнь за этот период и подробности расскажет позже. Сейчас он выясняет, была ли тетушка у племянницы, начиная со вчерашнего полудня.

Зазвонил телефон, я взял трубку.

- Бюро Ниро Вулфа.

- Это Орри Кэтер. Звоню из Махопака.

- Все в порядке?

- Нет. Ничего хорошего. В десять пятьдесят пять приехала машина. Криминальная полиция. Вышли трое: полицейский, тип из окружного департамента и Перли Стеббинс. Они попытались открыть дверь, потом зашли за угол, и этот тип из департамента влез в открытое окно, а Стеббинс и полицейский вернулись к двери. Вскоре она открылась, и они вошли в дом. Не похоже на то, что я могу чем-нибудь помочь, вот я и заволновался. Мне уехать?

- Насколько ты уверен, что это был Перли?

- Минутку, я ведь не сказал, будто подумал, что это он. Я сказал, что это он. Я ведь докладываю.

- Ты прав. Приезжай.

- Если я вернусь, то я...

- К черту, приезжай.

Я осторожно положил трубку, перевел дыхание, повернулся в Вулфу.

- Звонил Орри Катер из Махопака. Я велел ему приехать, потому что мисс Тензер домой не вернется. Она мертва. Приехали трое в полицейской машине. Они сейчас в доме и один из них - Перли Стеббинс. Не нужно особого ума, чтобы понять: сержант из нью-йоркского отдела по убийствам не приедет в Путнемский округ за пуговицами из белого конского волоса.

Губы Вулфа сжались крепко, как никогда. Потом они разомкнулись.

- Предположение - это еще не факт.

- Сейчас будут доказательства.

Я повернулся к телефону, взял трубку и набрал номер "Газетт". А когда Вулф услышал, что я прошу Лона Коэна, он взял трубку параллельного аппарата и придвинулся поближе к нему. Лон по крайней мере половину своего времени говорит по телефону, но я поймал его между двумя телефонными звонками и спросил, есть ли у меня еще кредит, и он ответил, что в следующем номере газеты нет, но на сведения и новости есть.

- На этот раз требуется не так много, - сказал я. - Просто проверяю слух, который только что до меня дошел. Вы слышали что-нибудь о женщине по имени Эллен Тензер?

- Эллен Тензер?

- Верно.

- Возможно, мы кое-что имеем. Но не будь так дьявольски осторожен.

Арчи. Если ты хочешь узнать, что мы узнали об убийстве, так и скажи.

- Хочу узнать.

- Вот это лучше. Нам известно не очень много, правда, в последний час могли прийти новости. Одним словом, около шести часов утра полицейский заглянул в машину, которая стояла на тридцать восьмой улице возле Третьей авеню, и видел на полу у заднего сиденья женщину. Она была задушена куском шнура, который еще болтался у нее на шее. Выяснилось, что она мертва уже пять-шесть часов. Ее опознали как Эллен Тензер из Махопака. Вот и все. Если это так важно, могу позвонить вниз и узнать последние новости.

Я сказал ему, что срочности нет, поблагодарил и повесил трубку. То же самое сделал и Вулф. Он пристально смотрел на меня, а я на него.

- Дело принимает плохой оборот, - сказал я. - Обсудим его?

Он покачал головой.

- Пока это ничего не даст.

- Есть одно частное "но". Если бы я не ушел из ее дома и продолжал обрабатывать, то может быть, чего-нибудь и добился бы, и она сидела бы сейчас здесь, а мы заканчивали бы дело... К черту интеллигентность и опыт!

- Оставь.

- Но что теперь? Я не сумел спросить о чем-нибудь, кроме пуговиц, и теперь Стеббинс и Крамер насядут на нас. Тридцать восьмая улица - что там, часто происходят убийства?

- Убийство - их проблема.

- Скажите об этом им. Племянница расскажет, как пуговичный коммерсант Арчи Гудвин встречался с ней, чтобы заполучить адрес тетки. Парень с бензоколонки опишет человека, который узнавал, как проехать к дому убитой. А в самом доме они обнаружат тысячи отпечатков моих пальцев, четких и свежих. Я вполне могу звонить адвокату и договариваться о залоге, если я буду арестован, как важный свидетель.

Вулф проворчал:

- Ты не можешь представить им информацию относительно убийства. Я изумился:

- Не могу?

- Думаю, что нет. Обсудим это, - Он откинулся назад, закрыл глаза, но его губы не шевелились. Такое сосредоточение требовалось для истинно каверзных проблем. Через минуту он открыл глаза, выпрямился.

- Все довольно просто Так как она мертва, все зависит от тебя. Например, она сказала, что должна уехать, потому что у нее назначена встреча, а ты попросил у нее разрешения подождать, пока она не вернется, и она согласилась. Ты остался в доме один. Ты помнил, как важны для нашего клиента белые пуговицы из конского волоса. И ты воспользовался обстоятельствами. Именно так ты должен говорить.

- Не называя имени клиента?

- Разумеется.

- Без имени клиента все это блеф. Жертва и наш клиент тесно связаны.

Поэтому полиция захочет задать клиенту несколько вопросов. И я назову мисс Вэлдон.

- У тебя есть выход. Клиент ничего не знает об Эллен Тензер. Он нанял нас, чтобы выяснить, откуда взялись эти пуговицы. И только. Мы не обязаны раскрывать имя клиента - это дело нашей чести. Полиции только дай повод - они ухватятся за что угодно.

- Но у меня есть пара вопросов. Не считаете ли вы, что Эллен Тензер была бы сейчас жива, если бы вы не взялись за эту работу, не дали бы объявление и не послали меня встретиться с Тензер?

- Да, считаю, что она была бы жива.

- Тогда не будет ли фараонам легче арестовать убийцу, если они будут знать то, что знаем мы, особенно о ребенке?

- Несомненно.

- О'кей. Вы сказали: "Убийство - это их проблема". Мне это действует на нервы и будет стоить бессонницы. Я видел мисс Тензер, говорил с ней, она дала мне воды. Конечно, я полностью на стороне клиентки и против претензий к ней со стороны полиции... Я пил с ней мартини, но она, по крайней мере, до сих пор жива.

- Арчи, - он поднял руку, - мое дело - выяснить личность матери и установить степень вероятности того, что ее муж был отцом ребенка. Ты думаешь, я могу выяснить это без того, чтобы не узнать, кто убил мисс Тензер?

- Нет.

- Тогда не изводи меня. И без этого все плохо.

Глава 7

Я находился под арестом с 3:42 воскресенья, когда инспектор Крамер вызвал меня, до 11:58 понедельника, когда Натаниель Паркер, адвокат Вулфа, приехал в кабинет окружного прокурора с документом, подписанным судьей, установившим залог в двадцать тысяч долларов. Поскольку средний залог по Нью-Йорку за особо важных свидетелей по делам убийств составляет восемь тысяч, то такая сумма моего залога поставила мою персону на высшую ступень, и я оценил этот комплимент.

Если не считать бессонницы, двух пропущенных приемов пищи, приготовленной Фрицем, и того, что я не почистил зубы, мое заключение не являлось великим испытанием и не утомило меня. Моя легенда, предложенная Вулфом и немного усовершенствованная, была изложена Крамеру еще в нашем кабинете в присутствии Вулфа, а потом в присутствии окружного прокурора по фамилии Мандель и нескольких сыщиков из отдела убийств. Тон был установлен Вулфом в его схватке с Крамером еще в воскресенье днем, особенно в конце его, когда Крамер поднялся, чтобы уйти.

- Я ничего вам не должен, - сказал Вулф, - и не нуждаюсь в вашей снисходительности. Арестовать меня вместе с Гудвином было бы бессмысленно, так как я все равно бы молчал. Если бы у меня появились советчики, уверяю вас, они не были бы подвержены вашему влиянию.

- Пройдет немного времени и вы сами захотите давать советы, - произнес с неохотой Крамер.

- У вас в кармане мое заявление, в котором я утверждаю, что нахожусь в совершенном неведении, кто мог бы быть убийцей Эллен Тензер. У меня достаточно оснований утверждать, что и мой клиент ничего не знает. Что до вашей угрозы лишить меня лицензии, то я скорее буду спать под мостом и есть объедки, чем представлю моего клиента для официальных допросов.

Крамер покачал головой:

- Чтобы вы ели объедки!.. Боже милостивый. Гудвин, идемте.

Мы не имели и намека на личность матери ребенка. Пока мы не предпринимали ничего, чтобы выяснить, кто же она, хотя и не бездельничали. Мы отпустили Саула, Фреда и Орри. Мы читали газеты. Узнали у журналиста Лона Коэна, нет ли неопубликованных новостей. Мы отправили пятьдесят долларов Беатрис Эппс.

Я считал, что было бы напрасной тратой денег клиентки нанимать Саула, Фреда и Орри для проверки Эллен Тензер, поскольку этим занимались специалисты: полицейские и журналисты. Из газет и от Лона Коэна мы имели больше фактов, чем могли использовать. Эллен Тензер была зарегистрированной няней, но бросила работу десять лет назад, когда получила в наследство дом в Махопаке и деньги, достаточные для того, чтобы жить безбедно. Она никогда не была замужем, но, по-видимому, любила детей, поскольку вырастила их за десять лет больше дюжины. Откуда они появлялись и куда исчезали было неизвестно. О последнем воспитаннике никто ничего не знал, кроме того, что это был мальчик. Ему было около месяца, когда в марте он появился у нее. Она называла его Бастером. Исчез он около трех недель назад. Лучшим источником информации был местный доктор, которого Эллен вызывала в случае надобности, но он оказался крайне молчалив. Журналист Лон утверждал, что даже инспектору Перли Стеббинсу вряд ли удалось бы что-нибудь из него вытянуть.

Кроме племянницы Энн, единственными родственниками Эллен Тензер был ее женатый брат и родители Энн, которые жили в Калифорнии. Энн отказалась от разговора с репортерами но Лон утверждал, что она не часто виделась с тетей и почти ничего о ней не знала.

Когда я уходил от Лона, он спросил:

- Ты нашел пуговицы? Да или нет?

Проиграв с ним в покер много ночей напролет, я имел достаточную практику в управлении выражением своего лица в его присутствии. Я ответил:

- Ты предполагаешь, что наше объявление в "Газетт" и интерес к Эллен Тензер как-то связаны? Ничего подобного. Просто Вулф любит носить на брюках белые пуговицы из конского волоса.

- Ясно.

- Пуговицы для подтяжек, - добавил я.

Телефонный звонок специалиста по пуговицам Николаса Лессефа раздался в субботу днем. Я ожидал его, поскольку Энн Тензер должна была сообщить фараонам об Арчи Гудвине из фирмы "Исключительно пуговицы-новинки", и они должны были с ним встретиться. А встреча с сыщиками из отдела убийств никому не доставит удовольствия. Он мог быть обижен. Но это было не так. Он только хотел узнать: выяснил ли я, откуда взялись злосчастные пуговицы. Я спросил, были ли у него официальные гости, и он ответил, что да, были, поэтому он предположил, что у меня для него есть новости.

Я выразил опасение, что у меня их никогда не будет, и вот тогда он огорчился.

Энн Тензер позвонила в воскресенье утром. Я ожидал и этого звонка, поскольку газеты пестрели моим именем, а в "Ньюс" меня назвали убийцей детской няни. Энн Тензер была расстроена, но казалось, сама не знает из-за чего. Не из-за того, что я выдавал себя за пуговичного коммерсанта. И не из-за того, что случилось с ее тетей. Как я понял, она была огорчена тем, что звонила мне.

Ни один человек, включая и меня, не знаменит настолько, насколько он считает. Когда в воскресенье утром я нажал на кнопку звонка дома на Одиннадцатой Западной улице и был впущен Мэри Фолтц, то не заметил никаких признаков того, что наша клиентка видела в газетах мое имя. Когда я вошел, она сидела за роялем. Закончив музыкальную фразу, она повернулась ко мне и сказала:

- Доброе утро. Полагаю, у вас есть новости?
- Что-то вроде того, - сказал я, - если вы видели утреннюю газету.
- Видела, но не читала. Я никогда их не читаю.
- Тогда я расскажу вам все вкратце.

Я сел и приступил к рассказу. Когда я дошел до Эллен Тензер и сообщил, что ребенок пробыл у нее около трех месяцев, Люси Вэлдон воскликнула:

- Значит, она - мать!
- Нет. По веским причинам нет.
- Но она знает, кто мать?
- Возможно, знала. По крайней мере, она знала, где и от кого получила ребенка. Но она не расскажет об этом, потому что мертва.

- Мертва?

Я сообщил ей обстоятельства смерти Эллен Тензер.

- Значит... она была убита?
- Да.
- Но... это ужасно...

- Да. Если полиция еще не знает о том, что я был в ее доме и прочесал весь дом, включая и погреб, то скоро узнает. Они узнают и о том, что спустя четырнадцать часов после встречи со мной она была убита. Они захотят узнать имя клиента, фактически потребуют его и, если они его получат, то вас пригласят в кабинет прокурора, чтобы ответить на его вопросы. Потом они придумают несколько версий. Одной из них, возможно, будет то, что ребенок не был оставлен в вашем вестибюле, что это выдумка для объяснения присутствия ребенка в вашем доме, что вы ведете беспорядочный образ жизни. Ваши друзья будут в шоке. Главное...

- Нет!
- Что "нет"?
- Это не выдумка - Но не плохая версия. Я знавал и хуже. Главное, если мы назовем имя клиентки, вам причинят беспокойство.

- Подождите минутку.

Она нахмурилась. Я ждал больше минуты, пока она обдумывала все. Наконец сказала:

- Вы считаете, что эта женщина была убита из-за... того, что вы поехали к ней? Вы ведь это имели в виду?

Я покачал головой: ' - Было сказано совсем не так. Она была убита, возможно, потому, что кто-то очень не хотел, чтобы она что-нибудь рассказала. Можно предположить еще и так: если бы расследование о ребенке не было бы начато, она не была бы убита.

- Но этим вы говорите, что я ответственна за убийство?
- Нет, я этого не говорю. Кто бы ни оставил ребенка в вашем доме с приколотой к одеялу запиской, он должен был предположить, что вы попытаетесь выяснить: откуда этот ребенок. Ответственность за убийство падает на него, и не пытайтесь присвоить ее себе.

Она крепко вцепилась в стул.

- До чего все это мерзко. До чего ужасно. Убийство. Вы сказали, что я буду вызвана к прокурору.

- Если, миссис Вэлдон, мы назовем имя клиентки.

- Называйте меня Люси.

- Если мы откажемся назвать ваше имя, то, возможно, попадем в беду, но это наши проблемы. О том, что вы наняли Ниро Вулфа знают только три человека - ваша служанка, кухарка и адвокат. Кто еще?

- Никто. Я никому не говорила об этом.

- Вы уверены?

- Да.

- Не рассказывали абсолютно никому, даже лучшему другу? Люди болтливы, и если слух о том, что вы наняли Вулфа, дойдет до полиции, это изменит многое. Адвокатам сплетничать не полагается, но многие из них только этим и занимаются. С вашим адвокатом, служанкой и кухаркой придется рассчитывать только на везение. И не просите их не болтать, это редко помогает. Люди чертовски упрямы, и если их попросить о чем-нибудь не упоминать, то у них появляется нетерпенье. К вам это не относится, потому что вам есть что терять. Вы будете молчать?

- Да. Но что собираетесь делать вы?

- Не знаю. Голова на плечах - у мистера Вулфа. Я только на посылках.

Ближайшая задача - оставить вас в тени, вот почему я пришел. Они еще не добрались до вас, но нашли тысячи отпечатков в доме Тензер. Я детектив, и мои отпечатки имеются в их картотеке. Они не так глупы. И могут быть настолько остроумны, что последуют за мной сюда. Правда, я шел пешком и удостоверился, что хвоста нет.

Я встал, чтобы уйти, но перед этим сказал:

- Если вы считаете, что мы должны покаяться перед вами, что допустили это убийство, мы готовы это сделать.

- Это я должна извиниться перед вами, - она встала. - Я была груба, когда вы были здесь в тот раз. Вы уходите?

- Да. Я выполнил поручение. Если за мной следили, они поджидают меня на ступеньках, чтобы кое-что узнать.

Но слежки не было. Я вернулся домой за полчаса до прихода Крамера, который начал жаркий спор, а потом увез меня в тюрьму.

Итак, в понедельник Паркер взял меня на поруки и подвез до 35-ой улицы. Я был рад увидеть, что Вулф не сидел без дела в мое отсутствие. Он начал еще одну книгу: "Безмолвную весну" Ричарда Кардона. Я подождал, пока он закончил абзац, закрыл книгу, заложив страницу пальцем, и взглянул на меня.

- Двадцать тысяч, - сказал я ему. - Прокурор хотел назначить пятьдесят, так что я котируюсь весьма высоко. Один из сыщиков оказался способным. Он почти завел меня в тупик расспросами о комбинезоне, но я вывернулся. Не было ни одного упоминания о Сауле, Фреде или Орри, так что они не напали на их след, и теперь вряд ли нападут. Я подписал девять часов назад два сомнительных заявления, но они с ними согласились. Если нет ничего срочного, я пойду наверх и займусь собой. Я вздремнул всего часок под надзором стоящего рядом полицейского. Как насчет еды? Что у нас на ленч?

- Мясо в кисло-сладком соусе, свекла и кресс-салат.

Я мог бы перечислить пять достаточно веских причин, по которым мне следовало бы давным-давно бросить эту работу. Но я мог бы назвать и шесть весьма значительных, из-за которых я

этого не делаю. Хорошенько поразмыслив, я мог бы определить две, даже три причины, по которым Вулфу следовало бы меня уволить, и десять, по которым он никогда этого не сделает. Одна из десяти, и вполне веская, та, что не будь меня рядом, Вулф, возможно, спал бы под мостом и ел объедки. Он терпеть не может работать, по крайней мере, половину зарплаты я получаю за то, что подталкиваю его к работе - но об этом нельзя говорить.

Однако, если тормозить его как следует, он наверняка спросит, какие у меня предложения. Поэтому, когда мы вернулись после ленча в кабинет и он устроился за книгой, я не выдавал своего присутствия даже взглядом. Если бы я стал досаждать ему, он спросил бы меня о предложениях, и я бы спасовал. Никогда я не видел перед собой столь неясную перспективу. Мы выяснили, откуда взялся ребенок, но были в гораздо худшем положении, чем тогда, когда начинали работу. Что касается имен, адресов и номеров телефонов, то я занимался ими, но ни один из них не стоил выеденного яйца.

Теперь ими располагали полицейские, и наверняка они проверяли их. Проверяли они и Эллен Тензер и версии о ребенке. Все это, я думаю, представлял себе Вулф, пока сидел, погрузившись в книгу. Если полиция навесит ярлык на убийцу, то Вулф сможет оттолкнуться от этого и найти мать. Но если они определяют не только убийцу, но и мать, Вулфу придется уменьшить счет клиентки, зато он избавится от множества хлопот.

Итак, я его не тревожил, и он не работал. Во всяком случае, я предполагал, что он не работает. Но когда без пяти четыре он закрыл книгу, а затем, оттолкнув кресло, встал, чтобы отправиться на вечернее свидание с орхидеями, он сказал:

- Мисс Вэлдон сможет быть здесь в шесть часов?

Скорее всего он решил это еще несколько часов назад, возможно, до ленча, ибо во время чтения он ничего не решает. Он откладывал свое сообщение до последней минуты, ибо он будет не просто работать, ему придется говорить с женщиной.

- Я узнаю, - сказал я.

- Если не в шесть, тогда в девять. Наша входная дверь, вероятно, под надзором, так что ей лучше пройти через черный ход.

Он направился к выходу, а я повернулся к телефону.

Глава 8

Входить в старинный каменный особняк с черного хода ненамного сложнее, чем через парадный. Я привел Люси Вэлдон в кабинет. Когда мы вошли, Вулф едва кивнул, сжал губы и без всякого энтузиазма наблюдал, как она села в красное кожаное кресло, поставила сумку и отбросила назад боа из соболя или из чего-то в этом роде.

- Я уже сказала Арчи, что приношу извинения за то, что немного опоздала.

Это было скверное начало. До сих пор никто из клиентов не называл Вулфа просто "Ниро" и вряд ли когда-нибудь назовет. А это "Арчи" означало, что она слишком много себе позволяет, либо я слишком много позволил себе. Он метнул на меня взгляд, повернулся к ней и перевел дыхание.

- Обращаться за помощью к клиенту - необычная для меня процедура, - сказал он. - Когда я берусь за работу - это моя работа, но меня вынудили обстоятельства. Мистер Гудвин вчера утром обрисовал вам ситуацию.

Она кивнула. Покончив с этим вопросом и давая ей понять, что меня следует называть "мистер Гудвин", он откинулся назад.

- Но, может быть, мистер Гудвин обрисовал ситуацию недостаточно ясно?

Мы в весьма неприятном положении. Хотя мы знаем, откуда к вам попал ребенок, мы в тупике. Это вы понимаете?

- Конечно.

- Если вы все еще надеетесь, откажитесь от этого. Попытаться выяснить как, откуда, кем был доставлен ребенок к Эллен Тензер, было бы неразумно. Это работа для полиции, которая имеет армию обученных людей, вполне компетентных и обладающих официальными полномочиями, а не для мистера Гудвина и меня. Полиция уже работает, поскольку происшедшее имеет отношение к убийству. Итак, мы оставляем Эллен Тензер полиции. Ведь не она положила ребенка в вестибюль.

- Почему вы так решили? - Люси нахмурилась.

- Путем умозаключений. Не она прикалывала записку простой булавкой к одеялу. Не она заворачивала в него ребенка. Мистер Гудвин нашел в ее доме полный поднос с английскими булавками, но не нашел гектографа. А именно он использовался, когда записку писали. Вывод не окончательный, но вполне определенный. Я больше не сомневаюсь, что двадцатого мая Эллен Тензер вручила кому-то ребенка или в своем доме, или, что более вероятно, в заранее обусловленном месте. Может, она звала, а может, и нет, что его отнесут в ваш вестибюль. Я в этом сомневаюсь. Но ей было слишком много известно о начале этой истории, поэтому она и была убита.

- Только из-за этого она и была убита?

- Нет. Но было бы неразумно с этим не считаться. Рассмотрим другое предположение: Эллен Тензер не только не оставляла ребенка в вашем вестибюле, но даже не звала, что от него собираются избавиться подобным образом. Если бы она знала, она не одела бы его в комбинезон. Ей ведь было известно, что пуговицы уникальны и укажут след.

- Подождите, - Люси Вэлдон собиралась с мыслями. Вулф ждал. Через минуту она продолжила:

- Может быть, Эллен Тензер хотела, чтобы след был?

Вулф покачал головой:

- Нет. В этом случае она бы приняла мистера Гудвина совершенно иначе.

Не то чтобы она не знала о ребенке, она ничего не знала о его предстоящем будущем. А тот, кто оставил ребенка в вашем вестибюле, не настолько хорошо разбирался в детской одежде, чтобы понять: пуговицы уникальны. Но мистер Гудвин сразу понял это, и я тоже.

- А я не поняла.

Он взглянул на нее.

- Это касается лично вас, мадам, а не проблемы в целом. Проблема - мое дело. Но сейчас я должен не только выполнить работу, которую обязался выполнить, но также должен вместе с мистером Гудвином избежать обвинения в совершенном преступлении. Если Эллен Тензер убили, чтобы помешать ей сообщить сведения о ребенке, а это почти наверняка так и было, то мы с мистером Гудвином отказываемся давать показания относительно убийства. И мы попадем в неприятное положение. Я не хочу сообщать полиции ваше имя и сведения, которые вы мне доверили конфиденциально. Вас будут беспокоить, вам будут досаждают и даже изводить, а вы являетесь моей клиенткой, поэтому мое самоуважение будет поколеблено. Может быть, я тщеславен, но я могу выносить упреки только от других и никогда от самого себя. Если мы с мистером Гудвином откажемся назвать ваше имя и сообщить известные нам сведения, то сделаем это не только ради ваших обязательств перед вами. Теперь, кроме обнаружения матери, мы должны найти убийцу. Или установить, что между смертью Эллен Тензер и ребенком не было ничего общего. Но, поскольку весьма вероятно, что это общее было, то я буду преследовать убийцу от вашего имени и за ваш счет. Это ясно?

Глаза Люси Вэлдон остановились на мне.

- Я сказала Гудвину, что мне все это отвратительно.

Я кивнул:

- Беда в том, что вы попросту не можете отказаться от предложения мистера Вулфа. Если вы прекратите расследование, откажитесь быть нашей клиенткой, нам придется раскрыться. Я, по крайней мере, это сделаю. Я довольно важный свидетель. Я последним видел Эллен Тензер. А вам придется иметь дело с полицией. Вы должны сделать выбор, миссис Вэлдон.

Она приоткрыла губы, а потом сжала их.

- Повторяю, мне отвратительно все, что произошло, но я остаюсь вашей клиенткой.

Я взглянул на Вулфа и встретил его взгляд.

- Миссис Вэлдон предпочитает нас фараонам. Совсем неплохо для нашего самоуважения.

Люси Вэлдон обратилась к Вулфу:

- Вы сказали, что будете преследовать убийцу от моего имени и что это в моих интересах. Значит, вы сразу займетесь именно этим?

- Нет, - коротко и грубовато сказал он. - Мы будем заниматься этим по ходу расследования. Итак, я хочу продолжить.

- Да.

- Вам придется помочь нам. Оставим Эллен Тензер полиции и примемся за дело с другого конца - я имею в виду зачатие и рождение ребенка. Вы неохотно дали мистеру Гудвину имена четырех женщин, которые были или могли быть в контакте с вашим мужем. Мы рассчитываем на большее. Нам нужны имена всех женщин, которые были или могли быть в контакте с вашим мужем даже короткое время весной прошлого года. Всех.

- Но это невозможно. Я не смогла бы назвать всех. Мой муж встречался с сотнями людей, которых я даже не видела. К примеру, я никогда не ходила с ним на литературные коктейли. На них мне было скучно, а его устраивало, если меня там не было.

- Несомненно, - проворчал Вулф. - Вы дадите мистеру Гудвину все имена, которые знаете, все без исключения. Их обладательницам не будет причинено никакого беспокойства. Наведение справок мы ограничим только одним вопросом: их местонахождение в то время, когда родился ребенок. Хорошо, что женщина не может носить и родить ребенка, не изменив установившийся образ жизни. Только с несколькими из них, а возможно и ни с кем, нам придется вести более подробные переговоры. Вы не должны упустить ни одну из них.

- Хорошо. Я постараюсь.

- Вы также дали мистеру Гудвину имена нескольких мужчин, и теперь нам нужно пустить их в дело. Но и для этого нам нужна ваша помощь. Я хотел бы их увидеть, и они должны прийти сюда. Мне не обязательно видеть их по отдельности, можно собрать всех вместе. И вы устройте это после того, как они будут выбраны.

- Это значит, что я попрошу их придти к вам в гости?

- Да.

- Но что я им скажу?

- Так и скажите: вы наняли меня провести расследование, и я хочу поговорить с ними.

- Но тогда... - Она вновь нахмурилась. - Арчи сказал, чтобы я никому не рассказывала, даже близкому другу.

- Мистер Гудвин следует инструкции. Но при дополнительном обсуждении я пришел к выводу, что мы должны рискнуть. Вы говорите "это отвратительно, что все так получилось". Так считаю и я. -Если бы я знал, что эта работа приведет меня к убийству, в которое буду впутан и я, я за это дело не взялся бы. Я должен встретиться по крайней мере с четырьмя мужчинами, которые

наиболее осведомлены. Они дополняют список знакомых вашего мужа и дадут мне такую информацию, которой вы не располагаете. После того, как вы с мистером Гудвином отберете кандидатуры, вы приведете их сюда.

По ее виду я понимал, что предстоящая работа ненавистна ей.

- Но что я им отвечу, если меня спросят, какое дело вы для меня расследуете?

- Скажите, что это я им объясню сам. Конечно, риск есть. Я, естественно, не упомяну о ребенке. Но о том, что в вашем доме находится ребенок, очевидно, известно большему кругу лиц, чем вы предполагаете. Если кто-то спросит о нем, я отвечу, что для моего дела это несущественно.

Когда я решу, что буду им говорить, я поставлю вас об этом в известность. Если у вас будут возражения, мы их обсудим.

Он повернулся, чтобы взглянуть на часы. До обеда оставалось полчаса.

- Сегодня вечером вы с мистером Гудвином выберете трех-четыре человек из ваших знакомых. Мне бы хотелось увидеть их завтра в одиннадцать утра или в девять вечера. Кроме того, прошу вас составить список женских имен. А теперь всего один вопрос: не соизволите ли вы сказать мне, где вы были в прошлую пятницу? С восьми часов?

- В пятницу?

Он кивнул.

- У меня нет никаких оснований, мадам, сомневаться в вашей искренности. Но я буду иметь дело с человеком, уклоняющимся от ответственности за убийство. Эллис Тензер была убита в прошлую пятницу около полуночи. Где вы были в это время?

Люси смотрела на Вулфа с изумлением.

- Но вы не... не можете же вы думать...

- Мои подозрения совершенно не правдоподобны, и все же доля вероятности в них есть. Утешьте себя мыслью о том, что я считаю возможным такой оборот дела: вы одурачили меня с помощью набора хитростей и уловок.

Она попыталась улыбнуться:

- У, вас весьма своеобразная манера утешения, - она взглянула на меня. - Почему вчера вы не спросили об этом?

- Я хотел, но запамятовал.

- Что все это значит? - спросила она.

- Опасного для вас - ничего. Но мистер Вулф прав в своем комплименте вам. Представьте, как было бы славно, если бы вам удалось одурачить и его и меня. Но где же вы были в пятницу вечером?

Минуту она молча обдумывала вопрос.

- Я обедала у своей приятельницы Лины Гютри, но к девятичасовому кормлению ребенка вернулась домой. Там была няня, но мне нравится присутствовать при этом. Потом я спустилась вниз, немного поиграла на рояле и отправилась спать, - она повернулась к Вулфу. - Все это несущественно.

- Нет, - проворчал он, - все, что относится к причудам человеческого поведения, не может быть несущественным. Если няня была у вас вечером, мистер Гудвин обо всем ее расспросит.

Глава 9

На следующий день в полдень в нашем кабинете сидели трое мужчин, однако они не были приятелями писателя Ричарда Вэлдона. Саул Пензер расположился в красном кожаном кресле. В

двух желтых креслах, стоящих возле стола Вулфа, сидели Фред Даркин - пять футов десять дюймов, сто девяносто фунтов, лысый и дородный, и Орри Катер - шесть футов ровно, сто восемьдесят фунтов, отлично скроенный с головы до пят. У них в руках было по несколько карточек, на которых я отпечатал полученную от Люси Вэлдон информацию.

Вулф пристально вглядывался то в лицо Фреда, то Орри - как делал всегда, когда кратко обрисовывал ситуацию этому трио. Он был уверен, что Саул и так все поймет.

- Трудностей и осложнений быть не должно, - говорил он. - Это совсем просто. В начале этого года или в конце прошлого женщина родила ребенка.

Я хочу ее найти. Вы будете действовать методом исключения. Узнавая о каждой из женщин, чьи имена находятся у вас на карточках, вы должны ответить на простой вопрос: могла ли данная персона родить в указанное время. Если вы обнаружите особу, подходящую по всем статьям, ничего не предпринимайте, не проконсультировавшись со мной. Понятно?

- Не очень, - сказал Орри. - Насколько просто это "совсем просто"?

- Вы сможете узнать об этом, когда посоветуетесь со мной или с Арчи.

Старайтесь не обращаться напрямую к кандидаткам из этого списка. В большинстве случаев старайтесь получить информацию от прислуги, продавцов, почтальонов, в общем, как обычно. Пользуйтесь своими собственными именами. Расследование вы ведете от имени Дофин Корпорейшен, от владельца и управляющего Дофин Коттеджами, Флорида. Скажем, одна женщина возбудила против корпорации дело о возмещении убытков на большую сумму - полмиллиона долларов - за причиненный ей в январе этого года ущерб во время перехода с пристани в лодку. Служащий кооперации не удержал лодку, и в результате его халатности, женщина получила травму. Этот случай скоро будет разбираться в суде, и корпорация хочет иметь показания некой Джейн Доу (ее имя на ваших карточках). Джейн Доу арендовала один из коттеджей корпорации с десятого декабря по десятое февраля. Она была на пристани во время инцидента и сказала управляющему, что лодка была надежно закреплена, не сдвигалась с места, лодочник ни в чем не виноват. Я не слишком дотошен?

- Нет, - сказал Фред.

Вряд ли он знал, дотошен Вулф или нет, но он всегда считал, что Вулф ни в чем не может быть "слишком".

- Остальное как обычно: Джейн Доу не оказалось по адресу, который она дала Дофин Корпорейшен. Была ли она во Флориде в указанное время? Где она была? - Вулф щелкнул пальцами. - Но нам нужны не предположения, а доказательства. Только после них вы будете пользоваться методом исключения. Понятно?

- Мне не очень, - Орри поднял голову от записной книжки, в которой записывал инструкции. - Вот вопрос: если она собиралась родить, то зачем ее понесло во Флориду? И при чем тут судебный процесс?

Его самоуверенность исходила из убеждения, что все люди созданы равными, особенно такие, как он и Ниро Вулф.

- Ответь ему, Саул, - скептически процедил Вулф.

Записная книжка Саула лежала в кармане вместе с карточками. Он взглянул на Орри сочувственно.

- Очевидно, - сказал он, - есть шанс, что ребенок был внебрачный.

Мать могла куда-нибудь уехать, чтобы его родить. Но уезжала ли она? Если нет, то остается узнать: родила ли она пять месяцев назад. А Флорида сойдет для начала.

Это было не совсем так, и Вулф приложил руку к этому. Саулу мы обрисовали всю последовательность действий пять дней назад. При этом мы старались не упустить важный момент - требовалось научить Орри хорошим манерам. И Саул активно принимал участие в игре.

Когда они ушли, я, проводив их, вернулся в кабинет и сказал Вулфу:

- Если вы хватили через край в отношении Орри, у него может развиться комплекс неполноценности, и вы погубите хорошего детектива.

- Совсем не обязательно, - проворчал Вулф, взял "Безымянную весну" и устроился с книгой поудобнее.

Мы не знали, сколько человек придет к нам вечером. Было довольно поздно, когда позвонила Люси Вэлдон и сообщила, что договорилась со всеми, кого мы выбрали. Их было четверо.

В шесть Вулф спустился из оранжереи. На его столе находились заметки, отпечатанные мной. Они гласили:

МАНУЭЛЬ АПТОН. Пятьдесят лет. Редактор "Дистафа" - журнала для женщин, тираж более восьми миллионов экземпляров. Он вывел Ричарда Вэлдона на дорогу славы и удачи, опубликовав десять лет тому назад несколько его рассказов и издав два его романа.

Женат. Живет с женой, трое взрослых детей. Живет в апартаментах на Парк-авеню.

ЮЛИАН ХАФТ. Около пятидесяти. Директор "Партенон пресс", издатель романов Вэлдона. Он и Вэлдон были близки, особенно в течение последних лет жизни Вэлдона. Вдовец. Двое взрослых детей. Живет в просторной квартире на Черчилл Тауэрс.

ЛЕО БИНГХЭМ. Около сорока. Режиссер телевидения. Никаких деловых связей с Вэлдоном, но являлся его старейшим и ближайшим другом. Холостяк.

Тип беспутного весельчака. Живет в фешенебельной квартире на крыше небоскреба на 38-й улице.

ВИЛЛИС КРАГ. Тоже около сорока. Литературный агент. Вэлдон был одним из его клиентов в течение семи лет. Был женат и разведен. Бездетен. Живет в квартире на Перри-стрит в Вилледже.

Поскольку не было причин предполагать, что один из них является убийцей, я, встречая их, оценивал каждого в силу привычки. Виллис Краг, литературный агент, прибывший первым и немного раньше времени, оказался высоким худощавым человеком с продолговатой головой и приплюснутыми ушами. Он было направился к красному кожаному креслу, но я предложил ему другое место, поскольку решил, что в красном кожаном должен сидеть Бингхэм - старейший и ближайший друг Вэлдона. Он пришел следующим, ровно в девять. Высок, полноват, весьма приятной наружности, а его широкая улыбка появлялась и исчезала подобно неоновой рекламе.

Юлиан Хафт, издатель, пришел следом. Тело его выше пояса напоминало бочонок, а ниже пояса - пару зубочисток. Макушка лысая, а на переносице вместо очков держалось что-то непонятное. Мануэль Аптон, редактор "Дистафа", явился последним и, взглянув на него, я удивился, что он вообще явился. Маленький тщедушный человечек с печальными глазами и морщинистым лицом дышал часто и тяжело. Я пожалел, что не оставил для него красное кожаное кресло. Я усадил его в желтое и по домашнему телефону позвонил на кухню, где был шеф.

Вулф вошел. Трое из гостей поднялись со своих мест. Мануэль Аптон не встал. Вулф, никому не протянув руки, попросил всех сесть, подошел к столу и, когда я называл имена гостей, кивал каждому. Затем он сел, окинул взглядом присутствующих справа налево и обратно и заговорил:

- Я не благодарю вас, джентльмены, за то, что вы пришли, поскольку вы делаете одолжение не мне, а миссис Вэлдон. Но ваше присутствие здесь я ценю. Вы - деловые люди и позади у вас трудный день. Не хотите ли подкрепиться? Стол не накрыт, поскольку это ограничило бы выбор. Но все под рукой. Что кому угодно?

Виллис Краг, отказываясь, покачал головой. Юлиан Хафт поблагодарил и отказался. Лео Бингхэм заказал бренди. Мануэль Аптон попросил стакан воды без льда. Я заказал скотч и воду. Вулф нажал на кнопку, явился Фриц и ему был передан заказ, включая и пиво для Вулфа.

Бингхэм послал Вулфу широкую улыбку и баритоном, который весьма шел к его улыбке, сказал:

- Я обрадовался приглашению. Рад возможности вас увидеть. Я частенько думал о ваших возможностях для телевидения. А сейчас, когда я вас воочию увидел, услышал ваш голос... Мой бог, это было бы изумительно. Я как-нибудь найду один и мы обсудим все.

Мануэль Аптон покачал головой и проворчал:

- Мистер Вулф может превратно истолковать твои слова, Лео. Он может подумать, что это личная рекомендация.

- Не начинайте пикировку хоть сегодня, - сказал Виллис Краг.

- Да, мы с Мануэлем несовместимы, - сказал Бингхэм. - Все журналисты ненавидят телевидение, потому что оно отбирает у них хлеб. Через каких-то десять лет не будет никаких журналов, кроме одного: "ТВ справочник". Но я люблю тебя, Мэни. Слава Господу, ты и тогда будешь социально обеспечен.

Юлиан Хафт пояснил Вулфу:

- Все идет к засилью телевидения. Массовая культура. Вы, кажется, любитель чтения. Книги, слава богу, не так зависят от рекламы, как телевидение. Вы не пробовали писать? Попробуйте. Даже если ваша книга не станет событием, она, безусловно, будет нарасхват, и я с удовольствием ее издам. Если уж мистер Бингхэм рассчитывает на вас, то я тем более.

- Невозможно, мистер Хафт, - ответил с усмешкой Вулф. - Частному детективу весьма трудно сохранить свой престиж и доверие клиентов в тексте с сотней тысяч слов. Ничто не портит человека так основательно, как писание книг. Появляется бесчисленное количество соблазнов. Я бы не решился.

Вошел Фриц с подносом. Вначале он подал пиво Вулфу, потом бренди Бингхэму, затем воду Аптону и, наконец, скотч и воду мне. Аптон вытащил из кармана коробочку с пилюлями, достал одну, кинул в рот и запил водой.

Бингхэм сделал глоток, подержал бренди во рту, обвел нас изумленным взглядом и сказал: "Можно?"... Он подошел к столу Вулфа, чтобы взглянуть на этикетку на бутылке.

- Никогда о таком не слышал, - сказал он Вулфу. - А я считал, что знаю коньяки. Просто невероятно, что вы предложили этот нектар незнакомому человеку. Ради бога, откуда вы его получили?

- От человека, для которого я делал кое-что. В моем доме гость есть гость, независимо от степени знакомства. Не стесняйтесь - у меня его около трех ящиков. - Вулф выпил пива и вернулся к прежней теме. - Как я уже сказал, джентльмены, я ценю ваш приход и не хотел бы зря вас задерживать. Моя клиентка миссис Вэлдон сказала, что она оставляет за мной право объяснить вам, зачем она меня наняла. Я буду, по возможности, краток. Прежде всего, вы должны знать, что все сказанное здесь вами или мной, строго секретно. Вы согласны с этим?

Присутствующие почти одновременно сказали "да".

- Очень хорошо. Моя сдержанность в этом вопросе профессиональна и является обязанностью по отношению к клиентке, а ваша будет носить личный характер, в порядке ваших с ней дружеских отношений. Ситуация такова. В прошлом месяце миссис Вэлдон получила три анонимных письма. Они в моем сейфе. Я не собираюсь показывать их вам или подробно раскрывать их содержание, но в них есть определенная информация о последнем периоде жизни мистера Ричарда Вэлдона, выдвигаются некоторые требования. Письма написаны от руки, чернилами, почерк скорее всего изменен. Но пол писавшего не вызывает сомнения. Из содержания

писем ясно, что они написаны женщиной. Мое обязательство перед миссис Вэлдон - выяснить личность этой женщины, поговорить с ней и удовлетворить ее требования. - Он потянулся за стаканом с пивом и сделал глоток. - В письмах явная попытка шантажа, однако, если требования верны, миссис Вэлдон склонна их принять, но с ограничениями. Когда я найду автора писем, она не будет разоблачена, ей не будут предъявляться обвинения, ее не заставят отказываться от требований, если только ее претензии не фальшивы. Первое, что необходимо, - найти ее. И в этом трудность. Предполагаемая реализация изложенных ею требований чрезвычайно необычна. Ничего похожего на такой примитив, как пачка банкнот в условленном месте. Вы деловые люди. Мистер Хафт, если бы вам в анонимном письме велели, под угрозой раскрытия тайны, которую вы желали бы сохранить, перевести некую сумму денег на указанный счет в швейцарском банке, что бы вы сделали?

- Упаси бог, я не знаю, - ответил Хафт.

- В швейцарских банках есть странные правила, - сказал мистер Краг.

- Верно, - кивнул Вулф. - Но меры, принятые написавшей письма, еще более искусны. Нет не только риска контакта, но даже и линии сближения.

Однако, она должна быть найдена, и я рассмотрел два варианта действий.

Один - слишком дорогой и может занять много месяцев. Другой потребует объединения людей, которые были близкими друзьями или знакомыми мистера Вэлдона. По предложению миссис Вэлдон были выбраны четыре фамилии - ваши. От ее имени я попрошу вас составить список фамилий всех женщин, с которыми, по вашему мнению, Ричард Вэлдон мог находиться в контакте в течение марта, апреля и мая в последний год своей жизни. Всех женщин, каким бы коротким ни было знакомство и какой бы характер оно не имело.

Могу я рассчитывать, что вы сделаете это в ближайшее время? Хотя бы завтра к вечеру?

Все джентльмены заговорили одновременно, но баритон Лео Бингхэма перекрыл голоса остальных:

- Это громадная работа, - сказал он. - Дик Вэлдон имел массу знакомств.

- Дело не только в этом, - сказал Юлиан Хафт. - Какова сама процедура? В моей конторе восемь-девять девушек, с которыми Дик имел какой-то контакт. Что вы собираетесь делать с именами, которые мы перечислим?

- В моей фирме их четыре, - сказал Виллис Краг.

- Минутку внимания, - тонким голоском потребовал Мануэль Аптон. - Мистер Вулф, вам придется рассказать подробнее о письмах.

Вулф выпил пиво, поставил пустой стакан на стол.

- Для того, чтобы я достиг поставленной цели, списки должны быть всеобъемлющими. Но пользоваться ими будут очень осторожно. Никому не будут докучать, никто не будет оскорблен, не будут пущены никакие слухи, ничье любопытство не будет возбуждено. Только к нескольким женщинам мы обратимся непосредственно. Выводы, которые я сделал из писем, ограничивают радиус поиска. Примите мои твердые заверения в том, что вам не придется сожалеть об оказанной помощи миссис Вэлдон. Есть лишь одно небольшое условие: в случае, если женщина, написавшая письмо, окажется одной из вашего списка, ее придется побеспокоить и, возможно, расстроить ее планы.

Это ваш единственный риск. Еще бренди, мистер Бингхэм?

Бингхэм встал и направился к столу за бутылкой.

- Это подкуп, - сказал он, налил и сделал глоток. - Но какой подкуп! - Он широко улыбнулся.

- Я хочу знать все о письмах, - настаивал Аптон.

- Это было бы нарушением обещания, которое я дал моей клиентке, - Вулф покачал головой. - Так что данный вопрос обсуждению не подлежит.

- Она и моя клиентка, - сказал Краг. - Я был агентом Дика, а сейчас я ее агент, поскольку она владеет авторскими правами. Я также и ее друг, поэтому я против того, кто посылает ей анонимные письма, кто бы он ни был. Я составлю для вас список к завтрашнему дню.

- Черт побери, я попался, - сказал Лео Бингхэм. Он стоял и нюхал коньяк. - Я сражен, - он повернулся к Вулфу. - Как насчет сделки? Если вы заполучите ее из моего списка, я получу вот такую бутылку...

- Нет, сэр, - ответил Вулф. - Но в качестве долга вы ее получите. А, возможно, в знак признательности.

- Откуда письма пришли в Нью-Йорк? - спросил Хафт. - Из города?

- Да.

- Можно нам увидеть хотя бы конверты? Вы сказали, что почерк изменен, но может быть кто-нибудь из нас получит намек на истинный почерк?

Вулф кивнул.

- Именно поэтому было бы неблагоприятным вам их показывать. Кто-то из вас может и в самом деле получить, намек, но почему-то не скажет об этом. Моя проблема усложнится.

- У меня вопрос, - пробормотал невнятно Мануэль Аптон. - Я слышал, что в доме миссис Вэлдон живет ребенок и няня при нем. Я ничего об этом не знаю, но человек, рассказавший мне это, не болтун. Есть ли какая-нибудь связь между ребенком и письмом?

Вулф нахмурился.

- Ребенок? Ребенок миссис Вэлдон?

- Я не сказал: "ее ребенок". Я сказал, что в ее доме находится ребенок.

- В самом деле? Я спрошу у нее, мистер Аптон. Если это как-то связано с письмами, миссис Вэлдон должна понимать это. Кстати, я посоветовал ей никому не говорить о письмах, никому без исключения. Как вам известно, джентльмены, она не упоминает о них даже в разговорах с вами. Так что это дело в моих руках.

- Очень хорошо. Вы и ведите его, - Аптон встал. Его вес составлял около половины веса Вулфа, но от усилия, которое ему пришлось затратить, чтобы этот вес поднять, он мог опрокинуться.

- Ваш метод ведения дела все испортил, - сказал Аптон. - Я ничего не должен миссис Вэлдон. Если она рассчитывает на мое одолжение, она может попросить меня сама.

Он направился к выходу, по дороге задел Лео Бингхэма, который отстранился от него. Так как гость есть гость, а также потому, что я сомневался: хватит ли у Аптона сил и энергии закрыть дверь, я проследовал за ним в холл и вывел на улицу. Когда я вернулся, говорил Юлиан Хафт:

- ... но прежде чем я это сделаю, я хочу переговорить с миссис Вэлдон. Я не согласен с мистером Аптоном и не скажу, что вы поступаете с нами дурно, но все это... довольно странно, - он повернулся к Крагу. - Я согласен с тобой, Вилли, с твоим мнением о людях, посылающих анонимные письма. Я предполагаю, ты сочтешь меня слишком предусмотрительным.

- Это твоя привилегия, - ответил Краг.

- К черту привилегии! - воскликнул Бингхэм и рассмеялся в лицо Хафту.

- О тебе я не сказал бы "слишком предусмотрительный". Я сказал бы прямо: ты рожден трусом, Юлиан.

Передо мной лежала копия счета по делу из картотеки под буквой "В" - Вэлдон. Вторая часть этого дела - работа над фамилиями, представленными Виллисом Крагом, Лео Бингхэмом, Юлианом Хафтом и Люси Вэлдон (от Мануэля Аптона мы не получили ни одного имени) - эта работа длилась двадцать шесть дней и стоила клиентке 8 тысяч 674 доллара 30 центов, не считая моего жалования.

В списке Люси было 47 фамилий, у Хафта - 81, у Бингхэма - 106 и у Крага - 55. Одна из дочерей Аптона, замужняя, была в списке у Хафта, Бингхэма, но ее не было у Крага. Замужняя дочь Хафта нашлась в списке Люси, но отсутствовала у остальных. Конечно, фамилии в списках дублировались, но всего имелось 148 различных имен, которые составили:

Разделы	Количество	Положение
A	57	Не замужем
B	52	Замужем, живут с мужьями
C	18	Разведены
D	11	Вдовы
E	10	Замужем, с мужьями не живут

Другая статистика из тех же разделов определяла женщин, у которых родились дети в интересующее нас время:

Разделы	Количество
A	1
B	2
C	0
D	1
E	0

Женщина из раздела "А", у которой родился ребенок, работала в конторе Крага, но все об этом знали, и ребенок был на законном основании отдан (или продан) в бюро по усыновлению. Саул две недели выяснял: не было ли тут обходных путей, приведших в вестибюль миссис Вэлдон.

Женщина из раздела "Д" (вдова) вероятно, представляла проблему для друзей и недругов, но не для нас. Ее муж умер за два года до рождения ребенка, но она принялась его воспитывать, не обращая ни на кого внимания. Я сам его видел.

Два ребенка из раздела "В" (замужем, живут с мужьями) оказались тремя - у одного был близнец. Все они жили с родителями. Фред видел близнецов, а Орри - третьего ребенка.

Кроме матерей, две девушки из раздела "А", две женщины из раздела "В", две из "С" и одна из "Д" в течение интересующего нас времени находились вне дома. Орри пришлось слетать во Францию, на Ривьеру, чтобы узнать об одной из них, а Фреду - в Аризону с расспросами о другой.

В качестве образчика "назойливого любопытства" работа была проделана на должном уровне. И когда в половине четвертого утром в среду 7 июля позвонил Саул и доложил, что последний небольшой пробел с усыновлением закрыт, он сам видел ребенка, и операция завершилась, мы оказались точно там, где были. 12 июня, двадцать шесть дней назад.

Впрочем, с небольшой разницей. Возникло два новых обстоятельства.

Первое, незначительное, состояло в том, что я не был последним, видевшим Эллен Тензер живой. В роковую пятницу она заходила в дом Джеймс Р. Несбит, своей бывшей клиентки еще по тем временам, когда Тензер работала няней. Миссис Несбит не говорила о визите в течение двух недель, потому что не хотела, чтобы ее фамилия появилась в сочетании со словом "убийство". Но, наконец, решила это сделать. Скорее всего, окружной прокурор обещал ей, что ее имя не появится в прессе, но журналисты заполучили его каким-то образом. Однако миссис Несбит ничем помочь не могла.

Эллен Тензер зашла и заявила, что ей нужен совет адвоката и попросила миссис Несбит рекомендовать кого-нибудь из адвокатов, на которого можно положиться. Миссис Несбит выполнила ее просьбу, позвонила адвокату и назначила встречу. Но Эллен Тензер к назначенному времени не пришла. Она не сказала миссис Несбит, почему нуждается в адвокате. Имя миссис Несбит на всякий случай было добавлено к списку Саула, но у нее не было детей по крайней мере в течение десяти лет, а у ее двадцатилетней дочери детей вообще не имелось.

Другое обстоятельство, более значительное, состояло в том, что нас едва не оставила миссис Вэлдон. Конечно, я держал с ней связь: если вы тратите в день более трех сотен из денег клиента и ничего из этого не получается, то самое меньшее, что вы можете сделать, это позвонить или зайти и сказать: "хэлло, какой прекрасный день". Один раз я наблюдал за тем, как она кормит ребенка, один раз завтракал с ней, два раза обедал, научил ее играть в пинокль и слушал ее игру на рояле общей сложностью в течение часов шести. Кроме того, мы несколько раз танцевали в столовой, на полу которой не было ковра.

С ней было бы очень приятно провести вечер во "Фламинго" или у Гилотти, но с этим следовало повременить, чтобы не афишировать наши отношения.

Когда в четверть пятого второго июля раздался телефонный звонок и я начал с обычного: "кабинет Ниро Вулфа..." она прервала меня:

- Ты можешь прийти. Арчи? Прямо сейчас?

- Конечно. Но что случилось?

- Ко мне приходил полицейский. Он только что ушел. Спрашивал меня, когда я наняла Ниро Вулфа и расспрашивал о ребенке. Ты приедешь?

- Что ты ему ответила?

- Я сказала, что он не имеет права вмешиваться в мои личные дела. Как ты и велел мне говорить.

- Правильно. Ты узнала его имя?

- Он назвался. Но мне было не до этого...

- Крамер?

- Крамер... Не похоже.

- Роуклиф?

- Нет.

- Стеббинс?

- Это похоже, Стеббинс. Да, кажется, так.

- Большой, солидный, с крупным носом и широким ртом. Усердно пытается быть вежливым?

- Да.

- О'кей. Мой любимый фараон. Не волнуйся. Поиграй на рояле. Я приеду через двадцать минут после того, как буду уверен, что нет слежки.

Я набрал номер по домашнему телефону - Вулф находился в оранжерее. Я сообщил ему о звонке миссис Вэлдон и спросил:

- Какие будут инструкции?

- Никаких. К черту.

- Понимаю, сэр. Привезти ее?

- Нет, если обстановка позволит.

Я отправился на кухню, велел Фрицу быть внимательным к телефону и входной двери, пока я не вернусь. Выйдя на улицу, я автоматически огляделся, хотя пока мне было совершенно безразлично, есть ли за мной хвост или нет. Но почти наверняка они наблюдают за домом Люси Вэлдон.

Мне не пришлось нажимать на кнопку звонка - дверь ее дома была открытой, а на пороге стояла сама Люси. Она не произнесла ни слова. Когда я переступил порог, она закрыла дверь и направилась к лестнице. По-видимому, она старалась забыть о стремительном развитии наших отношений, касающихся дел сердечных. Один марш по лестнице вверх, она вошла в большую комнату, закрыла дверь и сказала:

- Он спросил меня, знала ли я Эллен Тензер?

- Это естественно.

- Ты стоишь здесь и говоришь "естественно"... Если бы я не пошла к Ниро Вулфу... она не была бы убита. А теперь они знают о Вулфе, знают о ребенке... Я собираюсь рассказать им все. Поэтому я попросила тебя придти. Объясни: куда идти, кому рассказывать? Окружному прокурору? Ты пойдешь вместе со мной?

- Нет. Я могу позвонить?

- Вулфу? Зачем?

- Хочу сказать ему, что ты дала ему отставку.

- Я не говорила этого' - Вы напуганы, миссис Вэлдон. Мы с вами обсуждали несколько раз, что будет, если они до вас доберутся. Мы договорились о том, что будем упорствовать, пока возможно. Вы позволили нам решать, где предел этих возможностей. Вы хотели, чтобы я объяснил вам законы, касающиеся отказа от свидетельских показаний, и я сделал это. Что же касается увольнения Вулфа, можете назвать это как-то иначе, например, освобождением от полномочий. Это звучит лучше. Я позвоню ему снизу.

Я хотел уйти - она вцепилась в мою руку.

- Арчи!

- Послушайте, - сказал я, - я не разыгрываю здесь спектакль. Но будь я проклят, если собираюсь сидеть на корточках, снимать с вас туфли и греть ваши холодные ноги.

Ее руки обвились вокруг моей шеи, она прижалась ко мне. Пятнадцать минут спустя мы сидели на диване с бокалами мартини, и она говорила:

- То, что ты сказал о смешивании деловых и личных отношений, глупо.

Мы начали это месяц назад... я не пыталась с тобой флиртовать. Господи, как ты можешь выносить такую глупую женщину, как я.

- Не могу. Не мог.

- Что? - Она нахмурилась. - О, сверх меры благодарна. Когда ты заговорил о звонке Ниро Вулфу, я должна была думать: попросить ли тебя не звонить, и что вообще мне делать дальше? А я думала: это конец. Я всегда знала, что не очень умна.

Я отпил мартини.

- Поскольку мы вернулись к делам, давай все окончательно выясним. Может быть у меня создалось не правильное впечатление. Ты все еще хочешь, чтобы расследование продолжалось?

- Да.

- Ты абсолютно уверена в том, что не изменишь своих намерений?

- Вот. - Она протянула руку и я взял ее в свою. Точно также три недели назад начались наши отношения, когда я составлял список, выбирая четверых, которые должны были нам помочь. Когда рукопожатие длится дольше положенного хотя бы одну секунду, это уже многое означает. Если вы вместе в одно и то же время решили, что хватит - прекрасно. Но если она захочет прервать отношения раньше вас или наоборот, будьте настороже: вы друг другу не подходите. В первый раз у нас с Люси все происходило одновременно, как и сейчас.

- О'кей, - сказал я. - Мне нечего тебе сказать. Ты все знаешь не хуже меня. Твои обязанности могут быть отчасти трудными, но они не сложны. Ты просто ничего не говоришь и не отвечаешь ни на какие вопросы, кто бы их не задавал. Так?

- Да.

- Если тебя пригласят к окружному прокурору, отклони это приглашение.

Если сюда придет Стеббинс или еще кто-то, можешь принять его или нет, как хочешь, но ничего не рассказывай и не пытайся вытянуть из них даже намек. Что же до того, как они узнали, что ты наняла Ниро Вулфа и о ребенке, то это не имеет значения. Я предполагаю, что их мог информировать Мануэль Аптон, но я не дам и гроша, чтобы узнать подробности. Если это был Аптон, то несколько вопросов, на которые ты не станешь отвечать, будут вопросы об анонимных письмах. Они могут оказаться труднейшим пунктом для Вулфа и меня, но мы это предполагали. Четирем приглашенными он сказал, что они лежат в его сейфе. Если суд постановит предъявить их, а он скажет, что они никогда не существовали, нас могут обвинить в уничтожении улики, что намного хуже отказа от дачи свидетельских показаний. Если это произойдет, то будет весело, и я должен не забыть посмеяться.

- Арчи.

- Да.

- Всего шесть недель назад я была совсем одна. Наверху не было ребенка, я никогда не видела тебя и даже мечтать не могла, что будет так, как сейчас. И когда я говорю, что мне многое отвратительно, ты понимаешь меня, не так ли?

- Конечно понимаю, - я взглянул на часы, допил мартини, поставил бокал и поднялся. - Мне пора.

- Почему ты не останешься пообедать?

- Не могу. Половина шестого. В шесть или немного позднее наверняка зайдут Стеббинс или инспектор Крамер. Я должен быть на месте.

Она встала с дивана.

- И все, что я должна делать, это ничего не говорить, - она стояла выпрямившись, откинув назад голову. - А потом ты приедешь и расскажешь мне все. Деловые отношения.

Не знаю, в чем было дело; в ее ли словах или в том, как она их сказала, или в выражении ее глаз - как бы там ни было, но я улыбнулся, а потом рассмеялся, и она тоже засмеялась. Получасом раньше было невозможно предположить, что так скоро мы будем так хорошо смеяться вместе. Наш разговор имел хорошее завершение, и я повернулся и ушел.

Без двух минут шесть я отпер дверь нашего старинного особняка, прошел в кухню, сообщил Фрицу, что я вернулся и направился в кабинет. Люди привыкли задавать массу ненужных вопросов. Я, к примеру, спросил у Фрица, были ли телефонные звонки. Во-первых, он сказал бы мне о них сам, а во-вторых Крамер и Стеббинс почти никогда не звонили. Они просто приходили.

Как только я вошел в кабинет, с ужасным скрипом начал спускаться лифт. Вулф появился в кабинете. Обычно, прежде чем задать вопрос, он идет к своему письменному столу, но на этот раз он остановился рядом с ним, посмотрел на меня и грубо спросил:

- Ну?

- Все вполне нормально, - ответил я. - Что и следовало ожидать. Одно дело - ждать удара, другое - получить его. Она немного испугана. Ей была нужна уверенность в том, что вы еще в седле, и я дал ее. Перли спрашивал: знала ли она Эллен Тензер. Я полагаю, мы не меняем позиций.

- Да.

Он прошел к книжным полкам, взглянул на корешки книг, но ничто не привлекло его внимание. Он остановился около большого глобуса и начал медленно вращать его. Может быть, он искал то место, где могла скрываться мать брошенного ребенка, но вполне вероятно, Вулф выбирал место, где сможет остановиться, когда вынужден будет оставить этот город.

После обеда никто не пришел. Еще за столом, когда Вулф покончил с земляникой, я встал и сказал:

- Я не останусь пить кофе с вами. Если дело не срочное, полиция не приходит после обеда, а у меня что-то вроде делового свидания.

Вулф проворчал:

- Я смогу тебя найти?

- Конечно. По телефону миссис Вэлдон. Он есть на ее визитке.

- Ты сказал, что она напугана, но ты ее подбодрил. Она в самом деле в плохом состоянии?

- Нет, сэр. Она в порядке, но, возможно, она боится, что вы откажете ей в своих услугах. Она просила меня придти и доложить об итоге нашего с вами разговора.

- Болтун.

- Да. Но она не знает вас так хорошо, как я. А вы не знаете ее так, как я.

Я положил салфетку на стол и вышел.

Глава 11

Крамер пришел третьего июля, во вторник, утром. Я как раз говорил по телефону со своим приятелем об уикэнде. Когда задребезжал дверной звонок, я сказал в трубку:

- Ты знаешь, мне бы очень хотелось составить тебе компанию, но сейчас у нашего подъезда стоит полицейский инспектор, а может быть, сержант, который хочет войти. Возможно, я проведу ночь в тюрьме. Так что встретимся в суде.

Пока я вешал трубку, в дверь позвонили еще раз. Я вышел в холл, взглянул в односторонне прозрачное стекло и сообщил Вулфу, что это Крамер. Вулф лишь сжал тубы. Я распахнул дверь и сказал:

- Приветствую вас. Мистер Вулф немного раздражен. Он ожидал вас вчера.

Большая часть сказанного оказалась обращенной к его спине, поскольку Крамер сразу промаршировал вниз, в холл, а затем в кабинет. Он снял старую фетровую шляпу, которую носил и зимой и летом, в дождь и зной, сел в красное кожаное кресло и взглянул на Вулфа. Молча они провели пять секунд.

Это не было началом соревнования, кто кого пересмотрит, просто они готовились к сражению.

Крамер заговорил:

- Прошло двадцать три дня... - У него был хриплый голос - необычное явление. Ему, чтобы охрипнуть, необходима была десятиминутная беседа с Вулфом. Его круглое красное лицо казалось краснее, чем всегда, но причиной этого могла быть июльская жара.

- Двадцать пять, - поправил его Вулф. - Элли Тензер умерла в ночь на восьмое июня.

- Двадцать три с тех пор, как я был здесь. - Крамер откинулся к спинке кресла. - Что происходит? Вы в тупике?

- Да, сэр.

- Но вы - исчадь ада. Вы попали в тупик из-за чего-то или из-за кого-то?

- Я не мог бы на это ответить.

- Я знаю, что не могли бы. Но я все-таки слушаю.

Вулф покачал головой.

- Мистер Крамер, я нахожусь в своем расследовании точно там же, где был двадцать три дня назад. У меня нет для вас сведений.

- В это невозможно поверить. До сих пор я считал, что вы не способны топтаться на месте больше трех недель. Вы ведь уже знаете, кто убил Элли Тензер?

- На это я могу ответить. Нет.

- А я думаю, вы знаете. В настоящее время у вас есть еще клиент, кроме миссис Вэлдон?

- И на это я могу ответить. Нет.

- Но ведь совершенно очевидно, Вулф, что есть явная связь между убийством Тензер и тем, для чего вас наняла миссис Вэлдон. Мне нет нужды раскладывать все по полочкам: пуговицы, ребенок, которого нянчила Тензер, ребенок в доме миссис Вэлдон, поездка Гудвина в Махопак, встреча с Элли Тензер, ее неожиданный отъезд после их встречи... И вы можете отрицать, что существует прямая связь между их встречей и убийством?

- Нет. Я не утверждаю это. Я просто ничего не знаю, как и вы.

- Великолепно. - Голос Крамера стал более хриплым. - Я не знаю для чего вас наняла миссис Вэлдон, но я чертовски уверен, что вы беретесь поймать убийцу при условии, что это не она. Я не думаю, что это она.

Поскольку, будь это она, вы давно бы это выяснили. Я даже могу сказать, почему вам позарез необходимо знать убийцу.

- Пожалуйста, я приму это как гипотезу.

- Хорошо. Вы тратите деньги миссис Вэлдон, как воду. Пензер, Даркин и Орри Катер работают на вас вот уже три недели. Я не знаю, что они делают, но знаю, чего они не делают, они и Гудвин. Они абсолютно игнорируют Элли Тензер. Никто из них не был в Махопаке, никто не встречался со свидетельницей миссис Несбит, никто не копался в протоколах об Элли Тензер, никто из них не расспрашивал ее друзей и соседей, и никто не входил в контакт с моими людьми. Они не

проявили к убитой никакого интереса. Но вам ведь необходимо знать, кто ее убил. Исходя из всего вышесказанного, вы знаете убийцу.

Вулф усмехнулся.

- Поразительно правдоподобно, но лучше это прекратить. Даю вам слово: я не имею ни малейшего понятия о том, кто убил Эллен Тензер.

Крамер пристально посмотрел на него.

- Ваше слово?

- Да, сэр.

Это решало все. Крамер знал по опыту, если Вулф сказал "мое слово", следовательно, все в порядке и никакого подвоха нет.

- Тогда какого дьявола у вас заняты Пензер, Даркин и Кэтер? И Гудвин?

Вулф покачал головой.

- Они не нарушают границ вашей епархии. Они не занимаются убийством.

Так же, как мистер Гудвин и я.

Крамер взглянул на меня.

- Вас, Гудвин, выпустили под залог. Я кивнул.

- Кому, как не вам, знать об этом.

- Вы провели ночь в доме миссис Вэлдон. Прошлую ночь.

Я сделал удивленное лицо.

- В вашем утверждении два промаха. Во-первых, это не правда. Во-вторых, если бы это и было правдой, то какое она имеет отношение к убийству?

- В какое время вы оттуда ушли?

- Но я не ушел. Я до сих пор там.

Он поднял руку:

- Осторожнее, Гудвин. Вы же знаете, что я основываюсь на донесениях.

Человек, дежуривший от восьми до двух, говорит, что вы вошли в девять двадцать пять и не выходили. Другой, дежуривший с двух до восьми утра, тоже утверждает, что вы не выходили. Я бы хотел узнать, кто из них прозевал вас. В какое время вы ушли?

- Удивляюсь, зачем вы здесь, - сказал я. - Судя по методам, которыми вы пользуетесь, вы здесь не из-за убийства. Вы явились проверить ваших ребят. Прекрасно. Без четверти два мы с миссис Вэлдон оказались в весьма приподнятом настроении и вышли на тротуар - потанцевать летней ночью. В четверть третьего она вернулась, а я ушел. Следовательно, оба ваших парня прозевали меня.

- Вы паяц и лжец, Гудвин, - он потер нос, взглянул на Вулфа, вытащил сигару из кармана, осмотрел ее, покатав между ладонями, сунул в рот и прикусил зубами.

- Я мог бы заняться вашими лицензиями, позвонив в Олбани, - заявил он.

- Несомненно, - согласился Вулф.

- Вы чертовски упрямы. Но вы знаете, что я могу отобрать у вас лицензию. Вы знаете, что я могу арестовать вас. Вы знаете, что станете известны, как обвиняемые в убийстве, если будете продолжать вести себя неразумно. Но вы упрямы, как буйвол, а я не собираюсь тратить на вас свое жалование.

- Вот это разумное решение.

- Еще бы! Ведь вы запретили миссис Вэлдон давать показания.

- Это она сказала?

- Нет. Но вы ей запретили. Окружной прокурор вызвал ее - она не пришла. Мы ее арестуем.

- Не будет ли это слишком для человека с ее происхождением и положением?

- Если у нее есть здравый смысл и совесть ее чиста, она все нам расскажет. Окружной прокурор пока ничего не может узнать от ее адвоката и доктора, поскольку они находятся в привилегированном положении. Положение няни, кухарки и служанки иное, но им уже заткнули рот. Однако миссис Вэлдон не может быть матерью ребенка. Она не рожала в интересующее нас время.

- Я дал вам слово, - сказал Вулф.

- Это я слышал.

- Сейчас я даю вам слово, что не знаю о происхождении и воспитании ребенка, о том, кто его оставил в вестибюле. Я знаю не больше, чем вы.

- Я в это не верю.

- Чепуха. Если я даю слово, я ничем не обещаю это прекрасное старое выражение. Но...

Крамер почти зарычал:

- Тогда что же, ради бота, вы знаете? Зачем она наняла вас?

- Ребенок был завернут в одеяло, к которому была приколотая записка, напечатанная на детском гектографе. Поэтому...

- Что в ней говорилось?

- Дайте мне закончить. Записка привела ко мне миссис Вэлдон. В качестве следа записка не дает ничего. Если я...

- Где она?

- Я не могу допустить, чтобы дела моей клиентки получили широкую огласку. А это...

- Я хочу получить записку и немедленно!

- Вы прерывали меня четыре раза, мистер Крамер. Пределы моего терпения не бесконечны. Обстоятельства таковы, что я приберегу эту записку.

Скажу только, что она не помогла бы вам найти убийцу. Миссис Вэлдон наняла меня найти мать ребенка - это очевидно. Вот и все. Мои свидетельские показания закончены.

- Если вы оставляете записку у себя, зачем вы о ней рассказали?

- Для того, чтобы вы поняли, наконец, какие страдания испытывает миссис Вэлдон из-за этого ребенка. А если в вашей голове засела мысль получить записку по постановлению судьи, то вы зря беспокоитесь.

Крамер встал, шагнул вперед, бросил сигару в корзину для бумаг и, как всегда, не попал. Потом посмотрел на Вулфа и сказал:

- Я не верю в существование этой записки. Недаром вы не поклялись с помощью вашей прекрасной старой фразы. Я арестую миссис Вэлдон.

Вулф ударил кулаком по столу:

- И это после всего! Я потворствовал вам во всем возможном, а вы собираетесь мучить миссис Вэлдон!

- Вы чертовски правы, собираюсь.

Крамер шагнул по направлению двери, вспомнил о шляпе, вернулся за ней и промаршировал к выходу из кабинета. Когда я вернулся, проводив его, Вулф сказал:

- Ни одного упоминания об анонимных письмах. Стратегия?

- Вряд ли. При его настроении он открыл бы все карты, какие у него есть.

- Значит, это не Аптон донес. Но какая разница? К Вэлдон ведет дюжина линий.

- Она не знает ничего, о чем бы не знал он, если не считать записки.
- Может быть, посоветовать ей рассказать обо всем, кроме записки?
- Нет. Если она ответит на десять вопросов, они зададут их миллион. Я должен рассказать ей, что ее ждет. Я вернусь к тому времени, когда полиция явится с ордером. Я думаю, вам следует позвонить адвокату. Завтра четвертое июля, а договариваться о залоге в праздничный день... могут возникнуть проблемы.
- Черт побери! - воскликнул он, направляясь к двери. Я удивился - кого он имеет в виду? Крамера или клиентку?

Глава 12

Итак, мы пятеро (я включаю сюда и Вулфа) проделали работу высшего класса. 148 девушек и женщин находились под прицелом и все были вычеркнуты из списка. Второй этап охоты за матерью закончился. Саул, Фред и Орри освободились от работы.

Вулф сидел в кабинете и окидывал грозным взглядом все, что ему попадалось на глаза. Я спросил его о дальнейшей программе действий для меня, и он взглядом дал понять, что я ее не заслужил. Тогда я сообщил ему, что собираюсь на побережье искупаться и вернусь поздней ночью в воскресенье.

Он даже не спросил, где может найти меня, но перед уходом я положил на его письменный стол листок с телефоном, который принадлежал коттеджу на Длинном острове. Коттедж на лето сняла Люси Вэлдон.

Свирепые угрозы Крамера оказались не страшнее, чем укус окружного прокурора. Имя Вэлдон не появилось в газетах. Когда еще во вторник днем я-заехал на Одиннадцатую улицу предупредить ее о предстоящем посетителе, она немного испугалась и во время ленча почти ничего не ела. Но, когда около трех пришел сыщик из отдела по убийствам, у него даже не было ордера, а только письменное требование, подписанное самим окружным прокурором. Через "четыре часа она позвонила и сказала, что уже находится дома. Ею занимались по очереди старший капитан отдела и два помощника окружного прокурора, и один из них был довольно груб, но она не потеряла самообладания.

Трудности с людьми, которые что-то скрывают, разрешаются выбором одного из двух средств: можно просто сидеть и смотреть на них, а можно посадить под замок. Но она была Армстед, имела собственный дом, много друзей. Вероятность того, что она убила Эллиен Тензер или знала, кто это сделал, равнялась одному к десяти миллионам. Поэтому праздник четвертого июля она провела в коттедже на берегу моря с ребенком, няней, кухаркой и служанкой. Там было пять спален и шесть ванных комнат. В самом деле: что, если все комнаты окажутся заняты, и вдруг придет сыщик из бюро по убийствам и захочет принять ванну? Нужно быть готовым ко всему.

Обычно, когда я отдыхаю, то забываю наш кабинет, текущую работу и, особенно, Вулфа. Но на этот раз моей хозяйкой была Люси Вэлдон и, лежа на песке, пока она в доме кормила ребенка, я попытался заглянуть в будущее. Стопроцентный мрак. Часто бывает так, что с первого взгляда на дело кажется: не с чего начать. Но всегда находится крохотная площадка для разбега. В этот раз все было не так. Мы зашли в тупик. Я был готов остановиться на мысли, что Ричард Вэлдон не является отцом ребенка. А сама мать была просто необычной особой. Она читала его книги, видела автора по телевизору, и, когда у нее родился ребенок, воспитывать которого ей оказалось не с руки, она решила дать ему фамилию Вэлдон. Если дело закрутилось подобным образом, то поиски матери - это поиски иголки в стогу сена, и нужно было забыть ее и преследовать убийцу, чем в течение уже почти двух месяцев занималась полиция. По крайней мере, 99% мрака. Я громко произнес нечто нецензурное и услышал голос Люси:

- Арчи! Прежде чем подойти, мне следовало покашлять.

Я вскочил на ноги и мы побежали к прибою.

В одиннадцать утра в понедельник Вулф стремительно вошел в кабинет, поставил в воду орхидеи, сел и, не взглянув на почту, сказал:

- Твоя записная книжка.

Так начался третий этап поисков.

К ленчу мы обсудили последние детали программы и оставалось только выполнить ее, что являлось моей работой. Три дня у меня ушло на то, чтобы все привести в порядок, и еще четыре оставалось до того времени, когда клубок начнет разматываться, потому что воскресный выпуск "Газетт" выйдет именно в воскресенье.

Мои три дня прошли следующим образом.

ПОНЕДЕЛЬНИК. День. Новая поездка на побережье, чтобы ввести в курс дела Люси. Она стала возражать, и я остался обедать. Она не столько была против моего возвращения в город, сколько боялась гласности, и дело не сдвинулось бы с места, если бы я не продлил свое пребывание там и не смешал личные отношения с деловыми. Я уезжал, заручившись ее обещанием вернуться в среду днем и оставаться там сколько потребуется.

ВТОРНИК. Утро. Поездка к Злу Познеру, совладельцу "Посарт Камера" на 47-ой улице, чтобы уговорить его отправиться со мной и помочь купить коляску для ребенка. Потом обратно к нему с коляской. Я оставил ему несколько фотоаппаратов, объяснив, каким образом они должны использоваться, и он обещал все подготовить к среде.

ВТОРНИК. День. Поездка в контору Лона Коэна на двадцатом этаже Газет-билдинг. Если у Лона тут и была должность, то я ее не знал. Я бывал здесь, наверное, раз сто за несколько лет и, по крайней мере, семьдесят из них при моем появлении он звонил по одному из телефонов, стоящих на его письменном столе. Так было и в этот вторник. Я сел на стул у письменного стола и приготовился ждать.

Он повесил трубку, провел рукой по гладким черным волосам, повернулся и нацелил на меня взгляд живых черных глаз.

- Где ты так обгорел?

- Я не обгорел. У тебя нет чувства цвета, - я похлопал себя по щеке.

- Отличный летний загар. - Затем я сказал ему:

- Ты счастливый парень, Лон. Хотя бы потому, что я люблю тебя без всякой причины. Я пришел и привес тебе нечто исключительное, за что хорошо заплатила бы любая газета в городе.

- Ух, ты! Продолжай.

- Это тебе не дареный конь, которому все-таки следует заглянуть в зубы. Может быть, ты слышал имя Люси Вэлдон? Вдовы писателя Ричарда Вэлдона?

- Да.

- Получится сенсационный газетный материал, целая страница, в основном фотографии. Отличный крупный заголовок. Может быть: "Женщины любят детей". Ниже текст. Его немного. Им займется один из твоих мастеров слова. В тексте будет сообщено о том, что миссис Вэлдон, молодая прекрасная богатая вдова знаменитого человека, не имеющая собственных детей, взяла в свой роскошный дом младенца и окружила его любовью и заботой. Она наняла опытную няню, которая предана маленькому путешественнику... впрочем, нет, он еще не умеет ходить. Может быть, ангелочку или ягненочку.

Не мне это писать. Няня дважды в день вывозит его на прогулку в коляске, с десяти до одиннадцати утра и с четырех до пяти вечера, и везет его вокруг Вашингтонской площади, чтобы он мог наслаждаться красотой природы - деревьями, травкой и так далее, - я взмахнул рукой. -

Какая поэма! Если в вашей платежной ведомости значится поэт - прекрасно. Но есть некоторые детали, которые должны иметь место. Фотографии могут быть любыми - миссис Вэлдон кормит младенца или даже купает его, если ты имеешь право публиковать обнаженную натуру. Но одна фотография обязательна: няня с коляской на Вашингтонской площади. Я буду на этом настаивать. А также на том, чтобы все это было помещено в ближайшее воскресенье. Фотографии могут быть отсняты завтра днем. На досуге ты можешь меня отблагодарить.

Вопросы есть?

- Ты обладаешь наглостью и ослиным упрямством, - сказал он.

- Это не только вульгарно, - ответил я, - но и не относится к делу.

- Черта с два. Может, ты помнишь день, месяц назад, когда ты был здесь, спрашивал об Эллен Тензер, а я поинтересовался у тебя, нашел ли ты пуговицы.

- Сейчас, когда ты мне напомнил, да.

- Ты тогда увильнул. А сейчас слушай. Ты знаешь о пуговицах больше, но и я знаю немало. Знаю, что их сделала Эллен Тензер, что в ее доме жил ребенок, а после встречи с тобой она была убита. И после этого ты являешься со сказкой о Люси Вэлдон и ребенку и еще спрашиваешь, есть ли у меня вопросы. Они есть. Ребенок в доме Люси Вэлдон и ребенок в доме у Эллен Тензер - один и тот же?

Конечно, я знал, что так и будет.

- Только между нами.

- О'кей. Люси Вэлдон его мать?

- Нет.

- То, что Эллен Тензер была убита из-за этого младенца, - неплохое предположение. Этот малыш - горячий материал. Ты просишь сделать центром внимания не только дом, где он живет, но и те места, где он бывает дважды в день. Это может иметь последствия. "Газетт" поместит материал, а на следующий день младенца украдут, задавят, убьют или сделают бог весть что. Благодарю тебя за предложение.

- Я могу сказать тебе определенно: никакого риска нет. Ровным счетом.

- Поясни.

- Все, о чем мы здесь говорим, не для печати.

- Ладно.

- Мы пытаемся выяснить, кто мать ребенка. Женщина, родившая младенца шесть месяцев назад и бросившая его, независимо от того, почему она это сделала, захочет посмотреть, как он выглядит. Она увидит страницу в "Газетт", пойдет на Вашингтонскую площадь, узнает по фотографии няню и коляску и подойдет на него взглянуть.

- Тираж "Газетт" около двух миллионов. Если мы опубликуем эту историю, на следующий день возле коляски будет полно женщин. Так?

- Надеюсь, не толпа. Будет кое-кто еще. Няня - лучшая женщина-детектив. Возможно, ты слышал о ней - Салли Корбет.

- Да.

- Саул, Фред и Орри будут под рукой, в пределах площади. В коляске будут скрытые камеры, и няня снимет каждого, кто подойдет достаточно близко. Фотографии мы покажем миссис Вэлдон. Есть шанс, что она узнает мать. Фотографии будут показаны еще нескольким людям, имена которых тебе не обязательно знать. Конечно, все зависит от дюжины "если", но что же из этого? Если ты подходишь улицу на зеленый свет, то имеешь шанс вернуться домой. Если ты знаешь, что хорошо для твоей газеты, то ухватишься за это предложение. И если ты поместишь эту историю и фотографии, и они помогут, ты получишь фото матери и рассказ о том, как мы его добыли.

- Насколько все это надежно. Арчи?
- Насколько надежны туз, король, дама, валет и десятка?
- Ты будешь на Вашингтонской площади?
- Нет. Меня могут узнать. Как никак я - знаменитость. Мое фото было в "Газетт" три раза за последние четыре года.

Он наклонил голову и несколько секунд тер щеку кончиками пальцев. Затем сказал:

- Хорошо. Фотографии для воскресного номера должны быть у меня к восьми часам в четверг.

ВТОРНИК-День. Продолжение. Контора Дол Боннерс на 45-ой улице. Встреча с Салли Корбет. Дол и Салли были причиной того, что шесть лет назад я пересмотрел свое отношение к женщинам-детективам. Я был настроен против них. Так же, как Вулф против Джейн Остин, заставившей его признать, что женщина может написать хороший роман.

СРЕДА. Утро. Контора Посарт Камера Иксчейндж. Салли и я провели больше двух часов с двумя механиками, наблюдая, как они устанавливают и проверяют камеры. Они стоили бы клиентке шестнадцать сотен, но Эл Познер дал мне их на прокат на неделю. Салли объяснили, как с ними работать, но полностью подготовить к этому ее должны были позднее. Я пригласил ее позавтракать у Рустермана.

СРЕДА. День. В доме Вэлдон вместе с Салли. Люси вернулась с побережья и рассчитала няню, сообщив ей, что ребенка отдадут в другие руки, чтобы дать ей отдых.

То же самое сказали служанке и кухарке. Не знаю, как она объяснила появление новой шикарной коляски. Где-то около трех, когда пришли из "Газетт" журналистка и фотограф с помощником, Салли была в униформе няни, коляска готова, а Люси нуждалась в подкреплении спиртным.

ЧЕТВЕРГ. ПЯТНИЦА. СУББОТА. Первым делом в четверг утром поездка в "Газетт" посмотреть снимки. Выбранные ими фотографии Салли и коляски были превосходны. Люси на фото выглядела как женщина, пытающаяся улыбнуться, несмотря на зубную боль. Лон сказал, что другие снимки были еще хуже.

Салли возила ребенка на прогулку по Вашингтонской площади дважды в день все три дня. Любой человек, смотрящий на ребенка с расстояния в шесть ярдов или меньше, снимался на пленку.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Утро. В десять часов, когда Салли вступала на площадь, толкая впереди себя коляску, я правой рукой взялся за третий кусок пирога, а левой держал "Газетт", открытую на странице с крупным заголовком:

"Женщины любят детей". Это дело вкуса, но, по-моему, "Женщинам нравятся дети" было бы точнее.

Глава 13

Когда Лон Коэн предположил, что на площади будет толпа, он несколько преувеличил возможности и влияние "Газетт". Воскресный урожай состоял из двадцати шести снимков - семь утром и девятнадцать вечером.

Спустя двадцать четыре часа мы так и не знали, есть ли у нас фото матери или нет. Вот что нам стало известно: Люси, Юлиан Хафт, Лео Бингхэм и Виллис Краг не узнали ни одну женщину ни на одном из двадцати шести снимков. Правда, была одна фотография, относительно которой Люси не была твердо уверена. Но женщина на этом снимке находилась в списке и ее давно вычеркнул Саул.

Около пяти зазвонил телефон.

- Это Саул, Арчи. Я в телефонной будке на Университетской площади.

- Ну?

- Вроде, дело пошло. Во всяком случае, то, что мы предполагали, кажется, произошло. Около четырех часов на северной стороне площади остановилось такси, из него вышла женщина. Она перешла улицу и огляделась.

Такси поджидало ее. Она увидела коляску на полпути через площадь, направилась туда и подошла прямо к ней. Она не нагнулась, не положила руку на коляску, но заговорила с Салли. Секунд сорок она была там - смотрела на ребенка. Машина Орри стояла за углом, но так как женщину ждало такси, мы не успевали. Она быстро вернулась обратно, и такси отъехало.

- Возможно, что ты поймал птичку.

- Дать тебе номер такси?

- Конечно.

Я записал номер, минуту посидел, переводя дыхание и наслаждаясь успехом. Затем по домашнему телефону позвонил в оранжерею.

- Да?

- Поздравляю. Ваша теория о том, что женщина, родившая шесть месяцев назад младенца, наверняка захочет его увидеть, оправдалась. Два к одному: мать у нас на крючке. Даже три к одному.

- Пожалуйста, отчитайся.

- С удовольствием.

Я рассказал ему, как было дело.

- Итак, если это мать, она в наших руках. Выяснение, где она села в такси, ничего не даст. Но Саул ее опознает на фото. Поздравляю.

- Удовлетворительно, - сказал он и повесил трубку.

На этот раз мы имели пятьдесят четыре снимка и один из них был на вес золота. Я отнес их на 47-ую улицу, но Эл Познер не мог отпечатать их в тот же вечер: двое из его людей были выходными, один болел, так что Элу предстояло возиться с ними одному.

Когда мы обедали, позвонил Саул. Имя таксиста было Сидней Бергман. Он взял пассажирку на Мэдисон-Авеню между пятьдесят второй и пятьдесят восьмой улицами, отвез ее к площади и обратно на пятьдесят вторую. Он никогда не видел ее прежде и ничего о ней не знал. Я сказал Саулу, чтобы он подждал ее утром на площади, она могла появиться еще раз.

На следующий день без четверти двенадцать я вошел в наш кабинет с фотографиями. Я мог бы вернуться на полчаса раньше, но у меня ушло время на составление комплектов для Крага, Хафта и Бингхэма. Вулф сидел за письменным столом перед стаканом пива, а Саул в красном кожаном кресле перед бутылкой вина "Кортон Черлимэгно". Похоже, они говорили о литературе. На столе Вулфа лежали три книги, а одну, раскрытую, он держал в руках. Я сел и стал слушать. Да, литература. Я встал и пошел к выходу, но был остановлен голосом Вулфа:

- Что, Арчи? - Я остановился.

- Предпочитаю не мешать, - я подошел к Саулу и протянул ему фотографии.

- Она не появлялась сегодня утром, - сказал он. Он ловко тасовал фотографии, будто сидел за покерным столом. Ему достаточно было взгляда на каждое фото. Он не просмотрел и половины, выбрал одну фотографию, чтобы получше рассмотреть, кивнул и сказал:

- Вот она Это был хороший ясный снимок: три четверти лица, немного под углом, как и большинство снимков. Широкий лоб, классически расположенные глаза, довольно узкий нос, рот довольно широк, подбородок немного заострен.

Взгляд сосредоточен и направлен вправо.

- Наверно она привлекательна, - сказал я.

- Так и есть, - ответил Саул. - Походка легкая, держится прямо.

- Детали?

- Пять футов семь дюймов. Сто двадцать фунтов. Возраст немногим больше тридцати.

- Дай-ка конверт, - он протянул его мне. Я положил фото вместе с остальными в карман. -

Прошу прощения, что вынужден был прервать вас, джентльмены. У меня дело. Если понадобится, вы знаете телефон миссис Вэлдон.

Начиная с воскресенья мои отношения с Люси были несколько натянуты.

Впрочем, это сказано неточно. Ее отношения с окружающими оставляли желать лучшего, а я оказался под рукой. В воскресенье вечером звонил ее адвокат относительно материала в "Газетт", а в понедельник он пришел к ней. Он считал, что Люси поступает опрометчиво, и не одобрил этого. Ее лучшая подруга, Лина Гютри, отнеслась к происходящему еще более неодобрительно. Кроме того, Люси извелась от звонков друзей, не говоря о врагах. И, судя по ее настроению и замечаниям в понедельник, звонил и Лео Бингхэм.

Одним словом, атмосфера была напряженной, когда я приехал во вторник и Мэри Фолтц направила меня на второй этаж. В течение получаса я ждал, а когда Люси пришла, то всего лишь спросила:

- Что-нибудь новенькое, Арчи?

- Всего лишь фотографии. Вчерашние.

- О! Сколько?

- Пятьдесят четыре.

- У меня и так раскалывается голова. Мне надо ими заняться?

- Возможно, нет, - я вытащил конверт, порылся в фотографиях и протянул ей одну. - Посмотри эту. Она особенная.

Она безразлично посмотрела.

- Что же в ней особенного?

- Держу пари: три к одному, что эта женщина - мать. - Я сообщил Люси все обстоятельства появления женщины. - Ты ее знаешь?

Новый взгляд на фото.

- Нет.

- Не хочешь поднести ее к свету, чтобы убедиться?

- Мне не хочется... Ну, хорошо... - Она подошла к настольной лампе, включила ее, посмотрела на фото, нахмурилась. - Мне кажется, я где-то ее видела.

- Тогда забудь свою головную боль, все боли на свете и еще раз посмотри. Сядь рядом с лампой.

Она закрыла глаза, потерла лоб и села. Но не посмотрела еще раз на фото, а просто сидела и, нахмурившись, плотно сжав губы, смотрела в пространство. Вдруг она резко повернула ко мне голову и сказала:

- Конечно, Арчи. Это Кэрол Мардус.

Я рассмеялся.

- Знаешь, за эти шесть недель я видел тебя в самом разном настроении, от веселого до мрачного, но до этой минуты я не видел тебя истинной победительницей. И засмеялся тому, как ты выглядишь.

- Не вижу ничего смешного.

- Я вижу. И чувствую себя прекрасно. Ты уверена, что это именно Кэрол Мардус?

- Да, несомненно. Я должна была узнать сразу.

- Кто она и что она?

- Она помогала Дику начинать. Была рецензентом в "Дистафе" и уговорила Мэни Аптона взять рассказы Дика. Потом, позднее, он сделал ее редактором отдела детективов. Она и сейчас там работает.

- Ее не было в твоём списке.

- Да. Я просто не подумала о ней. Я ее видела два или три раза.

- Замужем?

- Нет. Насколько я знаю. Она была замужем за Виллисом Крагом, но развелась.

Я удивился.

- Это любопытно. Ее не было и в его списке. Давно они развелись?

- Точно не знаю, думаю, четыре или пять лет назад. Я встретила с ней после того, как вышла замуж за Дика, и с Виллисом тоже.

- Я должен задать тебе один вопрос. Если она мать, а сейчас за это десять к одному, насколько возможно или невозможно, какова вероятность, что Дик был отцом?

- Не знаю. Я рассказывала тебе о Дике, Арчи. Знаю, что он был с ней близок несколько лет назад... нет, скорее я этого не знаю, но кто-то мне об этом говорил. Если она мать... Я хочу с ней встретиться, хочу спросить...

- Не сейчас. - Я было протянул к ней руку, но передумал. Не стоит смешивать личные отношения с деловыми, если нет острой необходимости. - А что, если я прикажу кое-что тебе? Я всегда советовал, но никогда не приказывал. Сейчас я это делаю. Ты не должна упоминать о Кэрол Мардус ни в каком разговоре, пока я не разрешу. И ты не позвонишь и не встретишься с ней. Так?

Она улыбнулась:

- Никто не приказывал мне с тех пор, как умер отец.

- Теперь настало время.

- Ладно, - она протянула мне руку и я взял ее. Атмосфера потеплела, но нужно было работать.

- Мне нужно позвонить по делу.

Телефон находился в другом конце комнаты. Я не удивился, если бы ответил Фриц - Вулф был так занят литературой - но трубку взял Саул. Я сказал, что если это сделает Вулф, то сэкономит время, и услышал его голос:

- Да.

- Я в доме миссис Вэлдон. Она знает женщину с фотографии, но не очень хорошо. Это Кэрол Мардус, - я изложил информацию и закончил:

- Отправляюсь выяснять, что она делала в январе.

- Нет, - сказал Вулф. - Пойдет Саул.

- Подождите, - я повернулся к Люси. - Ты сказала, что видела ее несколько раз. Ты видела ее зимой?

Она покачала головой:

- Я как раз об этом думаю. Я не видела ее после смерти Дика.

Я сказал в трубку:

- Миссис Вэлдон не видела ее с сентября. Пусть Саул не приближается к ней слишком близко. Может быть, она всех душил на своем пути, по которому идет легко и плавно. Мануэль Аптон -

хозяин "Дистафа". Пять недель назад он сказал, что если миссис Вэлдон хочет от него одолжения, она должна его попросить сама. Она теперь может позвонить и спросить, где была Кэрол Мардус зимой. Это может все упростить, но может и запутать.' - Именно запутать. Саул будет действовать как обычно. Скажи миссис Вэлдон никому не говорить о Кэрол Мардус.

- Уже сказал.

- Скажи еще раз. Останься с ней. Отвлеки ее. Не упускай ее из виду.

Я опустил трубку и повернулся к Люси.

- Саул проверит Кэрол Мардус. Моя работа - это ты. Я должен держать тебя под постоянным наблюдением. Мистер Вулф тебя понимает. Он помнит, что ты хотела найти мать и можешь поступить с ней неблагоразумно. Если ты куда-нибудь отправишься, мне придется тебя сопровождать.

Она попыталась улыбнуться.

- Я убита. Арчи. Кэрол Мардус!

- Это еще не точно, только десять к одному, - сказал я.

Глава 14

Все стало известно точно двумя днями позже в двадцать минут одиннадцатого вечера, когда, из Флориды в последний раз позвонил Саул.

Конечно, все усложняла Эллен Тензер. Если бы не было ничего, кроме охоты за матерью, я мог бы просто пойти к Кэрол Мардус, показать ей фото и спросить, где она провела прошлую зиму. Если бы она стала изворачиваться, я сказал бы ей, что нет ничего проще, чем выяснить: была ли она беременна и родила ли ребенка, и что она могла бы помочь мне сэкономить время и уменьшить хлопоты. Но почти наверняка, если она была матерью или убила Эллен Тензер, или знала, а может, подозревала, кто это сделал, все сразу оказывалось совсем не просто.

Я пренебрег инструкцией Вулфа не спускать с Люси глаз. Я взял на себя полномочия Саула на Вашингтонской площади. Когда я вернулся к нам после того, как отвез Элу Познеру дневной урожай снимков, выяснилось, что кое-что произошло. Звонили Виллис Краг, Юлиан Хафт и Лео Бингхэм. Они сообщили, что не узнали ни одну из женщин на пятидесяти четырех фотографиях. Это было поразительно в отношении Крага, так как на одной из них он был женат. Два раза звонил Саул. Первый раз до четырех часов, чтобы застать Вулфа перед уходом в оранжерею. Он доложил, что Кэрол Мардус отсутствовала на работе в "Дистафе" приблизительно в течение шести месяцев, с праздника труда до последних чисел февраля. Второй раз он позвонил вскоре после шести и сообщил, что она также отсутствовала и дома, в квартире на 33й Восточной улице и квартира не была сдана. Это увеличивало шансы до пятидесяти к одному. Вулф наслаждался обедом, чего не было все эти недели, и я тоже.

Около одиннадцати в дверь позвонили. Это был Саул. Он прошел за мной в кабинет, сел в красное кресло и сказал:

- Я очень рад, что мой отец не узнает только что сделанного мной. Я поклялся, держа руку на Новом Завете.

- Это было неизбежно? - усмехнулся Вулф.

- Да. Сообщивший мне сведения был запуган. Он взял пятьдесят долларов, а мне пришлось поклясться на Библии, что я никогда не расскажу то, что он расскажет мне. Так что моя цена за мой рассказ может обойтись вам в шестьдесят долларов. Во всяком случае, я получил адрес. - Он достал записную книжку щелкнул пальцем по раскрытой странице. - Пансионат Артур П.

Джордан, 1424, Сансет Драйв, Лидо Шорс, Сарасота, Флорида. Вещи, посланные туда Кэрол Мардус прошлой осенью, были получены адресатом.

- Удовлетворительно, - сказал Вулф.

- В три двадцать пять есть самолет из Идлуайдда в Тампу.

- Допустим, - Вулф покривился, так как не терпел самолеты. Я предложил взять "Герон" и довести Саула до аэропорта, но Вулф запретил. Я должен быть к десяти часам на Вашингтонской площади, а он знает, как я зеваю, когда не высплюсь.

Саул звонил из Флориды четыре раза. В среду днем доложил, что Сансет Драйв является частной резиденцией мистера и миссис Артур П. Джордан и Кэрол Мардус была их гостьей прошлой осенью и зимой. Поздно вечером в среду он сообщил, что Кэрол Мардус была явно беременна в ноябре и декабре. В четверг в полдень он докладывал, что Мардус была отправлена шестнадцатого января в Сарасотский госпиталь и ее приняли там под именем Клары Уолдрон, и в ту же ночь она родила мальчика. В четверг вечером он сообщил, что находится в Тамперском международном аэропорту, что Клара Уолдрон пятого февраля с ребенком вылетела самолетом в Нью-Йорк, и что он собирается сделать то же самое.

Вулф и я повесили трубки.

Охота за матерью была закончена. Минуту сорок пять дней, как она началась.

Вулф взглянул на меня.

- Сколько мы истратили денег клиентки?

- Около четырнадцати тысяч.

- Н-да. Скажи Фреду и Орри, что в них больше нет нужды. И мисс Корбет. Сообщи миссис Вэлдон, что она может возвращаться на побережье. Верни камеры.

- Да, сэр.

- К черту! Все могло быть так просто. Но из-за Эллен Тензер...

- О мертвых - только хорошее.

- У тебя есть предложения?

- Дюжина. Вот уж два дня я предполагал, что мы с этим столкнемся, так и получилось. Мы можем взяться за Кэрол Мардус, не упоминая об убийстве.

Просто спросить, что она сделала с ребенком и посмотреть на ее реакцию.

Есть шанс, правда чертовски слабый, но шанс, что она просто избавилась от ребенка, а это нетрудно, и не знала, что с ним случилось потом. А фотографии в "Газетт" возбудили ее любопытство. Или подозрение. Второе предложение. Мы могли бы попытаться выполнить оставшиеся обязательства перед клиенткой: показать степень вероятности того, что Ричард Вэлдон был отцом. Прежде, чем приниматься за Кэрол Мардус, можно проделать обычное расследование о ней и о Вэлдоне весной прошлого года.

Он покачал головой:

- Это займет время и потребует еще кучи денег. Ты встретишься с Кэрол Мардус.

- Нет, сэр, - Я был настроен решительно. - Встретитесь вы. Я уже встречался с Эллен Тензер. Теперь ваш черед. А я займусь домашней работой. Назначить на утро?

Он грозно посмотрел на меня. Иметь дело еще с одной женщиной... Когда все было решено, у меня появилось одно предложение: не торопиться говорить клиентке, что охота за матерью совершенно закончена. Было бы лучше подождать, пока мы не поговорим с самой матерью.

Прежде, чем идти спать, я позвонил Фреду, Орри и Салли Корбет и сказал им, что операция закончена, Вулф удовлетворен, о себе я не упомянул.

Кроме того, я собирался позвонить Кэрол Мардус домой и пригласить ее зайти завтра утром, но решил дать ей ночь на размышление.

Но в пятницу утром я узнал, что она спокойно не спала. Я собрался позвонить ей в контору около десяти, но, без десяти девять, когда я находился на кухне и расправлялся с беконом и оладьями с медом, зазвонил телефон. Я взял трубку и услышал женский голос, желающий поговорить с мистером Вулфом. Я сказал, что до одиннадцати это невозможно и что я являюсь его личным секретарем и, возможно, мог бы помочь. Она спросила:

- Вы мистер Гудвин?

- Правильно.

- Может быть, вы слышали мое имя. Кэрол Мардус.

- Да, мисс Мардус... я слышал.

- Я звоню, чтобы спросить... Я знаю, что обо мне наводятся справки.

Здесь, в Нью-Йорке, а также во Флориде. Вы об этом что-нибудь знаете?

- Да. Это делается по указанию мистера Вулфа.

- Но почему... - пауза. - Почему?

- Откуда вы говорите, мисс Мардус?

- Я в телефонной кабинке по пути в мою контору.

- Я предпочел бы не обсуждать это по телефону. Думаю, что и вы того же мнения. Вам пришлось перенести столько хлопот и истратить немало денег, и все для того, чтобы сохранить тайну ребенка.

- Какого ребенка?

- Оставьте. Теперь для этого слишком поздно. Если вы настаиваете, то мистер Вулф будет свободен в одиннадцать.

Длинная пауза.

- Я смогу прийти в полдень.

- Прекрасно. Я с нетерпением жду вас. Повесив трубку, я вернулся к оладьям. Покончив со второй чашкой кофе, я прошел в кабинет и занялся уборкой, а затем по внутреннему телефону позвонил в оранжерею. Если бы я не позвонил Вулфу, то спустившись вниз, он ожидал бы увидеть ее в красном кожаном кресле, так как просил меня назначить встречу с ней на одиннадцать часов. Я считал, что он должен был оценить этот лишний час досуга перед тем, как ему придется работать. Он оценил, сказав "очень хорошо", когда я ему сообщил, что она сэкономила его десять центов, позвонив сама, и что она придет в полдень.

Я тоже мог использовать этот лишний час. Сказав Фрицу, что я ухожу по делу, я отправился на одиннадцатую улицу сообщить Люси, что забавы на Вашингтонской площади временно прекращаются и я позднее сообщу ей все подробности, снял камеры с детской коляски, отвез их Элу Познеру и попросил его прислать счет.

Когда в десять минут первого раздался звонок, я подошел к двери и, наконец, увидел мать мальчика воочию, то первой моей мыслью было, что если Ричард Вэлдон, имея Люси, забавлялся с этой женщиной, то он был глупцом. Будь она на лет двадцать старше, то лишь "с небольшой натяжкой ее можно было бы назвать ведьмой. Однако, проводив ее в кабинет и усадив в красное кожаное кресло, я расположился за своим письменным столом и смог рассмотреть ее более внимательно. Когда она повернулась в сторону Вулфа, лицо ее было совсем иным. Слащавость, приятность, хотя "приятность", возможно, не самое точное слово. Она просто не стала утруждать себя для парня, открывающего дверь. Когда она поведала, что счастлива оказаться в его доме и встретиться с ним, голос ее был сахарным. Казалось, что голос и глаза не обманывают, а вполне естественны. Вулф, пристально ее разглядывая, откинулся назад.

- Я готов вернуть вам этот комплимент. Мне доставляет истинное удовольствие вас видеть. Ведь я разыскивал вас шесть недель.

- Разыскивали меня? Мое имя есть в телефонной книге.

Вулф кивнул.

- Но я не знал вашего имени. Я лишь знал, что вы родили ребенка и избавились от него. Мне понадобилось...

- Вы не знали, вы не могли знать...

- Сейчас я знаю. Когда вы были беременны, вы гостили в доме миссис Артур П. Джордан... - Вулф рассказал ей о родах и спросил:

- Что вы с ним сделали потом?

Только мгновение понадобилось ей, чтобы обрести голос, это был тот же самый голос, почти тот же самый.

- Я пришла сюда не отвечать на вопросы. Я здесь, чтобы задать несколько вопросов. Ваш человек наводит обо мне справки. Зачем?

Вулф поджал губы.

- У нас нет причин отрицать это, - уступил он. - Арчи, фото.

Я вытащил из ящика один из снимков, подошел и протянул ей. Она взглянула на фото, на меня, снова на фото и обратилась к Вулфу:

- Я никогда прежде не видела эту фотографию. Где вы ее достали?

- К детской коляске на Вашингтонской площади были прикреплены фотоаппараты.

Это ее расстроило. Ее рот приоткрылся и оставался таким некоторое время. Она снова взглянула на фото, разорвала его пополам, потом еще раз и положила обрывки рядом с собой.

- У нас есть еще, - сказал Вулф. - Если хотите, можем подарить на память. Камера сняла около сотни людей, но ваше фото вызвало особый интерес.

- Боже... - вырвалось у нее, - так вот почему Люси это сделала. Вы ее заставили.

- Вы знаете Лео Бингхэма?

- Вам это известно. Вы ведь шпионили за мной.

- А Юлиана Хафта?

- Да.

- И, конечно же, Виллиса Крага, так как вы были женаты. Кто-нибудь из этих троих является отцом ребенка?

- Нет.

- Ричард Вэлдон был его отцом?

Молчание.

- Вы ответите мне, мадам?

- Нет - Вы не станете отвечать или он не отец ребенка?

- Я не буду отвечать.

- Советую вам обратное. Известно, что вы раньше были близки. Легко установить: возобновили ли вы связь весной прошлого года.

Молчание.

- Когда пятого февраля вы прибыли в Нью-Йорк с ребенком, что вы с ним сделали?

Ответа нет.

- Через некоторое время вы оставили его в доме Люси Вэлдон на Одиннадцатой улице? Где вы были в пятницу вечером восьмого июля?

Она встала и направилась к дверям. Должен признать, она шла прямо и плавно. Мне пришлось поспешить, чтобы успеть открыть ей входную дверь. Я вернулся.

- Брррр, - произнес Вулф.

- Последний вопрос, - предложил я.

- О чем?

- Вряд ли она не знает об Эллен Тензер. Если ух мы начали с ней работать, следовало бы иметь поблизости Саула.

- Она простовата.

- Сомнительно.

- Тогда мог ли даже Саул проследить за ней?

- Возможно, и нет. Зачем вы спросили ее о восьмом июля?

- Она явилась выяснить, как много мы знаем. Нужно было дать ей понять, что наш интерес не ограничивается ребенком и ее беременностью, что мы интересуемся, пусть косвенно, смертью Эллен Тензер.

- О'кей. Что дальше?

- Понятия не имею, - он мрачно посмотрел на меня. - Я буду думать. Возможно, захочу увидеть Бингхэма, Хафта и Крага и спросить, почему они не опознали женщину на фотографии. Впрочем, это может быть пока неуместно.

Ладно. Я подумаю. Не начнет ли она вести переговоры с миссис Вэлдон?

Что, если она уже сейчас к ней направляется?

- Не думаю. Ставлю столько, сколько захотите.

- Миссис Вэлдон не в опасности? А ребенок?

Я несколько секунд думал и покачал головой:

- Я так не считаю.

- А я бы этого не утверждал. Вели ей возвращаться на побережье. Проводи ее. Возвращайся сегодня вечером. Если ты здесь останешься, то изведешь меня и мы будем пререкаться по пустякам. Завтра мы начнем что-то делать. Пока я не знаю, что.

Я возразил:

- Миссис Вэлдон поедет в своей машине. У меня, после того, как я ей все расскажу, останется еще день и целый вечер на то, чтобы узнать, что делала Кэрол Мардус двадцатого мая.

- Нет! - он хлопнул ладонью по столу. - Так поступил бы только осел.

Должно быть, ты считаешь, что я ничего не соображаю, что я выжил из ума?

Я встал.

- Я мог бы кое-что на это ответить, но лучше не задавайте подобных вопросов, если не хотите получить соответствующий ответ. Попросите Фрица оставить мне порцию омара к вечеру, когда я вернусь домой, так как еда на побережье способствует образованию прыщей.

Я вышел из кабинета, поднялся наверх и сменил рубашку.

Вот таким образом оказалось, что спустя пять часов я лежал, растянувшись, на песке на берегу Атлантического океана. Протянув руку, я коснулся бы пальцев Люси, реакция которой на мой рассказ была совершенно обычной для любой женщины. Она хотела знать каждое слово, произнесенное Кэрол Мардус, как она выглядела и, как была одета. Естественно, она хотела также

знать, что мы собираемся предпринять. Я ответил, что если бы знал, то был бы не здесь с ней, а где-нибудь в другом месте и занимался бы работой.

- Трудность в том, - сказал я, - что мистер Вулф - гений. Гений не станет затруднять себя такой простой работой, как слежка. Он подготовит фокус.

Вернувшись в старинное каменное здание немногим позже полуночи, я ожидал найти на моем письменном столе записку с просьбой подняться в восемь пятнадцать в комнату Вулфа. Но записки не было. Должно быть, его воображение и разум ничего не произвели на свет.

А вот на кухне меня ждали. На столе рядом с блюдцем с натертым сыром пармезан стояла тарелка с омаром по-кардинальски. Я выпил молоко и, готовя кофе, подумал, что утром, когда Фриц вернется с подносом из спальни Вулфа, я получу приказ подняться за инструкциями. Сейчас, когда мы спугнули мать, охота должна начаться с еще большим азартом.

Однако, утром ничего не произошло. Когда я пил вторую чашку кофе, благополучно разделавшись с яйцами пашот и жареными лепешками, зазвонил телефон.

Звонил Саул. Он спросил, слушал ли я новости в восемь тридцать, на что я ответил "нет". Я, мол, размышлял.

- В таком случае у меня для тебя плохие новости. Примерно три часа назад фараон нашел труп в проходе между домами на Перри-стрит. Тело было опознано. Это Кэрл Мардус. Ее задушили.

Я пытался произнести какие-то слова, но не смог. У меня как будто что-то застряло в горле. Я прокашлялся.

- Что-нибудь еще?

- Нет. Это все.

- Большое спасибо. Я не должен просить тебя держать язык за зубами.

- Конечно.

- Будь где-нибудь поблизости. - Я повесил трубку и взглянул на часы: восемь пятьдесят три. Я прошел через холл, поднялся по лестнице и, увидев, что дверь оставлена открытой, вошел в комнату. Вулф уже покончил с завтраком и стоял, собираясь выйти. В руке у него была куртка.

- Ну? - требовательно сказал он. Я передал ему слово в слово сообщение, переданное Саулом по телефону.

- Быть не может! - прорычал он.

- Может.

Вот тогда-то Вулф и швырнул в меня курткой. Она пролетела совсем близко, но я был настолько ошеломлен, что не поймал ее. Я просто глазам своим не поверил, что он способен на такой поступок. Пока я с обалделым видом стоял и глядел на него, Вулф начал действовать. Он подошел к домашнему телефону, поднял трубку и голосом, полным негодования, сказал:

- Доброе утро, Теодор. Сегодня меня не будет. - Он положил трубку и принялся шагать взад и вперед по комнате. Такое поведение было ему не свойственно. Продолав около полудюжины разворотов, он взял куртку, надел ее и направился к двери:

- Куда это вы направляетесь? - спросил я.

- В оранжерею, - ответил он на ходу. Вскоре послышался шум лифта.

Вулф был явно не в себе.

Глава 15

В одиннадцать часов Вулф, следуя своему расписанию, спустился вниз и нашел записку, в которой сообщалось:

"8:22. Я позвонил миссис Вэлдон и сказал, что приеду. Сейчас я отправляюсь на побережье. Если она услышит новости по радио, это может поразить ее так же, как и вас, и она может сделать что-нибудь неблагоприятное. Я полагаю, мы будем продолжать. Я так ей и скажу. Вернусь к ленчу. Номер телефона коттеджа на карточке. А.Г."

В тот момент, когда он читал записку, мы с Люси находились в "Героне"

- остановились под деревом недалеко от дороги. В дополнение к служанке, кухарке и няне в коттедже было еще двое гостей, приехавших на уикэнд.

Обстановка не для конфиденциальной беседы, и я посадил Люси в машину и увез. Сейчас мое внимание полностью принадлежало Люси. Она в нем нуждалась.

- Да, - сказал я, - это тяжело. Чертовски.

- Ты знаешь подробности. Арчи?

- Нет. Только то, что мне сказал Саул и что я услышал по радио по пути сюда. Миллион к одному, что она была убита из-за нашего расследования. Ты можешь отказаться от него, из-за риска. Но если ты не откажешься, и такое решение приемлемо.

- Я не откажусь.

- Ты решила?

- Я хочу, чтобы Вулф его нашел. Убеди его. Этот человек - убийца. Он убил обеих, ведь так?

- Да.

- Я хочу, чтобы Ниро Вулф нашел его.

- Полицейские найдут его рано или поздно.

- Я хочу, чтобы его нашел Ниро Вулф.

Никогда ничего не знаешь заранее. Я думал, мне придется уговаривать ее не прекращать расследование. Но, может быть, это вопрос количества: она чувствовала причастность к одному убийству, а два - совсем иное дело. Во всяком случае, моя задача становилась совершенно противоположной.

- Мистер Вулф наверняка захочет его поймать, - сказал я. - Впрочем, так же, как и я. Но ты должна понимать, что ситуация изменилась. Об Эллиен Тензер мы могли заявить, что между ее смертью и нашим расследованием нет никакой связи. Но в случае с Кэррол Мардус это неосуществимо. Если мы не рассказываем, что мы о ней знаем, а в это "мы" я включаю и тебя, то мы определенно отказываемся дать важные свидетельские показания по делу об убийстве. Если полицейские докопаются до всего сами и получают убийцу раньше нас, мы погибли. Вулф и я не только лишимся лицензии, нам еще предъявят обвинение в уголовном преступлении. Могут в нем обвинить и тебя. Все должно быть абсолютно ясно, прежде чем ты примешь решение.

- Выходит... ты можешь попасть в тюрьму?

- Вероятно.

- Хорошо.

- Что хорошо?

- Я отказываюсь от расследования!

- Черт возьми, Люси, ты запуталась, или я тебя запутал. Конечно же, мы не хотим, чтобы ты отказалась. Я просто хотел объяснить тебе, что может случиться, если дело примет плохой оборот.

- Но ты попадешь в тюрьму.

- Значит, таков мой конец. Но это уж мое дело. Я детектив. Оставь это для нас. Сейчас я приказываю тебе забыть мистера Вулфа и меня и думать только о себе. Итак?

Она взяла меня за руку. Ее пальцы оказались сильнее, чем можно было ожидать.

- Скажи мне честно. Арчи. Ты хочешь, чтобы я не отказывалась?

- Да.

- Значит, так и будет. Поцелуй меня.

- Это звучит как приказ.

- Так и есть Через двадцать минут я повернул "Герон" на дорогу, и вскоре мы остановились у дверей коттеджа. Никого не было видно. Все ушли к морю. Когда Люси вышла из машины, я сказал:

- У меня идея. Может быть, я буду проходить мимо твоего дома и захочу зайти. Могу ли я получить ключ?

Девятьсот девяносто девять женщин на ее месте обязательно сказали бы:

"Конечно. Но зачем?". Она сказала лишь "конечно", захлопнула дверцу машины и ушла. Через пару минут она вернулась, протянула мне ключ и сказала:

- Тебе никто не звонил, - и с трудом попыталась улыбнуться.

Меня совсем не радовала перспектива ленча с Вулфом. Поэтому я остановился у кафе по дороге и съел утенка под соусом, от которого Фрицу стало бы дурно.

У нас в кабинете в красном кожаном кресле сидел Лео Бингхэм, а в одном из желтых - Юлиан Хафт. Их головы повернулись в мою сторону, их лица были невеселы. Я направился в кухню и за моим столом увидел Вулфа. Он пил кофе. Фриц сказал:

- Арчи, утенок теплый. Соус из фламандских маслин.

Я чуть было не поперхнулся и соврал:

- Перекусил на побережье, - и сказал Вулфу:

- Миссис Вэлдон хочет, чтобы вы поймали убийцу. Я объяснил ей, если она откажется от расследования, фараоны его все равно схватят. Но она сказала, цитирую: "Я хочу, чтобы его схватил Ниро Вулф".

Он проворчал:

- Ты прекрасно знаешь, что такая фраза может все сглазить."

- Вы знаете, что у вас гости?

- Да. Мистер Бингхэм пришел полчаса назад. Я завтракал и передал через Фрица, что не буду с ним разговаривать, пока он не заставит придти Хафта и Крага. И он стал звонить по телефону. - Он положил сыр "бри" на печенье. - Что ты так долго? С ней было трудно?

- Нет. Я просто не рисковал с вами завтракать, думал, вы можете запустить в меня тарелкой. Краг придет?

- Не знаю.

Раздался звонок в дверь. Я было пошел к выходу, но Вулф запретил:

- Нет. Пойдет Фриц. Хочешь сыра? Кофе? Возьми чашку.

Когда вернулся Фриц и сказал, что направил мистера Крага в контору, я сделал такой большой глоток кофе, что обжег язык.

Когда мы вошли в кабинет, Лео Бингхэм вскочил и вскричал:

- Что вы вообразили о себе?!

Вулф молча обошел его.

- Садитесь, мистер Бингхэм.

- Мой бог, если вы...

- Садитесь! - выкрикнул Вулф.

- Я хочу...

- Садитесь! Бингхэм сел.

- В моем доме кричу только я, - сказал Вулф. - Вы не приглашены, но пришли со мной встретиться. Что вы хотите?

- Я был приглашен, - заявил Юлиан Хафт. - Что хотите вы?

- Присутствие вас троих сэкономит время, - сказал Вулф, - потому что я хочу каждому из вас задать один и тот же вопрос. И несомненно, что каждый из вас хочет, задать мне один и тот же вопрос: почему фото Кэрол Мардус было среди тех, что мы послали вам во вторник? Мой вопрос: почему никто из вас не опознал ее?

Бингхэм пробормотал:

- Вы и им послали?

- Да.

- Откуда оно у вас?

- Я расскажу, но с преамбулой. Во-первых, мисс Вэлдон не получала никаких анонимных писем. Это было моей чистой выдумкой.

Бингхэм и Краг возмутились. Хафт протирал круглые темные очки. Вулф проигнорировал возмущение, напомнил им о подкидыше и о том, что имени Кэрол Мардус не было в их списках.

- Она мертва, - пробормотал Бингхэм.

Вулф коротко поведал им, как была получена фотография Кэрол Мардус, рассказал о ее визите к нам и закончил:

- А сейчас она мертва.

Никто не заговорил. Бингхэм откинулся назад, его локти лежали на подлокотниках, губы плотно сжаты, глаза устремлены на Вулфа. Глаза Крага были закрыты. В профиль его длинное костлявое лицо казалось еще длиннее.

Рот Хафта был приоткрыт, глаза сузились, он часто моргал. Со стороны я мог видеть, как за стеклами очков хлопают его ресницы.

- Вы сказали, что она не ответила на ваши вопросы, - начал Хафт. - Значит, она не подтвердила, что была матерью ребенка?

- Словами - нет. Молча - да. Несомненно, что она была матерью и она была страшно обеспокоена тем, что я это знаю и могу доказать. Это все.

Но некий "икс" был так глубоко впутан в эту историю, что она рассказала ему о разговоре со мной. И этот "икс", опасаясь, что она может его раскрыть, убил ее.

- Это... фантастично, - сказал Краг.

- Может быть, вы искренни, - сказал Хафт, - но все это... Он убил ее просто потому, что был замешан в историю подкидыша в вестибюле?

- Не только. Вам что-нибудь говорит имя Эллен Тензер, мистер Хафт?

- Нет.

- Вам, мистер Краг?

- Эллен Тензер? Нет.

Бингхэм спросил:

- Это не имя женщины, чье тело было найдено в машине? Она была задушена? Несколько недель назад?

- Да. Она нянчила ребенка, оставленного в вестибюле миссис Вэлдон.

"Икс" убил ее. А Кэрол Мардус знала это.

- Но откуда? - спросил Хафт.

- Скорее всего, путем размышлений. Она ведь читала газеты и знала, что случилось с Эллен Тензер. Вы видите, я играю с вами в открытую, потому что нуждаюсь в вашей помощи.

- В открытую? - переспросил Бингхэм. - Неужели все это серьезно: Люси, ребенок, Эллен Тензер, Кэрол...

- Да.

- Вы известили обо всем полицию?

- Нет.

- Но почему?

- Я собираюсь это сделать. А пока у меня есть для вас предложение, джентльмены. Если я расскажу полиции то, что знаю, я расскажу все. О списках, которые вы мне дали, о том, что мистер Аптон вышел из игры, что имени Кэрол Мардус не было в ваших списках. Расскажу о фотографиях, о том, что вы не узнали Кэрол Мардус, хотя фото было выполнено прекрасно.

Все это будет для вас неприятно, даже болезненно. В полиции сидят не остряки, они предположат, что у каждого из вас была причина для умалчивания. Они предположат, что если один из вас замешан в историю с ребенком и убил Мардус, то он, конечно же, не включил ее имя в свой список и не стал опознавать фото. Они будут весьма назойливы.

- Вы хотите сказать, - сухо заметил Краг, - что скрываете факты от полиции за некое наше вознаграждение.

- Ничего подобного. Я не должен вам, и вы не должны мне ничего. Но, возможно, мы могли бы быть друг другу полезны. Мне бы не хотелось помогать полиции найти убийцу, потому что я сам хочу заполучить его.

Хафт снял очки, держал их за дужки.

- Вы сказали, что у вас есть предложение.

- Да. Я могу уберечь вас от больших неприятностей, если ничего не расскажу полиции. В свою очередь, вы ответите мне на некоторые вопросы.

Если кто-нибудь из вас предпочтет отвечать полиции, пожалуйста. Что скажете, мистер Краг?

- Я в любом случае буду отвечать полиции. Я был разведен с Кэрол. Конечно, мой список и фото могут ухудшить дело. И если вы выглядите так же достойно, как ваша репутация... Я выбираю вас и отвечу на ваши вопросы - Мистер Бингхэм?

- Да-Я согласен ответить на ваши вопросы.

- Мистер Хафт?

Он надел очки.

- Здесь какой-то подвох. Вы ведь все равно сможете рассказать полиции и о списках, и о фотографиях, когда захотите.

- Действительно, вы рискуете. Но я знаю, что не сделаю этого, если вы примете мое предложение.

- Ладно. Я принимаю его.

Вулф взглянул на часы. Без десяти три. Прощай, обычное расписание.

- На процедуру потребуется время, - сказал он. - Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Они согласились, и он позвонил Фрицу. Скотч и содовую для Хафта, пшеничную водку и воду для Крага, для Бингхэма бренди с водой, молоко для меня и пиво для Вулфа.

Хафт поднялся, прошел к книжным полкам, стал рассматривать корешки книг. Бингхэм хотел позвонить по телефону, но потом передумал. Краг ерзал в кресле, смотрел то в одну, то в другую сторону, сплетая и расплетая пальцы. Когда ему принесли водку и воду, он сделал глоток и

поперхнулся. Вулф открыл бутылку пива, положил пробку в ящик - он всегда так делал, имея возможность вести счет - налил, понаблюдал, как опустилась на дюйм пена, и выпил.

Он вытер губы и взглянул на разведенного супруга.

- Начнем, мистер Краг. Расскажите о Кэрол Мардус - о вашем знакомстве с ней, о ее знакомствах с другими, все, что вы считаете существенным. Я буду прерывать вас лишь в случае необходимости.

Глава 16

Наступило время для исповеди Вилли Крага. Он посмотрел на Хафта, и это был не простой взгляд, потом на Бингхэма, на стакан, который держал на коленях.

Когда Краг заговорил, он смотрел на стакан.

- Есть люди, которые могли бы рассказать о Кэрол столько же, сколько и я. А об ее участии в этой истории, может быть, и больше меня. Мы были женаты ровно четырнадцать месяцев. Мне не хотелось бы об этом говорить из-за... - Он взглянул на Вулфа. - Вы знаете, я был агентом Дика Вэлдона.

Вулф кивнул.

- Его послала ко мне Кэрол. Я никогда до этого ее не видел и ничего о ней не слышал. Она была рецензентом в "Дистафе" и убедила Мэни Аптона принять три рассказа Дика. Она решила, что ему необходимо иметь агента, и послала его ко мне. Я познакомился с ней через Дика и через год мы поженились. Я знал, что она и Дик раньше... были вместе. Об этом знали все. С Мэни Аптоном она тоже была близка. И об этом все знали. Я предпочитаю не говорить плохо о мертвых. Но она вышла за меня, потому что ее сделали редактором отдела детективов в "Дистафе". Это довольно солидная должность, и Кэрол хотела... нет, я воспользуюсь ее выражением - она сказала, что хочет быть уважаемой. Она знала толк в литературе, могла бы писать сама.

Он осторожно отпил из стакана.

- Я думаю, ей удалось стать уважаемой месяца на три-четыре.

Вскоре я понял, что с ней ничего нельзя знать наверняка. Я не буду называть имен, потому что это было больше пяти лет назад и не имеет отношение ко времени, которым вы интересуетесь. Но это не значит, что я не интересуюсь. Я как раз интересуюсь. Было время, когда я сам был готов ее задушить, если бы... если бы я смог... Но это дело давнее. Вы хотите найти убийцу. Прекрасно. Я за то, чтобы ваше желание исполнилось. Конечно, я за это. Есть только одно обстоятельство, в которое мне трудно поверить. Это то, что у нее был ребенок. Когда мы были женаты... она избавилась от моего будущего ребенка. Но отцом вашего подкидыша мог быть только Ричард Вэлдон, я в этом уверен. Ни один человек не значил для нее так много, как он. Вы точно знаете, что она ездила во Флориду и родила там?

- Да.

- Тогда Дик был его отцом.

- Благодарю вас от имени своей клиентки, - невнятно сказал Вулф. - Естественно, ее интересует личность отца. Продолжайте.

- Это все.

- Уверен, что нет. Когда состоялся развод?

- Четыре с половиной года назад.

- И что же с тех пор? Особенно в последние шестнадцать месяцев?

- Ничем не могу вам помочь. За последние два года я видел Кэрол раз пять-шесть на вечеринках и тому подобное. Правда, мы с ней переписывались, и я довольно часто говорил с ней по телефону, но только о делах - о рукописях, которые посылал ей, или которые посылала мне она. Конечно, сплетни о ней доходили до меня. Всегда находятся люди, которые тебе обязательно скажут: "Твоя бывшая жена проводит время с тем-то и тем-то". Но какое это имеет значение?

- Вы не правы, мистер Краг. С тех пор, как человек изобрел слова, каждое произнесенное слово является частью летописи или мемуаров, даже если они не записаны. Хотя в сплетнях чаще всего ничего нет, кроме пустоты. Вопрос. Если встречи с вашей женой происходили у вас случайно, то почему вы не включили ее имя в список и не опознали фотографию?

Краг кивнул.

- Конечно. - Он задумался, - По правде говоря, я и сам не знаю.

- Это чепуха.

- Может быть и чепуха, но мне нечего добавить. Я не включил ее в мой список... это понять легко. - Он надолго замолчал. - Нет, я не стану хитрить. Подсознательно я отказался признать возможным то, что Кэрол послала Люси анонимные письма. Поэтому я не включил имя Кэрол в списки и разорвал ее фото. Это все, что я могу сказать и вам и полиции.

- Полиция, как и я, задаст вам простой вопрос: вы убили Кэрол Мардус?

- О, ради господина, нет!

- Когда и как вы узнали о ее смерти?

- Я проводил уикэнд за городом. У меня есть небольшой домик в Паунд Ридж. Во время моего позднего завтрака мне позвонил Мэни Аптон, его известила полиция, просила придти и опознать тело. У Кэрол в Нью-Йорке не было родственников. Я вернулся на машине в город, отправился в мою контору, а потом туда позвонил Бингхэм и попросил придти сюда.

- Вы провели ночь за городом?

- Да.

- Полиция потребует от вас подробности, так как вы бывший муж, но я оставляю это им. Еще один вопрос, гипотетический. Если Кэрол Мардус имела ребенка, зачатого в апреле прошлого года и родившегося в январе, а некто "икс" помог сплавить ребенка к Эллен Тензер, а потом, движимый злостью или ревностью, оставил его в вестибюле у Вэлдон, то кто, по-вашему, этот "икс"? Кто из окружения Кэрол Мардус подходит под такие характеристики?

Я прошу вас не обвинять, а всего лишь предположить.

- Я не могу сделать это. Я же сказал, что ничего не знал о ней за последние два года.

Вулф налил в стакан оставшееся пиво, выпил и повернулся к красному кожаному креслу.

- Вы слышали мой гипотетический вопрос, мистер Бингхэм. У вас есть предположение?

- Я не слушал, - ответил Бингхэм. - Я просто опьянел от вашего бренди и думаю: верить вам или нет. Хотя бы тому, как вы получили фото. Уж слишком гладкую картину вы нарисовали.

- Верьте или нет, как вам угодно. Но вы приняли мое предложение. Что вы можете сказать о Кэрол Мардус?

У Бингхэма было мало времени, чтобы опьянеть, но он постарался. Фриц поставил перед ним бутылку коньяка, и после второго захода он выпил добрые три унции. Его рекламная улыбка ни разу не появилась на его лице, он был небрит, а узел галстука сполз набок.

- Кэрол Мардус, - повторил он. - Кэрол была очаровательной, аристократической элегантной бродягой. - Он поднял стакан. - За Кэрол! - И выпил.

Вулф вдруг спросил:

- Может, вы и убили ее?

- Конечно. - Он поставил стакан. - Хорошо. Будем серьезны. Я познакомился с ней несколько лет назад, и она могла лишь щелкнуть своими пальчиками, чтобы заполучить меня. Но было два осложнения. Я обанкротился и жил на гроши. И потом - она принадлежала моему лучшему другу Дикю Вэлдону. Впрочем "принадлежала" - это не то слово, потому что она никогда никому не принадлежала, но в течение года она была с Диком. Затем она была с кем-то еще и так далее. Мэни Аптон - крупная дичь. Как вы знаете, она на некоторое время вышла за Крага. - Он взглянул на него. - Ты не крупная дичь. Неужели ты действительно думал, что она станет респектабельной?

Ответа не последовало.

- Ты так не думал. Не мог. - Он повернулся к Вулфу. - У меня было еще одно неточное слово. Кэрол не бродяга. И, конечно же, не проститутка.

Разве проститутка бросила бы на шесть месяцев хорошую работу, чтобы родить? Нет, но это похоже на Кэрол. Отцом был Дик. Когда он умер, она как бы продлила его жизнь и родила. Понимаете? Дик не мог принадлежать кому-то, кроме нее. И она сама не хотела принадлежать мужчине, а когда родила, то поняла, что не сможет принадлежать только ребенку. Это очень похоже на Кэрол. Вы говорите, что кто-то помог ей от него избавиться.

Значит, она должна была кого-то попросить. Почему она не попросила об этом меня? Меня это задело за живое.

Он потянулся за бутылкой, налил и сделал большой глоток. Наверно он не чувствовал вкус коньяка, пил его' как воду.

- К черту, - сказал он. - Кэрол должна была попросить меня.

- Возможно, она обратилась для этого к женщине.

- Никогда. Только не Кэрол. Ведь все должно было остаться в тайне.

- Несомненно.

- Она не доверила бы женщине тайну. Никакой женщине. И точка.

- Вы страдаете от того, что она вместо вас выбрала более подходящего.

Но у вас должно быть мнение о ее выборе. Этот вопрос не гипотетический.

Кого она попросила, если не вас?

- Я не знаю.

- Но кому она могла доверить такое деликатное дело?

- Бог мой, вы знаете, я думал, - Бингхэм поднес стакан к губам и сделал небольшой глоток. - первым, кого бы я назвал, был бы ее бывший муж Виллис Краг.

- Мистер Краг утверждает, что контактировал с ней очень редко и только по деловым вопросам. Вы в этом сомневаетесь?

- Чет. Я отвечаю на ваш вопрос. А это чертовски верный вопрос. Я знаю, как Кэрол относилась к Крагу. Она любила его. Она знала, что может довериться ему, может на него рассчитывать. Но если он говорит, что это был не он, возможно, это так. Мой второй выбор пал бы на Юлиана Хафта.

Вулф усмехнулся.

- Вы просто называете здесь присутствующих. Вы дурачитесь.

- Нет. Кэрол ценила Хафта как мастера своего дела. Она считала, что никто лучше него не разбирается в писательском деле и не раз говорила ему об этом. Он был единственным мужчиной, пообедав с которым, она могла вернуться домой и работать над рукописями. В этом еще одна причина, почему "бродяга" - не правильное для нее определение. Она любила свое дело и была в нем специалистом. Я люблю подурачиться, но сейчас мне не до этого. Пожалуй, я ошибся, назвав первым Крага. Я забыл о Мэни Аптоне.

Его следовало назвать первым.

- Ее босс?

- Да, ее босс. И потому он - первый. Это он разрешил ей отсутствовать в течение шести месяцев, а потом снова вернуться на работу. Он должен был знать, почему она уехала. Всем своим друзьям, включая меня, она сказала, что взяла длительный отпуск, но Мэни Аптону она должна была назвать причину. Черт возьми, это же очевидно. Если вы наполовину так умны, как считаете, то сообразили бы, что это бросается в глаза.

- Действительно, это так. Но только вчера она сидела в кресле, где сейчас сидите вы. Полагая, что мистер Аптон - наиболее вероятный выбор, кого бы вы еще могли назвать?

- Никого, - Бингхэм сделал глоток бренди. - Если и есть кто-нибудь, кого я не знаю, то не думаю, что она его бы выбрала. Кэрол любила рассказывать мне обо всем. Ей нравилось, как я слушаю.

- Я, вроде, спрашивал, убили ли вы ее?

- И я ответил: "Конечно". Я имел в виду "конечно, нет". Вы не спросили меня, где я провел прошлую ночь, как и когда узнал о ее смерти. Я провел ночь дома в постели, один, и около девяти часов был на работе в студии. Я готовлю ведущего для большого шоу и на месяц в этом опаздываю.

Кто-то на студии услышал о Кэрол и сказал мне. В конверте, который вы мне прислали, была ее фотография. Как только я смог, я выбрался со студии и пришел спросить вас о фото.

- Вы были с ней близки, мистер Бингхэм?

- Нет. Но мы никогда не были в плохих отношениях. - Он взглянул на часы. - Мне пора возвращаться.

- Мы скоро закончим. Мистер Хафт, все внимание теперь к вам. По словам мистера Бингхэма, Кэрол Мардус могла обратиться к вам за помощью.

Как вы это расцениваете?

Хафт сидел в кресле развалившись, вытянув ноги. Некоторым мужчинам это идет, но только не ему. Он выпил скотч с содой и поставил стакан на стол Вулфа.

- Я считаю, что должен быть польщен, - начал он. Его тонкий тенор резко контрастировал с баритоном Бингхэма. - Я признателен тебе, Лео, что ты считаешь, будто Кэрол доверила бы мне такое личное дело и по такому деликатному вопросу. Даже если ты первым поставил Мэни Аптона, а меня последним. Лео вполне точно охарактеризовал мои отношения с Кэрол, мне нечего добавить. Вы спросили их о прошлой ночи. Обычно я провожу уикэнды у себя дома в Вестпорте. Но один из моих значительных авторов, по крайней мере значительных для меня, прибыл днем из Англии, и вечером я пригласил его пообедать, а затем пойти в театр. Я спал в своей квартире на Черчилл Тауэрс и был там, когда позвонил Бингхэм. Я ничего не знал о мисс Мардус, пока он мне не рассказал. Есть вопросы?

Вулф взглянул на него хмуро.

- Как зовут вашего значительного автора?

- Лук Чейтхэм.

- Он написал "Без луны ночью"?

- Верно.

- Вы его издавали?

- Да.

- Привет ему от меня.

- С удовольствием.

Вулф взглянул на часы. Без двенадцати четыре.

- Джентльмены, - начал он, - у нас не может быть взаимного доверия, но у нас есть общий интерес. Ваши объяснения могли удовлетворить меня или нет, но они никогда не удовлетворили бы полицию. Никто из вас не мог бы доказать свою искренность. Поэтому в ваших интересах не говорить о нашей беседе или даже о том, что вы здесь были. Так же, как и в моих интересах. Что касается результата - посмотрим. Убийца, несомненно, будет привлечен к ответу. - Он встал. - Во всяком случае, я благодарю вас от имени моей клиентки.

Он направился в холл на пять минут раньше обычного.

Я проводил всех и вернулся в кабинет. Было над чем подумать. Весьма вероятно, что убийца - один из четверых. Который? Это глупейший пасьянс, в который мы играем, пытаюсь выбрать из группы людей убийцу, основываясь на том, как они говорили, как выглядели, как вели себя. Так вы играете, если не можете обнаружить просвет.

Беда еще и в том, что мы не знали, сколько времени у нас есть. Месяц, неделя, или день, или час. Убийство будет рассматриваться с разных сторон, с разных точек... один из них может проговориться. А все, что нужно полицейскому Крамеру - это намек на связь между Кэрол Мардус и ребенком или на факт, что она приходила сюда. Мы ходили по тончайшему льду.

Я хотел высказать Вулфу свои соображения. Но он не должен был застать меня сидящим в кабинете, как в заключении. Поэтому, когда послышался шум лифта, я вышел и занял позицию напротив его дверцы. Вулф вышел и обнаружил, что стоит лицом к лицу со мной. Только я собрался говорить, как раздался звонок во входную дверь, и мы оба взглянула в сторону прозрачного с одной стороны стекла. За ним стоял инспектор Крамер.

Глава 17

Вулф тихо сказал "пошли" и направился вглубь дома. На кухне у раковины стоял Фриц и обрызгивал кресс-салат ледяной водой. Фриц взглянул на Вулфа, оценил выражение его лица и засуетился.

- У двери мистер Крамер, - сказал Вулф. - Арчи и я уходим через черный ход и неизвестно, когда вернемся. Не впускай его. Закрой дверь на цепочку. Скажи ему, что нас нет и ничего больше. Если он вернется с ордером на обыск, тебе придется его принять, но ты не знаешь, куда мы ушли.

В дверь снова позвонили.

- Ты понял?

- Да, но...

- Иди.

Вулф спросил меня:

- Пижамы и зубные щетки?

- Нет времени. Если с ним Стеббинс, он пошлет его вокруг дома на тридцать четвертую улицу перекрыть нам путь.

- У тебя есть деньги?

- Недостаточно. Сейчас возьму.

Я на цыпочках прошел в кабинет к сейфу, достал деньги, закрыл дверцу и набрал код. Вулф еще был в холле, собираясь спуститься вниз. Внизу я обогнал его и мы вышли из дома, по четырем ступенькам поднялись наверх и направились вдоль кирпичной стены к воротам. Затем к 34-й улице. Оглядываться не имело смысла. Было непохоже, что Крамер заранее послал сюда человека, но если он это сделал, мы скоро об этом узнаем. Мы свернули налево. Кто бы поверил, что

человек, который ходит пешком так мало, как Вулф, способен шагать так легко, но Вулф был способен на это. Он мог даже говорить.

- За нами идут следом?

- Сомневаюсь. Мы никогда так не уходили. Думаю, за нами бы не шли, нас бы остановили.

На улице было большое для июля движение. Нас разъединила группа людей, а затем мы снова встретились. Вулф спросил:

- Отправимся в отель?

- Нет. По фотографиям в газетах вас сразу узнают. У меня есть предложение. Сегодня утром на побережье я подумал, что нам может понадобиться убежище, и попросил у миссис Вэлдон ключ от ее дома. Он у меня в кармане.

- За домом не наблюдают?

- Зачем? Она вчера уехала на побережье. Там никого нет.

На углу мы подождали зеленый свет, перешли через тридцать четвертую улицу и направились к Девятой авеню.

- Нам идти около двух миль, - сказал я. - Ходьба на свежем воздухе укрепляет тело и оживляет мозг. Шоферы такси слишком болтливы. Например, когда он будет есть суп у стойки, он скажет: "Ниро Вулф вышел из дома. Я только что подвез его на одиннадцатую улицу, где эта женщина держит ребенка". Через час об этом будет знать весь город. Мы можем выпить в баре пива. Скажите, когда.

- Ты слишком много говоришь. Ты, наконец, увидел меня странствующим бродягой.

- Да. И никогда этого не забуду.

Мы остановились лишь у магазина деликатесов на Шестой Авеню, и когда вошли, наконец, в вестибюль, где однажды был оставлен подкидыш, вздохнули с облегчением. Вулф купил ветчину, солонину, осетрину, анчоусы, салат, редиску, огурцы, апельсины, лимоны, персики, сливы, три сорта печенья, кофе, масло... Хлеба не было. Если умрет Фриц, Вулф больше никогда не будет есть хлеб. Только в десять минут восьмого я освободил руки от покупок и смог взглянуть на часы. Без четверти восемь я убрал все лишнее, а Вулф накрыл на кухне стол для обеда.

Его приправа к салату, приготовленная из того, что он нашел в буфете, была не так хороша, как у Фрица, из-за отсутствия специй. Я помыл тарелки, а он вытер.

Теперь не было смысла возмущаться или шутить. Вулф оказался изгнанным из своего дома, отрезан от своей оранжереи, своего кресла, обеденного стола. И я находился в изгнании. Но существовали Саул, Фред, Орри, и я предположил, что он думает о них. Но он спросил, где находится детская.

Я сказал, что вряд ли обнаружит там какие-нибудь следы.

- Ковер, - ответил он, - ты утверждал, что там прекрасный текинский ковер.

Он осмотрел не только текинский, но и все ковры в доме. Ничего удивительного. Он любит хорошие ковры и много знает о них. Правда у него редко бывает возможность видеть какие-нибудь другие, кроме своих собственных. Затем он полчаса изучал работу лифта, поднимаясь и спускаясь, а я в это время устраивал наш ночлег. Очень приятный вечер, и торопить Вулфа не было смысла. Наконец мы улеглись спать в двух комнатах для гостей на четвертом этаже. У него в комнате был красивый ковер, о котором он сказал, что это восемнадцатый век, Фергана.

В воскресенье утром меня разбудил запах, очень знакомый запах. Я спустился тремя этажами ниже, в кухню, Вулф был там. Он сидел за столом в рубашке с короткими рукавами и завтракал яйцами по-французски:

- Доброе утро. Предупреди меня за двадцать минут до того, как будешь готов.

- Конечно. Я бы хотел салат с винным уксусом.

- Мне он не очень по душе, но тебе я сделаю.

Я снова поднялся в свою комнату.

Через полчаса, позавтракав и приведя все в порядок, я обнаружил Вулфа в одной из комнат на втором этаже, читающего книгу в большом кресле у окна. Я решил пока не беспокоить его и вежливо спросил:

- Мне выйти за газетами?

- Как тебе угодно, если считаешь, что безопасно.

- Я позвоню миссис Вэлдон и скажу ей, что мы здесь.

- Да, это может быть целесообразным.

Меня, наконец, прорвало.

- Послушайте, сэр. Иногда вы можете позволить себе быть эксцентричным, а иногда нет. Возможно, вы можете позволить себе это даже сейчас, но я не могу. Я в это не играю.

Он медленно опустил книгу.

- Прекрасный летний день, Арчи. Но где люди? Например, где мистер Аптон? Мы здесь заперты. Можешь ли ты воспользоваться телефоном, найти мистера Аптона и убедить его придти сюда побеседовать со мной? Если да, то будет ли это благоразумно?

- Нет. Но линия Аптона - единственная, которую мы не трогали. По ней могли настучать фараонам. Я могу это узнать по телефону - одной работой будет меньше.

- У нас нет времени для такого подхода. Мы даже не можем побриться, поменять рубашки... Когда ты пойдешь за газетами, купи зубные щетки. Я должен встретиться с мистером Аптоном. Я беру в расчет и миссис Вэлдон.

Когда ты будешь ей звонить, попроси ее приехать сегодня вечером, одну.

Приедет ли она?

- Уверен.

- Я обдумал еще одну деталь. Спешки нет, но, так как ты волнуешься, не найдешь ли ты Саула?

- Попробую.

- К завтрашнему утру. Теперь я думаю о племяннице Тензер - Энн Тензер.

- И что же?

- Если я правильно понял смысл ее работы, то она замещает служащих, которые временно отсутствуют.

- Верно. - Мои брови поднялись, я с изумлением взглянул на своего гениального шефа. - Черт возьми! Конечно! Это вполне возможно. Я должен был додуматься до этого сам!

- Ты был слишком взволнован. Кстати, о волнениях. Осетрина отменная, и я хочу попытаться сделать ее копченой по-московски. Когда пойдешь за газетами, не мог бы ты купить немного укропа, лаврового листа, петрушки, лука шалот и томатной пасты?

- В деликатесном магазине в воскресенье утром? Нет.

- Жаль. Купи то, что у них есть.

Частный детектив с лицензией. Он даже не знал когда и что можно купить в деликатесном магазине!

Итак, воскресенье прошло очень приятно. Газеты, книга, телевизор - все, что угодно. Осетрина получилась чудесно, даже с теми специями, которыми Вулфу пришлось довольствоваться.

Когда я позвонил Люси и рассказал ей, что у нее в доме гости и что ее приглашают приехать и провести с вами ночь, ее первым вопросом был: простыни? Были ли они на кроватях? Узнав, что были, она вздохнула с таким облегчением, что наше бегство от закона уже не имело для нее никакого значения. Затем, около девяти часов я позвонил Саулу, он получил сообщение из бюро

обслуживания, а я сказал ему, куда придти утром. Саул звонил нам домой в субботу вечером и в воскресенье утром. Фриц сказал ему, что нас нет, и это все, что он знает. Саул, конечно, был встревожен, потому что, насколько он знал, ничто не могло остановить Вулфа, если он был в соответствующем состоянии.

Я не знал, есть ли у Люси запасной ключ, поэтому после ужина остался сидеть на кухне, перелистывая журналы, чтобы, как только раздастся звонок, открыть ей дверь. Но в начале одиннадцатого я услышал, как входная дверь открылась и закрылась, и поспешил в холл ее встретить. Чтобы приветствовать друг друга должным образом, детективу и клиентке необходимы две руки, и ее сумка упала на пол. Поздоровавшись, я поднял сумку.

- Я знаю, почему вы здесь, - сказала она. Люси чудесно выглядела в бледно-зеленом платье и темно-зеленой кофточке. В городе загар с румянцем производит большее впечатление, чем на побережье. Она взяла сумку.

- Ты решил, что я не проболтаюсь. Ты, конечно, слишком о себе воображаешь, но я все равно тебя люблю. Но что ты имел в виду, когда сказал мне, что тебе и Вулфу придется скрываться?

Я разъяснил ей ситуацию, сообщив и то, что сказали Краг и Бингхэм о Дике Вэлдоне и ребенке.

- Итак, - я подвел итог, - работа, заказанная тобою Ниро Вулфу, выполнена. Нам осталось разделаться лишь с парочкой убийств и, при желании, выставить нас из своего дома, тебе нужно просто поднять телефонную трубку. Окружной прокурор будет счастлив прислать за нами машину. Надеюсь, тебе приятно об этом знать. А если я много о себе воображаю, то только благодаря тебе. Но перед тем, как ты позвонишь, мистер Вулф хотел бы кое о чем тебя попросить.

- Послушай, Арчи, неужели ты действительно думаешь, что я могла бы так поступить?

- Конечно. Перед мистером Вулфом у тебя нет никаких обязательств. Что же касается меня, то я не настолько самонадеян. Я просто считаю, что любовь ко мне - один из признаков здравого смысла.

Она улыбнулась.

- Где он?

- Этажом выше.

Когда Люси вошла в комнату, Вулф поднялся с кресла. В качестве незваного гостя он проявлял вежливость. Обменявшись с ним приветствиями, Люси огляделась и, должно быть, удивилась, что в доме, в котором двое мужчин провели день и ночь, совсем нет беспорядка. Затем она сказала Вулфу, что надеется, что ему было удобно в ее квартире.

Вулф фыркнул.

- Никогда в жизни мне не было так неудобно. Я не хочу казаться неблагодарным за ваше гостеприимство, я искренне признателен вам за приют, но я - собака, а не заяц. Мистер Гудвин описал вам ситуацию. Арчи, стулья.

Я уже придвинул к его креслу два стула, зная, что он не сдвинется с места и от лампы для чтения. Вулф посмотрел на Люси.

- Мадам, мы-в ловушке. И я вас спрашиваю прямо: можете ли вы быть стойкой?

Она нахмурилась.

- Если вы имеете в виду умение держать язык за зубами, то да, могу. Я уже говорила вчера Арчи об этом.

- Полиция будет давить на вас. Они уже связали Кэрол Мардус со мной, а следовательно, и с вами, и я сбежал. Вы - мой клиент, я должен вас прикрывать, а вместо этого прикрываете меня вы. И мистера Гудвина. Он может сам поблагодарить вас от своего имени и несомненно это сделает.

Что касается меня, то повторяю, что глубоко вам признателен, но я должен попросить вас еще об одном одолжении. Мне необходимо как можно скорее встретиться с Мануэлем Аптоном. Не могли бы вы пригласить его сюда завтра утром?

- Почему же нет... да, если смогу.

- Не говоря ему, что я здесь. Он однажды сказал мне, что если вы хотите, чтобы он сделал вам одолжение, то вы должны сами попросить его об этом.

- А если он придет, что я должна делать?

- Ничего. Просто проводите его сюда. Если мои слова не смогут его удержать, то мистер Гудвин будет вынужден применить силу. Вы любите яйца?

Она рассмеялась. Посмотрела на меня, и я тоже рассмеялся. Вулф сердито поглядел на нас обоих.

- Что, черт побери, вы нашли смешного в яйцах? Миссис Вэлдон, вы умеете делать яичницу-болтунью?

- Да, конечно.

- Используя любимое выражение мистера Гудвина, можно смело поставить десять против одного, что вы не умеете. Я приготовлю яичницу к завтраку и вы в этом убедитесь. Предупредите меня за сорок минут до того, как будете готовы.

- За сорок минут?

- Да. Я так и знал, что вы не умеете.

Глава 18

Мануэль Аптон пришел без четверти двенадцать в понедельник утром.

За это время произошло несколько небольших событий. Люси заявила Вулфу, что она действительно не умеет готовить яичницу-болтунью. Я сообщил ему, что его яичница несколько не хуже той, что делает Фриц. Он заявил, что сорок минут, конечно, значительно больше того времени, которое обычная домохозяйка тратит на изготовление этого блюда, но в совершенстве его можно приготовить только за этот срок. Иначе болтунья будет недостаточно плотной, мягкой и воздушной.

Я вышел и купил "Ньюс". Там я прочел, что недавно погибшая Кэрол Мардус была любовницей Ричарда Вэлдона, знаменитого романиста, но в статье не было ни малейшего намека на то, что в этом есть нечто большее, чем штрих ее биографии.

Саул, как мы и договорились, пришел в половине десятого и получил задание заняться Энн Тензер. В восемь утра он звонил Фрицу, в тот сказал ему, что сыщики из отдела по убийствам день и ночь по очереди дежурят в нашем кабинете-Они имеют ордер на обыск, а один из них в данный момент слушает их разговор по отводной трубке. Затем Саул сообщил, что слышал из достоверного источника, назвать который он не может даже нам, что листок с номером телефона Вулфа был найден в квартире Кэрол Мардус. Так что возможно, что никто и не настучал на нас. Вполне вероятно, что Крамер просто собирался спросить Вулфа, виделся ли он с кем-нибудь или слышал что-нибудь о Кэрол Мардус, но этого бы хватило, чтобы поджечь бикфордов шнур. Саул получил триста долларов десятками и двадцатками. Вполне вероятно, что Энн Тензер без работы и нуждается в деньгах.

Встреча с Аптоном была разыграна весьма просто. В любом случае дверь открывать должна была Люси, так как это мог оказаться кто-нибудь другой.

Она пригласила его войти, проводила на второй этаж и ввела в большую комнату. Я заранее придвинул к кушетке большое кресло, тое сидел Вулф. Я же стоял. Аптон вошел, увидел нас и

остановился, обернулся к Люси, но ее уже не было. Она выскользнула и закрыла дверь, как было условлено.

Аптон так сутулился, что казался даже ниже собственного роста. Он был вровень с сидящим Вулфом.

- Вы просто жирный шарлатан, - прокаркал он и направился к двери. Тут он обнаружил, что я преградил ему дорогу, и остановился, - Прошу прощения, - сказал я, - но путь закрыт. У него хватило здравого смысла понять, что мне хватило бы и одной руки, чтобы удержать его.

Он повернулся ко мне спиной.

- Бред какой-то, - произнес он. - Это Нью-Йорк, а не Черногория.

Вулф указал ему на кушетку.

- Если желаете, можете присесть, мистер Аптон. Мы намерены побеседовать с вами. Если вы считаете, что удерживать вас здесь против вашей воли - бредовая идея, то это не совсем так. В этом доме нас трое, и мы можем опровергнуть любое обвинение, выдвинутое вами. Ваши габариты не допускают мысли о насилии. Мистер Гудвин мог бы справиться с вами, как с марионеткой. Садитесь.

Аптон упрямо поджал губы.

- Я буду говорить с миссис Вэлдон.

- Возможно, но позднее. После того, как вы расскажете мне все, что знаете о Кэрол Мардус.

- Кэрол Мардус?

- Да.

- Ясно. Нет, не ясно... Почему вы... - он не закончив фразы. - Вы в доме Люси Вэлдон, значит, вы до сих пор ее обманываете. Вы сказали ей, что анонимные письма прислала ей Кэрол Мардус. Так вот почему она мертва?

- Анонимных писем не было.

Аптон посмотрел на него с оторопелым видом, прошел к кушетке и сел.

- Вы не можете отрицать этот факт. Еще три человека были в вашем кабинете, когда вы рассказали об анонимных письмах.

Вулф кивнул.

- Я говорил с ними позавчера и объяснил, что анонимные письма были моей выдумкой. Это было сделано для того, чтобы вы составили необходимые для меня списки. А сейчас я разыскиваю убийцу. Во время разговоров с этими джентльменами в субботу днем было высказано мнение, что Кэрол Мардус могли убить вы. Вот почему я хочу поговорить с вами и выяснить вероятность того, что вы - убийца.

- Вот как! - Аптон вскинул голову. - Знаете, я признаю ваше превосходство над другими. Ваша репутация создана на чистейшем нахальстве. К тому же вы - лжец. Ни один человек не мог высказать предположения, что я убил Кэрол Мардус. Кто сказал, что я ее убил? Как вас назвать после всего этого? Почему вы вынудили Люси Вэлдон пригласить меня сюда?

- Чтобы получить информацию, в которой остро нуждаюсь. Когда вы узнали, что Кэрол Мардус приходила ко мне в пятницу?

- Час от часу не легче. Мне и в голову не пришло бы, что вы можете использовать этот затасканный трюк. Она пришла к вам, она что-то рассказала, и она мертва. Наверно, она еще сказала вам, что я собираюсь ее убить, или что-нибудь вроде этого?

- Нет. - Вулф никак не мог устроиться в кресле, спинка которого была слишком высока, чтобы он мог откинуться назад, как делал это дома. Затем он рассказал преамбулу всей истории и продолжил:

- Кэрол Мардус вернулась из Флориды с ребенком, но чтобы избавиться от него, ей потребовалась помощь друга, мужчины, назовем его "икс". Два факта, относящиеся к "иксу", мисс Мардус недостаточно учла. Во-первых, она отказывала ему в своей благосклонности, и он был задет этим. Во-вторых, у него душа беса, то есть человека, имеющего низкий злобный характер. Как редактор, вы поймете, что я имею в виду.

Аптон ничего на это не сказал.

- Душа беса - это страшный феномен. Он заставил мистера "икс" совершить поступок, к которому он отнесся сначала, как к позволительной шутке. Но нависшая угроза разоблачения была невыносима. "Икс" был с Эллен Тензер в ее машине и задушил Тензер не из-за внезапного импульса, а преднамеренно, так как должен был захватить с собой веревку.

Аптон пошевелился. Он был весь во внимании.

- Я бы много дал, - сказал он, - чтобы знать, насколько правдива эта выдумка. На этом все?

- Нет. Большинство фактов доказаны, или могут быть доказаны. Есть предположения, имеющие веские доводы. Например, Кэрол Мардус должна была подозревать, что "икс" убил миссис Тензер. Ведь она знала, что ребенок был у той на попечении. Мардус читала газеты?

- Что?

- Мисс Мардус имела привычку читать газеты?

- Конечно.

- Тогда она наверняка подозревала "икс" в убийстве. Газеты освещали визит мистера Гудвина к ней. Мне повторить сказанное?

- Не стоит.

- Тогда остальное будет моим категорическим заявлением. После беседы со мной мисс Мардус позвонила "иксу". Они встретились вечером, в кармане у него снова была веревка. Теперь ему грозила не только возможность разоблачения его выходки с подкидывшем, но и убийства. И он задушил мисс Мардус. Сделал он это в своей машине и выбросил тело в проход между домами на Перри-стрит, меньше чем за квартал от дома, где живет Виллис Краг. Рассчитывал вернуть ее бывшему мужу? Еще одна злобная выходка.

- Заканчивайте, - гнусавым голосом предложил Аптон. - Ваше предположение, кто этот "икс".

- Это рискованно и может оказаться клеветой.

- Да. Я провел вчера большую часть дня у окружного прокурора, похоже, там не знают многого. Не должны ли вы все рассказать им?

- Должен. И сделаю это, когда выясню личность "икс". Но когда я предположил, что "икс" - это вы, я услышал ваше восклицание "вот как!" - Я повторяю: "вот как!" - Он встал. - Хочу проверить, неужели вы в самом деле посмеете задержать меня...

Я не хотел с ним возиться, опередил его и прислонился спиной к двери.

Он хотел схватить мою руку, но дотянулся до куртки и потянул за нее. Для куртки это не очень полезно, особенно для такой легкой и летней. Я взял его за запястье и вывернул руку, может быть сильнее, чем было необходимо. Он выпустил куртку, а я его руку, но он продолжал упираться и вертеться. Я развернул его, подтолкнул к стулу и усадил. В дальнем конце комнаты раздался телефонный звонок, на который я не отреагировал.

Вулф усмехнулся.

- Прекрасно. Вы убедились, что вы под арестом. Допустим, что вы не "икс". Но ведь мисс Мардус рассказала вам, зачем ей требуется шестимесячный отпуск. Вы знали, что она беременна и собирается родить. Не сказала ли она вам, когда вернулась, кто помог ей избавиться от ребенка?

Подумайте. Это тот вопрос, на который вы должны ответить.

Мистер Аптон тяжело дышал и сверлил меня свирепым взглядом. Затем уставился на Вулфа.

- Не вам, - сказал он. - Я отвечу тому, кто имеет право задавать вопросы. И вам придется ответить на вопросы, на много вопросов! - Он перевел дыхание.

Раздался стук в дверь. Я подошел, приоткрыл ее - за дверью Люси. Она прошептала:

- Саул Пензер.

Я кивнул, обратился к Вулфу:

- Вас к телефону.

Он вышел. Я закрыл за ним дверь и вернулся в свое кресло.

- Вас прервали, - сказал я вежливо Аптону. - Если хотите продолжить, буду рад вас выслушать.

Он не хотел. Теперь он не желал бросить на меня даже свирепый взгляд.

И я знал почему. Есть такой прием: слегка выкрутить запястья, после чего они немного болят. Я знал, что наверху в кабинете есть тюбик мази, которая могла бы помочь, но я не собирался отвести его за нею вверх. Это не мой дом, и во всяком случае, ему не стоило рвать мою куртку. Страдания полезны. И он страдал добрых пятнадцать минут.

Открылась дверь, и вошла Люси в сопровождении Вулфа. Она остановилась, а он прошел вперед. Аптон встал, хотел заговорить, но Вулф опередил его.

- Сядьте. Миссис Вэлдон собирается позвонить по телефону, и вы должны послушать ее разговор. Арчи, номер телефона Крамера.

Я назвал номер, она повторила его и направилась в дальний конец комнаты. Аптон хотел пойти за ней, но я был на его пути, и он сказал ей вслед, что Вулф лжец, шарлатан и тому подобное. Люси звонила.

- Инспектор Крамер? Люси Вэлдон. Да. Звоню из дома. Я решила рассказать вам кое о чем, что относится к ребенку и Кэрол Мардус... Да, Кэрол Мардус. Я не буду рассказывать окружному прокурору, я хочу рассказать вам. Я не знаю, где Ниро Вулф. Я хотела бы, чтобы вы привели сюда Лео Бингхэма, Виллиса Крага и Юлиана Хафта. Я расскажу вам все в их присутствии. Нет. Я настаиваю на своем. Нет. Мануэль Аптон сейчас здесь, у меня. Хорошо. Со мной все в порядке. Конечно, если хотите, приходите сразу. Но я не собираюсь что-нибудь вам сообщать, пока их здесь не будет. Она положила трубку и обернулась.

- Теперь все в порядке?

- Чет, - ответил Вулф. - Вам не следовало говорить, что мистер Аптон здесь. Крамер явится первым и захочет его увидеть. Но вы скажете, что он уже ушел. Арчи, отведи его на четвертый этаж и не шумите.

Глава 19

За все годы, что я провел с Ниро Вулфом, это был единственный раз, когда он остался наедине с женщиной в спальне. Спальня находилась на четвертом этаже, здесь он спал, а женщиной была Энн Тензер. Я просто констатирую, ни на что не намекая. Дверь в спальню была открыта, а неподалеку еще одна открытая дверь в комнату, где я наблюдал за Мануэлем Аптоном, чтобы он не шумел. Но он вел себя тихо, без помощи с моей стороны. После того, как он услышал, что Люси пригласила инспектора Крамера зайти к ней, он произнес не больше двадцати слов и половина из них была связана с отказом взять бутерброд с ветчиной и стакан молока, которые принес наверх Вулф.

Саул Пензер помогал Люси принимать и рассаживать гостей внизу, следуя инструкции Вулфа, как именно их усадить. Позднее он рассказал мне, что всех задерживал Лео Бингхэм, пришедший последним. Было тридцать пять минут второго, когда я услышал шаги, выглянул и увидел Саула.

- Все готовы, - сказал он и стал спускаться вниз по лестнице.

Я вывел Аптона, мы вошли в лифт, и через минуту к нам присоединились Вулф и Энн Тензер. Вулф сам нажал на кнопку и вскинул голову, в то время как я наклонился, пытаясь услышать шум или хотя бы скрип, но ничего не услышал. Я подумал, что вскоре мне будет приказано выяснить, сколько стоит такой бесшумный лифт.

Я никогда не думал, что инспектор Крамер глуп и до сих пор так не считаю. Посмотреть хотя бы на его реакцию, когда ми вошли в комнату. Он поспешно встал, хотел заговорить, тут же передумал. Он сразу понял, что Вулф не стал бы разыгрывать шараду, если бы не имел твердой позиции.

Саул усадил всех, как было ведено. Виллис Краг и Хафт сидели на диване. Лео Бингхэм справа от них на стуле. Стул Крамера стоял напротив дивана, а рядом слева - стул Саула. Люси и Энн Тензер сели рядом. Нам с Аптоном полагался диван, где было оставлено место. Рядом - большое кресло для Вулфа.

Но прежде чем сесть, Аптон обратился к Крамеру:

- Я требую вмешательства правосудия! - воскликнул он. - Вмешательства против Ниро Вулфа и Арчи Гудвина. Они держали меня здесь с помощью физической силы. Гудвин напал на меня. Я - Мануэль Аптон. Я не знаю, как оформляется обвинение, но надеюсь на вас. Я требую, чтобы они были арестованы.

Фактов у Крамера было достаточно для нашего ареста. Он сказал:

- Им грозит более серьезное обвинение, - взглянул на Вулфа. - Как вы считаете?

Вулф поморщился.

- Я полагаю, вы займетесь этим позднее, а может и передумаете. Перейдем к более серьезным делам.

- Когда вы сюда пришли?

- В субботу, позавчера. Может быть, вы сядете? Я не люблю вытягивать шею.

- Арестуйте их? - визжал Аптон. - Я официально требую!

- Не будьте упрямы, - сказал Вулф. - Я собираюсь назвать убийцу, и мистер Крамер это знает. Он мог бы арестовать меня сразу, как только увидел.

Аптон, продолжая возмущаться, сел на диван. Вулф взглянул на Крамера.

- Я не знаю, что известно вам, но пробелы могут быть заполнены позднее. Предполагаемый убийца - одна из тех несчастных натур, которые не созданы для той роли, которая им выпала...

- Отложите ваши сентенции на потом, - прорычал Крамер.

- Это необходимое введение. Вы узнали женщину, вошедшую вместе со мной сюда?

- Нет.

- Она племянница Эллен Тензер - Энн Тензер. В ходе расследования ее допрашивали, но, очевидно, не вы. Мисс Тензер, будьте любезны, расскажите мистеру Крамеру, в чем состоит ваша работа.

Энн откашлялась. Она все еще была блондинкой. Если бы вы спросили десять мужчин, кто привлекательнее, она или Люси, возможно, семь из них выбрали бы Энн Тензер. Ее холодный уверенный взгляд остановился на Крамере.

- Я - секретарь "Бюро временного найма". Мы замещаем вакансии, любые временные вакансии. У меня высшая категория.

- Следовательно, вы работали для многих фирм? - спросил Вулф.

- Да. За год я меняю около пятнадцати мест.

- Присутствует ли в этой комнате кто-то, у кого вы когда-нибудь работали?

- Да.

- Назовите.

- Это Юлиан Хафт, президент "Партенон пресс".

- Когда вы у него работали?

- Я не помню точного числа, но это было в начале прошлого лета. Может, это было в конце июня, начале июля.

- В ходе работы вам часто приходилось контактировать с мистером Хафтом?

- Да. Я замещала его личного секретаря. Она была в отпуске.

- Упоминали ли вы имя вашей тети Эллен Тензер в беседе с ним?

- Да. Он диктовал мне письмо о книге, о рукописи женщины, которая была няней, и я сказала ему, что у меня есть тетя, тоже няня, и мы немного поговорили о ней. Наверно, я упомянула о том, что тетя иногда нянчит детей у себя дома, потому что когда он позвонил мне...

- Пожалуйста, скажите, когда он позвонил?

- Несколькими месяцами позже, зимой, я думаю, где-то в январе. Он позвонил в "Бюро временного найма" и оставил свой телефон. Я ему позвонила. Он спросил, нянчит ли еще моя тетя детей. Я ответила, что да, а он попросил ее имя и адрес.

- И вы сообщили ему и имя и адрес?

- Да.

- Вы были...

- Минутку, - Крамер пристально посмотрел на нее. - Почему же вы не сказали об этом, когда вас спрашивали о смерти тети?

- Я просто забыла. Или, скорее, я об этом не подумала. Отчего я должна была об этом вспомнить?

- А что вам напомнило сейчас?

- Меня подробно расспросили. - Она кивнула на Саула. - Этот человек.

Он назвал четверых и спросил, встречала ли я кого-нибудь из них. Я сказала, что знакома с Юлианом Хафтом. Он спросил, не знал ли Хафт о моей тете? Тогда, конечно, я вспомнила. Он сказал, что поможет найти убийцу тети, и я ему обо всем рассказала.

- Он заплатал вам за информацию, которую вы ему дали?

- Нет. - Глаза Энн засверкали, кожа лица порозовела. - Я думаю, что вам должно быть стыдно. Тетя убита больше шести недель назад, а вы, инспектор по делам убийств, так и не нашли убийцу. А когда кто-то пытается что-то сделать, вы хотите обвинить его, что он подкупил меня. Постыдитесь, инспектор.

- Я никого не обвиняю, мисс Тензер. - Крамер выглядел смущенно. - Я задаю вопросы. Поклялись бы вы под присягой в том, что сообщили нам?

- Конечно.

- Вы когда-нибудь встречались с присутствующими здесь мужчинами?

- Нет.

- Нет? Но в заявлении, которое вы писали несколько недель назад, вы указали на разговор с одним из них. Она взглянула на сидящих мужчин.

- О, Арчи Гудвин, конечно.

- Вы виделись с ним потом?

- Нет.

- А когда вот этот человек - Саул Пензер - задавал вам вопросы?

- Сегодня утром.

- Никто до сегодняшнего дня не задавал вам подобные вопросы?

- Нет. Кажется, никто.

- Саул Пензер, вы подтверждаете то, что сказала мисс Тензер?

Саул кивнул.

- Вы встретились с ней по указанию Вулфа?

- Спросите его.

- Я спрашиваю вас.

Вулф не выдержал:

- Скажи ему, Саул.

- Я получил это указание в кухне этого дома, - ответил Саул. - Около половины десятого сегодня утром.

Крамер повернулся к Вулфу.

- Как же вам вдруг пришла в голову идея относительно Энн Тензер?

- Не скажу, чтобы неожиданно. Я шел к этому постепенно. Собственно говоря, это была не идея, я просто ухватился за нить, - он взглянул на Юлиана Хафта. - Я полагаю, вы воскресили в памяти события, описанные мисс Тензер?

Очевидно Хафт еще не решил, как на все это реагировать. Видно, он обдумывал это с тех пор, как увидел Энн Тензер. Он несколько раз снимал очки и, если он не мог решить, что делать со своими руками, то наверняка он так и не решил, что же говорить. И выпалил:

- Нет, я не вспомнил.

- Вы не вспомнили эти события?

- Нет.

- Вы опровергаете ее показания? Утверждаете, что она лжет?

Хафт вытер губы.

- Я не говорю, что она лжет. Я говорю, что она ошибается. Она, очевидно, спутала меня с кем-нибудь другим.

- Это неблагоразумно, - сказал Вулф. - Вам следует или признать факты, или сказать, что она лжет. Вы недалековидны. Вы глупейшим образом привлекли к себе внимание, когда я рассказал об анонимных письмах. Вы сопротивлялись моей просьбе дать список и неохотно дали его. Вы попросили конверты. Но вы знали, что анонимных писем не было. Но после того, как вы сняли петлю, задушившую Эллен Тензер...

- Это ложь! Я объявляю вас лжецом.

- Вам нечего меня больше бояться, мистер Хафт. Сейчас, когда я разоблачил ваше бесстыдство и вашу виновность, я мог бы вам даже посоветовать: немедленно уходите отсюда. И готовьтесь к защите. Ваша обширная операция должна была оставить следы - письма или телеграммы, корешки чеков или аннулированные чеки, если вы платили Эллен Тензер, моток веревки, номер телефона, детский гектограф, на котором вы напечатали записку, волос с головы Кэрл Мардус в вашей машине или волос с вашей головы в машине Тензер - теперь, когда вы разоблачены, возможности неисчислимы. У вас впереди масса работы, не откладывайте, приступайте. Идете?

Лео Бингхэм пробормотал:

- Господи, как это жестоко.

- Вы чертовски уверены, что он не уйдет, - сказал Крамер. Он встал. - Никто не уйдет. Где телефон?

- У меня есть предложение, - сказал Вулф. - Два часа назад я задал мистеру Аптону вопрос, на который он отказался ответить. Я предлагаю вам спросить его: сказала ли Кэрл Мардус ему, кто помог ей избавиться от ребенка?

- Сообщила она вам это? - спросил Крамер у Антона.

- Да.

- Почему вы не дали показания об этом вчера?

- Меня не спрашивали. И я не знал, что мне известно теперь. И повторяю, мое официальное требование об аресте Ниро Вулфа и Арчи Гудвина по моей жалобе. А на ваш вопрос я отвечу. Кэрол Мардус рассказала мне, что Юлиан Хафт встретил ее на аэродроме и взял ребенка. - Он повернулся к Хафту. - Юлиан, ты не можешь ожидать от...

Он не закончил. Хафт снова попытался снять очки, руки его дрожали и он не мог с ними справиться.

- Где телефон? - спросил Крамер. Миссис Вэлдон показала, и он направился к телефону, но остановился и потребовал:

- Оставайтесь на своих местах. Я вызову машину и увезу всех в окружную прокуратуру. - Он взглянул на Вулфа. - Вы никогда не выходите из дома, а? Теперь, когда вы все-таки вышли, вернетесь, когда я разрешу.

Вулф обратился к Люси:

- Миссис Вэлдон, вы были гостеприимны и я вам признателен. Советую вам уйти из этой комнаты. Поднимитесь наверх и запритесь. Инспектор Крамер будет настаивать, чтобы вы отправились с нами, но для этого нет никаких причин. Пожалуйста, идите.

Люси встала и вышла.

Глава 20

Как-то на прошлой неделе утром, снежным ветреным январским утром, когда приятно быть дома и смотреть в окно, я сидел за столиком для завтрака и ел третий кусок свинины с приправой.

- Новая выдумка? - спросил я Фрица. Он посмотрел на меня с сияющей улыбкой.

- Вы начинаете понимать, что такое вкус, Арчи. Еще лет десять, и вы станете гурманом. Вы можете сказать, что я предложил вам?

- Конечно, нет. Но ты сотворил нечто необыкновенное.

- Я вместо шалфея добавил несколько капель апельсинового сока.

- Я думаю, ты гений. Два гения в одном доме, и с одним из них легко говорить. Можешь сказать это первому гению. Ты читал утренние газеты?

- Да. Об убийце, Хафте. Его апелляция отклонена.

- Он попытается еще раз. Если платить адвокатам хорошие деньги, можно найти массу уловок. Беднякам этого не дано, и ты не рискуй кого-нибудь убивать.

Он стоял у плиты, переворачивая следующий кусок свинины.

- Простите, Арчи, что я заставляю вас ждать, но сковородка была холодной, а я не ожидал, что вы спуститесь вниз так рано. Вы говорили, что собираетесь во "Фламинго".

- Ты опять не говоришь прямо, - сказал я. - Ты мог бы просто спросить, почему я не пошел во "Фламинго". А если бы я все-таки был там, ты мог бы спросить, почему я так рано вернулся?

- Я спрашиваю.

- Я отвечаю. Во-первых, я был во "Фламинго". Во-вторых, я вернулся рано, потому что пришлось уйти. В-третьих, почему мы ушли рано? У ребенка поднялась температура и моя спутница беспокоилась. Нервничаящая женщина всегда плохо танцует. Я все тебе объяснил?

- Да, - он взял мою тарелку и вернул ее с горячим куском свинины. - Вулф тоже беспокоится, Арчи. Он считает, есть опасность, что вы женитесь на этой женщине.

- Я знаю, что он волнуется. Меня это устраивает. Через месяц я намекну ему о повышении, - я взял кусок свинины, обжаренной в сухарях, с приправами и апельсиновым соком.